

Михаил Рыськов

**ГЕРОИ ЗЕМЛИ
МОГИЛЕВСКОЙ**

Могилев
«АмелияПринт»
2018

УДК 947.64-25(084.121)
ББК 63.3(4Бси-4Мог)
Р95

Автор благодарит за помощь в сборе материалов для данной книги:

П. В. Николаенко – племянника генерал-лейтенанта авиации Е. Н. Николаенко;

А. Н. Годуна – директора, С. Н. Брюзгину, Е. А. Набокову, А. В. Булыгину – работников учреждения «Гос. архив общественных объединений Могилевской области»;

А. Н. Батюкова – директора УК «Музей истории Могилева»;

Т. Л. Романову – музей ГУО «СШ № 33»;

С. А. Маршалковского, Д. К. Маршалковскую – племянника и дочь К. Л. Ваньковича;

С. П. Бородаво – зам. ген. директора РУП «Могилевэнерго», М. З. Гришкевича – сотрудника, председателя совета музея филиала «Бобруйские электросети»;

А. С. Барсукову и С. А. Гончарову – работников УК «Могилевский областной краеведческий музей» имени Е. Р. Романова;

Г. В. Ромашкевич – ведущего специалиста ИЦ УВД Могилевского облисполкома

ISBN 978-985-6891-65-9

© Рыськов М. А., 2018

© Оформление.

ЧУП «АмелияПринт», 2018

Часть I. Герои земли Могилевской

*Курсант авиашколы
Е. М. Николаенко, фото 1929 г.*

Герой-летчик и генерал Евгений Николаенко

В числе первых Героев Советского Союза наш земляк, уроженец дер. Удога Чериковского района Евгений Макарович Николаенко. И если имя Отто Юльевича Шмидта, также из плеяды первых кавалеров Золотой звезды, хорошо нам известно – в Могилеве один из проспектов назван его именем, то герой-летчик Николаенко незаслуженно нами забыт. А ведь Евгений Макарович – один из первых советских военных летчиков: еще в конце 1920-х гг. он окончил Военно-теоретическую школу ВВС Красной армии, а затем

Военную авиашколу летчиков, в числе первых, в советских ВВС ему было присвоено и звание генерала авиации.

Родился он 30 сентября 1905 г. в крестьянской семье. В то время в дер. Удога проживало около 600 жителей, семьи были большими, а вот земли крестьянские хозяйства имели мало. Отец – Макар Григорьевич Николаенко имел пять десятин земли. В то же время по тысяче десятин пашни и сенокоса владели местные помещицы дворянки Силинич Татьяна и Скрабецкая София. Сами они жили в Могилеве и Варшаве, а на их земле сидели арендаторы. В деревне были корчма и начальная школа, которую Женя окончил на пятерки. А в 1918 г. в уездном Черикове стали работать несколько школ 1 и 2 ступени, в которые стали принимать и крестьянских детей

школьного возраста, окончивших начальную школу. В школу 2-ой ступени, которую возглавлял Модест Николаевич Лепешинский, поступил и Женя Николаенко. Модест Николаевич преподавал в школе и математику. Одним из лучших его учеников был Евгений, окончивший школу в 1924 г. В июне того же года он уехал в Ленинград для продолжения учебы, где уже жил его старший брат Савва – студент института инженеров Гражданского флота. Но, случилось так, что брат заболел туберкулезом. Евгений пошел работать грузчиком в артель «Красный студент», чтобы прокормиться самому и помогать брату. Более трех лет Евгений работал в этой артели, выполнявшей работы на заводах «Красный путиловец», «Красный выборжец», в «Невском порту». Вырос он и в профессиональном отношении, выполнял обязанности помощника производителя погрузочно-разгрузочных работ.

В те годы среди молодежи рос интерес к авиации, ведь именно тогда в Ленинграде впервые зазвучало имя летчика Валерия Чкалова, сумевшего пролететь под пролетами одного из мостов через Неву. Евгений Николаенко в декабре 1927 г. подал заявление и успешно сдал экзамены в Военно-теоретическую школу ВВС Красной армии. Затем его направляют в Борисоглебскую военную школу летчиков, а после окончания, в 1930 г. он был оставлен в ней инструктором. За шесть лет работы в школе – летчиком-инструктором, командиром звена, отряда – он подготовил, воспитал целое поколение советских летчиков, в тяжелую годину Великой Отечественной войны сумевших не только устоять против германских ВВС, но затем и завоевать господство в воздухе.

В том же 1930 г. во время нахождения в отпуске Евгений женился на Матрене Васильевне Иватошевой, уроженке дер. Ботвиновка Кричевского района Могилевской области. В следующем 1931 г. у них родился сын Вадим.

В декабре 1936 г. Евгения Макаровича, по его настойчивой просьбе, направляют в войска и назначают командиром отряда в 118-ю авиаэскадрилью 92-й бригады ВВС Красной армии, дислоцированную в городе Люберцы в Подмосковье. В июне 1937 г. капитана Николаенко назначают командиром 118 истребительной авиаэскадрильи.

Как известно, в 1920-е, 30-е гг. весьма агрессивно вела себя на Дальнем Востоке милитаристская Япония: она захватила Корею, значительную часть территории Китая. Китайский народ сражался против японских захватчиков и, в этой борьбе ему помогал Советский Союз. В числе летчиков-добровольцев в марте 1938 г. в Китай был направлен и командир эскадрильи Николаенко.

Воздушные бои с японскими пилотами были тяжелыми и кровопролитными, они смело шли в атаку, в том числе лобовую. Японцы имели на вооружении истребитель И-96, изготовленный из дюралевых сплавов и развивавший скорость до 380 км.

Наша авиация базировалась на аэродромах в Ханькоу, Наньчане и Нанкине. Воевали наши летчики на И-15бис и И-16. 29 мая 1938 г. командование японских ВВС решило в день рождения своего императора нанести массированный бомбардировочный удар по советским самолетам в городе Ханькоу. Наши летчики дали достойный отпор: из 54 самолетов противник недосчитался 21. В этом бою свою первую победу одержал и летчик Евгений Николаенко. Отличился он и как умелый командир. 12 августа 1938 года в небе над Уханем, командуя 40 нашими истребителями, провел бой с 120 японскими самолетами. В этом воздушном сражении советские летчи-

ки одержали убедительную победу, сбив 16 японцев. Потери наших летчиков были в три раза меньше – 5 самолетов. Это надолго отбило охоту у японского командования применять массированно свою авиацию, безнаказанно бомбить и штурмовать китайские отряды, жечь их города и селения. А всего в небе Китая Евгений Макарович одержал 3 личные победы в воздушных боях, а также 10 – в составе группы.

Надо отметить, что в небе Китая в те годы пали смертью храбрых более 200 советских летчиков. Но, кровь, пролитая ими, не была напрасной! Япония не решилась совершить нападение на СССР осенью 1941 г. Японские генералы уразумели, что Красная армия – это не царская армия, с которой они воевали в 1904–1905 гг.

Кстати, в Китае, в Порт-Артуре покоятся русские воины, среди них немало и уроженцев нашей могилевской земли, павшие в войну 1904–1905 гг. и, в 1930-х – 1945 гг. Так вот, китайцы в первом случае на памятнике написали: «Русским матросам и офицерам, погибшим в империалистической войне 1904–1905 гг. на территории Китая», а, во-втором случае: «Советским воинам, сражавшимся за свободу и независимость Китая». И это место священо для каждого китайца.

В сентябре 1938 г. Евгений Макарович вернулся вместе со своими товарищами в СССР и проходил службу в качестве начальника Кировобадской авиашколы летчиков.

В ноябре 1938 г. майор Николаенко был награжден орденом Красного Знамени. А 23 февраля 1939 г. в газете «Правда» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Золотую звезду за номером 122 вручил герою М.И. Калинин в конце 1939 г. Позднее, после Великой Отечественной войны за лично сбитые японские самолеты он был награжден китайским правительством Золотой медалью.

В июле 1939 г. приезжал полковник Николаенко и в Могилев, выступал в учебных заведениях, трудовых коллективах. А затем весь Чериков, от мала до велика, встречал своего героя-земляка. В городском парке состоялся митинг, с трибуны которого выступил Евгений Макарович. Его грудь украшали ордена Ленина и Красного Знамени.

Евгений Макарович, несмотря на свои высокие звания и должности, оставался простым и доступным человеком. Всегда с радо-

стью принимал он приезжающих к нему земляков, оказывал им помощь, не отмахивался от просьб, хотя подчас и ему нелегко давалось решение той или иной проблемы.

В сентябре 1939 г. он был назначен заместителем командующего авиацией Киевского особого военного округа, а в августе 1940 г. стал командиром 17-ой авиационной дивизии в этом же округе, а с февраля 1941 г. – он уже командует ВВС Северо-Кавказского военного округа. Кстати, его заместителем по военно-учебным заведениям был уроженец Быховщины полковник С.А. Красовский, будущий маршал авиации. В 1940 г. Николаенко было присвоено звание генерал-майора авиации. Таким образом, наш земляк стал одним из высших военачальников ВВС Красной армии. В первые дни Великой Отечественной войны тыловой Северо-Кавказский округ стал источником пополнения быстро тающей советской фронтовой авиации. А 24 июня 1941 г. и сам Николаенко убыл на фронт и стал командующим ВВС 5-ой армии Юго-Западного фронта. ВВС этой армии он руководит по 30 июля 1941 г., в дни тяжкого отступления Красной армии. В своей автобиографии он пишет об этом периоде войны: «Командовал ВВС 5 армии (Луцкое направление), усилия ВВС армии были направлены преимущественно на разведку войск и уничтожение живой силы, техники наступающего противника, особенно на переправах и основных дорогах, идущих к фронту... Организации настоящего взаимодействия с наземными частями мешало частое отсутствие связи, временами приходилось авиаразведкой устанавливать положение своих войск. Кроме того, на самолетах отсутствовали радиостанции». Надо отметить, что именно 5 армия наиболее успешно сражалась с захватчиками летом 1941 года. 19 июля в директиве №33 Гитлер констатировал, что продвижение северного фланга группы армий «Юг» задержано укреплениями Киева и действиями 5-й советской армии. 30 июля из Берлина последовало категорическое приказание: «5-ю армию красных,... вынудить принять бой западнее Днепра, в ходе которого она должна быть уничтожена». Но армия сражалась, сдерживая продвижения врага. В этом была немалая заслуга и командующего ВВС этой армии генерала Николаенко.

Мы в настоящем историческом очерке впервые расскажем

также о роли и активном участии генерала Николаенко в первой успешной наступательной операции в Великой Отечественной войне в районе Ельни. Как известно, 29 июля 1941 г. в результате конфликта между И. Сталиным и Г. Жуковым, последний был освобожден от должности начальника Генштаба и назначен командующим Резервным фронтом. Ему было дано конкретное поручение отбить у немцев город Ельню. Еще 19 июля части 2-ой танковой группы генерала Гудериана взяли Ельню, образовав выступ, угрожавший непосредственно Москве. 31 июля генерал Николаенко назначается командующим ВВС этого фронта. Несомненно, это назначение состоялось с ведома и, скорее всего, по инициативе Георгия Константиновича. В течение августа 1941 г. шли тяжелые кровопролитные бои в районе ельнинского выступа, в которых активное участие принимала и авиация фронта. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок записывает 2 сентября в своем военном дневнике: «Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью».

6 сентября Ельня была полностью очищена от захватчиков, кроме того, немецкие части были отброшены на запад еще на два десятка километров от города. Несомненно, эти успехи советских войск были невозможны без завоевания господства в воздухе советской авиацией. Впервые в Великой Отечественной войне это сумел сделать наш земляк – генерал Николаенко. К сожалению, его не стало вскоре после окончания войны и, он не написал мемуаров, ну, а другие забыли.

После одной из встреч с известным полководцем Николаенко записал в дневнике: «Г.К. Жуков – военный талант, у которого надо учиться. Всему – даже подтянутости и аккуратности. Не любит многословья. Сразу приступает к делу. Я удивился, когда он стал расспрашивать о жене, сыне, их здоровье».

В первой половине октября 1941 г. генерал армии Жуков назначается командующим Западным фронтом и почти сразу одним из руководителей ВВС этого фронта становится Евгений Макарович.

Как воевал генерал Николаенко, защищая нашу столицу, дает представление выдержка из воспоминаний генерала П.А. Белова «За нами Москва», в тот период времени, командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса:

«Конница почти не имела защиты от атак с воздуха. Спасаясь от вражеской авиации, части корпуса вынуждены были действовать, в основном по ночам... Я послал резкую радиogramму генералу Николаенко: «Прекратите нейтралитет, начинайте воевать». Николаенко на следующий день прилетел в штаб корпуса на У-2. Над деревней, где находился наш штаб, его У-2 перехватили два «мессера», но опытный пилот прижал машину к земле и умело посадил на поле.

Генерал Николаенко долго пробыл в корпусе. Он оказался человеком общительным, дело свое знал и любил... Взаимодействие с авиацией улучшилось. Но сил, имевшихся в его распоряжении, было явно недостаточно, чтобы справиться с авиацией противника».

За оборону Москвы Евгений Макарович был награжден орденом Красного Знамени. К этой награде его представил командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков.

В феврале 1942 года Николаенко был назначен командующим ВВС Крымского фронта. В своей книге воспоминаний генерал-полковник авиации С.Н. Гречко, в 1942 году – начальник оперативного отдела штаба авиации фронта так описывает нового командующего: «широкоплечий, выше среднего роста генерал с небольшим шрамом у правого глаза, голос твердый с белорусским акцентом». Николаенко правильно повел руководство боевыми действиями нашей авиации в Крыму, объединив ее под единым командованием, собрав ее в кулак. Но, по требованию представителя Ставки Мехлиса, она располагалась скученно в районе Керчи, что позволяло немцам постоянно наносить ей потери. Кроме того, как пишет в воспоминаниях вышеупомянутый командир: «Присутствие Л.З.Мехлиса, сказалось прежде всего в том, что по его требованию мы (т.е. штаб) три раза в сутки готовили справки-доклады о боевой деятельности авиации сторон... На все это затрачивалось много времени, и потому его не хватало для обстоятельной и целеустремленной подготовки ВВС фронта к предстоящему наступлению». Короче, воевать было некогда. Кроме того, наша авиация в то время, отставала в техническом отношении от немецкой.

В мае 1942 г. немцы подготовили наступательную операцию против Крымского фронта под кодовым названием «Охота на дроф». Они сосредоточили значительные силы, которые уступали по

численности нашим частям, но были по качеству боевой подготовки и вооружению лучше. А вот что касается авиации, то против ВВС Крымфронта немцы нацелили свой 4-ый воздушный флот, а 8-ой авиакорпус генерал-полковника фон Рихтгофена был сосредоточен на непосредственную поддержку 30-го армейского корпуса, прорывавшего нашу главную полосу обороны на Керченском полуострове. Кроме того, большинство авторов забывают, что в Крыму участие в боях принимали и румынские войска, имевшие свою авиацию. Из 165 самолетов румынских ВВС – около сотни были нацелены против советских частей в Крыму. Таким образом, противник имел свыше 500 самолетов против наших 400, причем 70 процентов из них устаревших типов: И-16, И-153, СБ, СУ-2, ТБ-3, У-2. Истребители ЯК-3 и Ла-5, равные и даже превосходившие МЕ-109 появились у нас только в 1943-м году.

Утром 8 мая 1942 г. немецкая авиация нанесла удар по штабу фронта в пос. Ленинское и нашим аэродромам, блокировав их. Командование фронта проспало готовящееся немецкое наступление. Надо также отметить, что главком Северо-Кавказского направления, которому подчинялся Крымский фронт, маршал Буденный 30 апреля представил Сталину план операции по освобождению Крыма. Именно по его приказу значительные силы авиации фронта наносили удар по Мариуполью, вместо поддержки своих войск в Крыму. Это подтверждает в своей книге воспоминаний «Маршрутами мужества» и генерал Каравачкий, в 1942 г. – командир 132 бомбардировочной дивизии. Он пишет: «В ночь на 8 мая основной целью нашей дивизии был порт Мариуполь». И далее он свидетельствует: «В ту же ночь над Старым Крымом, Ислам-Тереком и Владиславовкой мы разбросали сотни тысяч листовок. Разоблачая фашизм, наше советское командование предлагало немецким солдатам и офицерам добровольно сдаваться в плен». Какой идиотизм! Сбрасывать на изготовившиеся к наступлению войска противника не бомбы, а листовки.

Именно с целью организации авиационного наступления в Крыму 5 мая в Краснодар, в штаб ВВС направления, прибыл заместитель командующего авиацией дальнего действия генерал Н.С. Скрипко. В своей книге воспоминаний «По целям ближним и дальним» он пишет: «КП Николаенко было в пещере около паромной переправы

через Керченский пролив. Командующий ВВС Крымского фронта фактически потерял управление частями». Не трудно догадаться, что он примерно так и доложил в Москву в те дни. Дальше он пишет, что 12 мая ему позвонил Сталин и приказал: «Мы посоветовались и решили вам подчинить всю авиацию Крымского фронта».

Крымский фронт в ходе боев 8–18 мая 1942 г. был разбит войсками 11-ой немецкой армии генерала Манштейна. Наши войска потеряли 176 тысяч человек, в том числе около 150 тысяч – пленными. Немцы уничтожили, а в значительной степени захватили 3,5 тысячи наших орудий и минометов, 350 танков.

Потери противника были на порядок ниже. Так, они потеряли убитыми и ранеными свыше 10 тысяч солдат и офицеров, 11 танков, около полусотни орудий, незначительное число другой техники. А вот, что касается самолетов: опубликованные в последнее время данные из Федерального архива Германии свидетельствуют, что в них немцы понесли довольно приличные потери. И особенно, в период с 8 по 12 мая, когда генерал Николаенко командовал ВВС фронта. Так за эти дни 4-ый воздушный флот потерял сбитыми и поврежденными 103 самолета, из них 8 мая – 25, 9-го – 22, 10-го – 23, 11-го – 15, 12-го – 17. 8 мая над Ак-Монаем советский истребитель таранил Хе-111. Только в 8-ом авиакорпусе фон Ритгохфена погибли и были взяты в плен в боях на Керченском полуострове 110 человек летного состава. Это зафиксировано в немецких документах. Надо добавить к этому еще около 30 самолетов потерянных румынами. А вот начиная с 13 мая, со дня, когда ВВС фронта стал командовать генерал Скрипка, потери противника резко уменьшились и составили с 13 по 19 мая всего 19 самолетов. А в целом в операции «Охота на дроф» немецкие и румынские ВВС потеряли сбитыми и поврежденными 153 самолета или примерно 30 процентов от численности на начало операции. Это были для противника довольно ощутимые потери в начальный период войны. И если, затем в ходе штурма Севастополя немцы активно использовали нашу артиллерию и танки, то самолетов советских типов сбрасывавших бомбы на его защитников не было. Если бы аналогичные потери немцы понесли в личном составе или танках, «Охота на дроф» не удалась бы.

Тем не менее, главным виновником катастрофы в Крыму сделали ВВС фронта. И это начал делать еще 14 мая все тот же Мехлис, отметив в донесении Сталину: «Авиация врага решила исход боя...». Однако, И.Сталин в своем письме Мехлису подчеркнул: «Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта...».

Еще утром 8 мая генерал Николаенко сообщил в штаб ВВС направления, в Краснодар, что немецкая авиация наносит массированный удар по аэродромам и нашим войскам. Ведь из 17 авиаполков Крымского фронта, 9 – находилось на аэродромах Кубани и, с ними у Николаенко не было устойчивой связи. Но, штаб ВВС Северо-Кавказского направления и генерал Скрипко немного сделали для помощи защитникам Керчи. Не прикрыли они с воздуха и переправу войск Крымского фронта через Керченский пролив на Тамань 14–19 мая. А ведь Скрипко и Николаенко хорошо знали друг друга – в первой половине 1930-х годов они служили в Борисоглебской школе летчиков. Еще одна интересная историческая деталь из биографий этих военачальников: в 1949 г. генерал-лейтенант Николаенко был назначен командующим авиацией дальнего действия, и в том же году работавший в должности первого заместителя командующего АДД маршал авиации Скрипко направляется на учебу на курсы при Высшей академии им. Ворошилова.

Командующий ВВС фронта генерал Николаенко в мае 1942 года был снят с должности с формулировкой «не сумел организовать отпор вражеской авиации на Керченском полуострове», понижен в звании до полковника и назначен начальником Липецких курсов усовершенствования командного состава ВВС, в 1944 г. преобразованных в Высшую офицерскую школу.

Но, фронт остро нуждался в умелых командирах и опытных летчиках, ведь к октябрю 1943 г. в личной летной книжке Евгения Макаровича было отмечено 140 боевых вылетов, из них 30 – ночных. 25 августа 1944 г. он был назначен заместителем командующего 1-ой воздушной армии.

...3-й Белорусский фронт. Под сокрушительными ударами

наступающих войск Советской армии откатывались на запад гитлеровские войска. В своей автобиографии генерал Николаенко в 1947 г. пишет: «В указанный период я фактически все время боевых действий находился в войсках. Прилетев в Литву в период начала подготовки к наступательной операции, я получил задание: организовать взаимодействие авиации с войсками 11-й гвардейской армии генерала Галицкого, которая должна была наступать южнее железной дороги Гумбинен – Истенбург. Тщательно отработанный план взаимодействия с наземными войсками, обеспеченность средствами управления авиацией, отличная подготовка, дали возможность отлично обеспечить действия 11-й армии... Успех был отличный...

Планирование, организация взаимодействия и фактическое управление операцией над полем боя, также, как и в изложенной выше операции было возложено на меня и во второй Прусской операции 3-его Белорусского фронта... Войска фронта продвинулись до подступов к гор. Кенигсбергу с овладением форта №10 (на юге города). Я получил высокую оценку своей работы от командующих армиями и фронта. Последующие операции на Земландском полуострове, овладение портом и базой Пиллау и косой Фриш-Нерунг также проведены под моим непосредственным командованием по планированию, организации, управлению авиацией над полем боя.

Во всех перечисленных операциях я находился на КП соответствующего командующего общевойсковой армией, а при управлении авиацией над полем боя чаще всего на специально оборудованном КП в 1,5–2 км от переднего края».

А вот свидетельство участника тех событий, полковника в отставке Е.В. Кояндера, в 1944–45 гг. он – майор, зам. начальника связи 1-й воздушной армии. В своей книге воспоминаний «Я – Рубин, приказываю...» он пишет: «Генерал Николаенко прибыл накануне наступления. Он обошел вместе со мной все объекты связи, с НП переговорил по телефону со всеми командирами авиасоединений... Едва покинули НП, как противник подверг обстрелу нашу высоту... С Николаенко мне довелось работать еще в боях под Москвой. Генерал всегда был внимателен и требователен к связи, и с ним легко решались не только общие вопросы, но и отдельные чисто технические».

Эта книга вышла в 1980-х гг. Давно не было генерала Николаенко. Отставнику-полковнику можно было с восторгом написать об известных военачальниках, которых, несомненно, ему довелось видеть во время войны. Но он вспомнил добрым словом генерала Николаенко, значит, тот заслужил хорошую память своими делами!

Советские летчики, которыми руководил Евгений Макарович, покрыли себя неувядаемой славой в боях в Восточной Пруссии, при штурме Кенисберга и овладении портом и базой Пиллау. В 1944 г. он был восстановлен в звании генерал-майора, в 1945 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, а также награжден полководческими орденами Суворова и Кутузова 2-ой степени. Это была заслуженная честь, отданная Отечеством своему сыну-герою – ведь именно генерал Евгений Макарович Николаенко был в числе тех, кто успешно воевал в тяжелом, страшном 1941 году.

Нелишним будет добавить: генеральские звания в то время присваивались постановлением Совнаркома и подписывались И. Сталиным, который помнил об успехах Е. Николаенко в первый период войны, самый тяжелый!

А ведь никто более из генералов, командовавших Крымским фронтом в мае 1942 г. не был при жизни Иосифа Вассарионовича повышен в звании, кроме Николаенко.

Летом 1945 г. 1-я воздушная армия была передислоцирована в Беларусь, переименованная позднее в 26 армию. Именно ее части и соединения стали основой для формирования Военно-Воздушных сил независимой РБ. После войны ВВС Советского Союза стали переходить на новую авиационную технику: самолеты с реактивными двигателями. Оказались востребованными такие командиры как генерал Николаенко, имевших большой опыт по обучению летчиков, способных наладить методически грамотно эту работу в частях и соединениях. Евгений Макарович назначается командующим 11-й, а затем 1-й воздушной армией, 1-ым заместителем, а затем командующим авиацией дальнего действия. И продолжает летать. В его летной книжке записано: в 1946 году – 76, в 1947 – 126, в 1948 – 147, 1949 – 184 полета.

В 1952 г., после окончания академии Генштаба, назначается командующим 50 Воздушной армией со штабом в Смоленске. Надо отметить, что авиачасти этой армии базировались в Беларуси и Прибалтике. Несомненно, генерал Николаенко был в послевоенные годы одним из выдающихся авиационных военачальников в СССР, ему открывались блестящие перспективы в плане служебного роста. Но, к сожалению, стало сдавать здоровье, подорванное войнами и 25-летней военной службой. В декабре 1955 г. он ушел в отставку в возрасте 50 лет. Поселился в Ленинграде, где жили родственники. Ушел из жизни генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Е. М. Николаенко 16 апреля 1961 г. В свои последние дни он был горд за Юрия Гагарина, ведь в этом была и частичка его труда.

Мне удалось видеть интересный документ. В 1966 г. полковник в отставке Серегин, муж сестры жены Николаенко, обратился с просьбой к секретарю ЦК Компартии Беларуси Пилотовичу с просьбой об увековечивании памяти генерал-лейтенанта Е.М. Николаенко. Это письмо было переадресовано в Могилевский обком партии, но здесь ничего в этом плане не сделали. Мне представляется, что эту ошибку надо обязательно исправить.

Сегодня большую работу по увековечиванию, восстановлению памяти нашего земляка, выдающегося летчика Евгения Николаенко ведет его племянник Петр Владимирович Николаенко. И уверен – его работа на этот раз, увенчается успехом.

Эта книга также издана при его активной помощи и поддержке. Петр Владимирович родился в дер. Охор Чериковского района в 1955-м году. Детство прошло в семье деда Евстигнея Григорьевича, родного брата отца летчика-героя, Макара Григорьевича. В деревне

П. В. Николаенко, фото 2018 года

Удога он учился в 1–5 классах местной школы. Затем окончил 8 классов в Устьянской СШ и Могилевское среднее ПТУ-54- строителей. Прошел армейскую службу в войсковой части, дислоцировавшейся в знаменитых Печах, под Н-Борисовым. Работал монтажником в МУ «Промвентиляция» и заочно окончил Минский политехнический техникум. С 1978 г. работает в ОАО «Могилевтехмонтаж». Прошел все производственные ступени и на пенсию ушел с должности заместителя директора по производству. В настоящее время работает заместителем главного инженера дирекции ОАО «Могилевхиммонтаж».

Летчики Могилевского авиаотряда (дивизиона) по охране Ставки, удостоенные Георгиевских наград

В 2010 г. мною (М. Р.) написана и издана книга «Воздушные асы Беларуси. Их подвиг бессмертен». В ней впервые в нашей стране приведены биографии летчиков-белорусов, уроженцев Беларуси, участников 1-ой мировой войны, удостоенных ордена Святого Георгия 4-ой степени. После этого вышло несколько книг в Минске и Могилеве о Георгиевских кавалерах – белорусах, могилевчанах, удостоенных этой награды в годы 1-ой мировой войны, но ни в одной из них не названы имена летчиков-героев охранявших небо над Могилевом в 1915–1917 гг. Тогда, в 2010 г., из-за отсутствия денег, я не смог включить в свою книгу еще одну главу и назвать их имена, привести биографические данные летчиков – Георгиевских кавалеров авиаотряда, затем авиадивизиона, несшего службу ПВО в Могилеве в 1915–1917 гг., в период нахождения здесь Ставки. А так как, до сего времени, их имена так и остаются неизвестными, то я и решил назвать имена и опубликовать впервые их биографии в этой книге.

Алексей Абакуменко

Родился в 1889 году в состоятельной мещанской семье, что позволило получить хорошее домашнее образование. В 1910 году призван на воинскую службу и был направлен в 11 воздухоплавательную роту, дислоцированную в городе Лида Гродненской губернии. Молодой солдат Алексей Абакуменко попал в команду мотористов.

Ежедневные полеты ротных летчиков вызвали непреодолимое желание самому подняться в небо. В 1912 году направлен в авиационную Офицерскую школу в Гатчине. Успешно окончил курс обучения. В том же 1912 году получил звание летчика и чин ефрейтора.

Молодого пилота направляют для дальнейшего прохождения службы в Брест-Литовский крепостной авиационный отряд, где, став унтер-офицером, исполняет обязанности заведующего мастерскими, вооружением отряда. Вместе с тем, Алексей Абакуменко часто летал, совершенствуя свое боевое мастерство и, войну 1914 года встретил опытным летчиком. В начавшихся боевых действиях проявил себя, за что уже в декабре 1914 года был удостоен солдатского Георгиевского креста 4 степени. В реляции писалось: «18 и 20 ноября 1914 года, под действительным и крайне сильным орудийным и ружейным огнем противника, дал возможность произвести наблюдателю поручику Алексееву ряд весьма удачных и ценных фотографических снимков крепости Перемышль. 18 ноября, в другом полете, несмотря на полученную пробоину в аппарате от неприятельского огня, дал возможность выбросить бомбы в электрическую станцию и постройки форта». Затем он был награжден Георгиями 3, 2, 1 степени, получил офицерский чин.

С августа 1915 года, со времени прибытия императора Николая II в Могилеве, летчика, полного Георгиевского кавалера прапорщика Абакуменко в числе первых включают в состав особого авиационного отряда по охране Ставки Верховного Главнокомандующего. После Февральской революции 1917 года особый авиадивизион по охране Ставки расформируется и Абакуменко в июне 1917 года переводят в 15 авиационный отряд истребителей. В октябре 1917 года он награждается офицерским орденом Св. Георгия 4 степени за то, что 19.07.1917 г. охраняя шедший на немецкую территорию для бомбометания наш «Фарман», увидел неприятельский истребитель, вступил в бой, а затем сбил истребитель противника. Позднее Алексея направили в Великобританию для переучивания на новых самолетах.

Узнав об Октябрьской революции, он покидает обеспеченный Альбион и возвращается на родину, охваченную пламенем Гражданской войны. Воюет в 1 сибирском корпусном авиаотряде Воздушного

флота армии Колчака. После разгрома белого движения оказывается в Харбине. Здесь в 1920 году разбивается при испытательных полетах на местном аэродроме.

Анатолий Алексеев

Поручик Алексеев служил адъютантом саперной роты в Брест-Литовской крепости и знакомство с офицерами и полетами летчиков расположенного рядом авиационного батальона побудили его в июне 1914 года перевестись в авиацию. В октябре того же года он уже штатный офицер-наблюдатель в 26 корпусном авиаотряде. Участвует в боевых действиях на Юго-Западном фронте, отличился при взятии крепости Перемышль, за что Высочайшим приказом награждается орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом. А вскоре Анатолия Александровича удостоивают высшей награды империи – ордена Св. Георгия 4 степени за то, что во время боевого вылета 24 июня 1915 года, на высоте 2000 метров (это почти предельная высота для самолетов того времени) сбил неприятельский, более совершенный аппарат, с летчиком и наблюдателем.

В начале 1916 года летчика-наблюдателя Алексеева награждают Георгиевским оружием за успешную разведку в тылу противника.

В феврале 1916 г. командирован в Севастопольскую авиашколу для обучения на военного летчика. После успешного сдачи экзамена в июле того же года направлен в авиационный отряд обороны Ставки в Могилев. Исполняет обязанности адъютанта дивизиона, а затем начальника 1 авиаотряда. В июле 1917 года авиационный дивизион Ставки был расформирован. Штабс-капитана Алексеева направляют командиром 12 авиационного отряда на Северный фронт. В декабре 1917 года избирают командиром этого же отряда, который входит в состав Красного воздушного флота. В годы гражданской войны красный военлет Алексеев служил командиром авиационной группы, помощником начальника Управления авиации Ярославского военного округа, затем в 3-ем авиапарке.

В 1922 году на Смоленском аэродроме Анатолий Александрович, после настойчивых просьб молодой супруги, решился прокатить ее на «Вуазен-8». А аппарат был старый, в полете лопнул вал мотора и самолет рухнул. Пилот и его жена разбились.

Николай Глубоковский

Родился в 1889 года в семье канцелярского служащего. Окончил в 1907 году Вологодское реальное училище и поступил на военную службу. В октябре 1909 года сдал экзамен при Казанском пехотном училище и ему присваивают чин подпоручика.

В 1913 году поручик Глубоковский направляется на Теоретические курсы авиации им. Захарова при Петербургском политехническом институте, затем в Офицерскую школу авиации. В августе 1914 года в составе 3 корпусного авиаотряда направляется на театр военных действий в Восточную Пруссию. 24 июня 1915 года Николай во время боев на р. Висла вылетел на воздушную разведку, в ходе которой «с явной опасностью для жизни», своевременно выявил отступление противника, результатом было раскрытие планов противника и успешный контрудар по нему у гор. Красника. За этот подвиг летчик Глубоковский Высочайшим приказом был удостоен Георгиевского оружия и произведен в штабс-капитаны. Затем его назначают командиром авиационного отряда, помощником и командиром дивизиона, авиапарка. Осенью 1917 года подполковник Глубоковский служил в Полевом управлении авиации и воздухоплавания при штабе Верховного Главнокомандующего в Могилеве.

После Октябрьской революции 1917 года поступает на службу в Красную армию, являлся в 1918–1920 гг. одним из руководителей авиации Западного фронта. Затем Николая Глубоковского переводят в Полевое управление авиации и воздухоплавания при штабе Реввоенсовета РСФСР, с октября 1922 года он руководит Воздушным флотом Сибири и Дальневосточной республики, участвует вместе с Блюхером в последних боях гражданской войны. В 1925 году его перебрасывают в очередную «горячую» точку – на борьбу против басмаческих формирований в Среднюю Азию, в качестве командира сводной авиационной группы военных и гражданских самолетов. Затем Николай Петрович руководил транспортными организациями, доставляющими грузы в труднодоступные горные и пустынные районы, работал в органах советской власти Таджикистана.

Тимофей Заболоцкий

Родился в 1886 году в семье участника польского освободительного восстания 1861–1863 годов, сосланного на Кавказ в солдаты. Тимофей в 1909 году оканчивает Тифлисское пехотное юнкерское училище и направляется для прохождения службы в Дорогобужский полк. В 1914 году прошел обучение и сдал экзамен на звание военного летчика. С ноября 1914 года поручик Заболоцкий в составе 5 Сибирского корпусного авиаотряда в действующей армии на Кавказе. За отличия в делах против турок» награждается пятью боевыми орденами, а также Высочайшим приказом – Георгиевским оружием. Как лучшего летчика Тимофея переводят в июне 1916 года в авиационный дивизион для охраны Императорской резиденции в Могилеве. С сентября того же года он начальник 2 авиаотряда .

После отречения Николая 2 боевой офицер и летчик возвращается на знакомый Кавказский фронт. Здесь он назначается командиром 3 авиаотряда, а затем помощником Инспектора авиации фронта. Награждается орденом Св. Георгия 4 степени – высшей наградой империи.

В начале 1918 года подполковник Заболоцкий при угрозе захвата турками Батуми вылетает на самолете в Новочеркасск и вступает в Добровольческую армию. Командует авиадивизионом Астраханского казачьего войска, другими авиачастями Вооруженных сил Юга России. В 1920 году полковник Заболоцкий в ходе разгрома армии генерала Врангеля был взят в плен Красной армией. С 1921 года служит в авиационном дивизионе Красного воздушного флота на Туркестанском фронте. В 1923 году назначен старшим инспектором инспекции гражданского воздушного флота, в ноябре 1924 года уволен со службы.

Борис Иванов

Родился в 1887 году в семье чиновника. Окончил в 1910 году Алексеевское военное училище и был выпущен подпоручиком в 17 саперный батальон. В 1912 году командирован в Офицерскую школу Отдела воздушного флота, где после прохождения курса обучения сдал экзамен на звание военного летчика. Зачислен в 18 корпусной авиационный отряд, которым командует уроженец г. Могилева

Бойно-Родзевич. Исполняет обязанности адъютанта отряда, а затем после перехода Бойно-Родзевича на другую должность, назначает-ся его начальником. В ходе начавшихся боевых действий на русско-германском фронте за успешное выполнение заданий командования награждается несколькими боевыми орденами, в том числе Высочайшим приказом – Георгиевским оружием .

В сентябре 1916 года поручик Иванов переводится в авиационную охрану Ставки в Могилеве и назначается помощником начальника дивизиона, затем помощником командира 4 боевой авиационной группы. С января 1919 года служит в Красной армии, командиром авиационного отряда, инструктором в отделе высшего пилотажа Егорьевской школы. Воевал в составе красных авиачастей на Восточном фронте, где авиацией противника командовал бывший командир Бойно-Родзевич. И несомненно, они знали об этом, и не только знали, но и не желали воевать друг против друга. Только этим можно объяснить, что бывший капитан царской армии, красный военлет Иванов советским командованием арестовывается за «халатность и неоднократное промедление в исполнении приказов командующего 3 армией». С 1921 года служит в авиашколах ВВС: младшим инструктором, помощником начальника по летной части 1 высшей школы красных военных летчиков. Затем работает на авиазаводе в Казани. В 1938 году арестован и осужден «за антисоветскую пропаганду и агитацию». В 1955 г. реабилитирован.

Михаил Мачавариани

Родился в 1888 году в семье офицера. Окончил Суворовский кадетский корпус, а затем Константиновское артиллерийское училище. В 1910 году выпущен подпоручиком в 39 артбригаду. В 1914 г. после обучения в авиационном отделе Офицерской воздухоплавательной школы стал военным летчиком. В июне 1915 года, как лучший летчик, переведен в Особый авиационный отряд для охраны Императорской резиденции. Здесь надо пояснить, что в июне 1915 г. в Барановичах в Ставке Верховного Главнокомандующего длительное время находился Николай 2. Поэтому еще тогда для воздушного прикрытия его резиденции, а это был поезд, и начал формироваться авиаотряд, затем переведенный под Могилев.

В 1916 года поручик Мачавариани переводится на «родной» Кавказский фронт. Видимо, спокойная служба в тылу по охране Ставки была ему не по душе. 25 сентября 1917 года сбивает над турецкой территорией неприятельский самолет и удостоивается ордена Святого Георгия 4 степени.

В годы Гражданской войны Михаил Лукич – один из организаторов Грузинской военной авиации, командует авиадивизионом Грузинской красной армии. До 1928 года служил в ВВС, после увольнения жил в Кутаиси.

М. Мачавариани написал книгу о воздушных сражениях 1 мировой войны, изданную в 1969 году в Тбилиси. Есть в ней и раздел, посвященный полетам Михаила Лукича и его боевых товарищей в небе Беларуси в 1915–1916 годах.

Казимир Ванькович – заслуженный учитель БССР и кавалер ордена Возрождения Польши

К. Л. Ванькович, фото 1946 г.

Впервые с именем Казимира Леонардовича Ваньковича, заслуженного учителя БССР, я встретился в 2006 году, когда занимался сбором материалов для музея истории народного образования Могилевщины. В его биографии было много необычного: родился в городе Чита в годы Первой мировой войны, в 1915 г., по национальности – поляк. И это он писал во всех своих анкетах. Его родители, коренные могилевчане, переехали туда в поисках работы, а затем началась Великая война. Вырос и окончил школу в Могилеве,

сюда вернулся и после окончания Великой Отечественной войны. А воевал он в составе Польской дивизии имени Костюшко, был удостоен двух орденов Возрождения Польши за военные заслуги.

С 1954 г. работал в Климовичах Могилевской области, где ему присвоили звание заслуженного учителя БССР. Жизненный путь, пройденный этим человеком свидетельствовал о его незаурядности. Это и побудило меня к изучению биографии, истории его жизни.

В предвоенном Могилеве дружно жили, в основном, горожане четырех национальностей: белорусы, евреи, поляки и русские. До середины 1930-х гг. были и школы, где обучение велось на языках этих народов. В семье Ваньковичей разговаривали и, на русском и, на польском языках.

В 1931 г. Казик окончил семилетнюю школу и поступил учиться в Минский польский педагогический техникум. С 1934 по 1940 годы работал учителем, а затем и директором Шестаковской семилетней школы Копыльского района Минской области. Здесь же, в 1937 г. женился на Альбине Фоминичне Прасолович, работавшей фельдшером на Копыльщине, после окончания Могилевской фельдшеро-акушерской школы. Родиной Альбины была дер. Корзуны Шкловского района. В 1938 г. произошли два важных события в жизни Казимира: родилась дочь Дина и он поступил учиться на заочное отделение Могилевского пединститута. Осенью 1940 г. его, уже в возрасте 25 лет, имевшего семью и ребенка, призвали в Красную армию. Вообще-то, в предвоенные годы, по примеру царских времен, учителей не брали на военную службу, но война разгоралась нешуточная и все эти условности отбросили. Уже в армии он узнал о рождении сына Игоря. Казимир попал служить в Среднюю Азию, в город Термез, в отдельный батальон связи. Через полгода его, как имеющего хорошую общеобразовательную подготовку и работавшего педагогом, направили на курсы младших политруков, которые окончил в сентябре 1941 года. Но присвоив звание «младший политрук» направили не на фронт, а начальником библиотеки в Ташкентскую авиашколу, где он прослужил до августа 1942 г.

Почему Казимир Ванькович не попал в действующую армию в те чрезвычайно напряженные для страны, Красной армии, годы? Сложно ответить сегодня на это. Я думаю, что не знал этого и сам Казимир Леонардович. Предположу следующее. В 1941–1942 гг. попытка И. Сталина сформировать польскую армию под командованием генерала Андерса и направить ее на советско-германский

фронт окончилась неудачей. Она была эвакуирована в Иран, а затем в Египет. Приняла участие в боях против немцев только в 1944 году, в Италии, на стороне союзников. Советские спецслужбы, несомненно, докладывали И. Сталину уже в процессе формирования армии Андерса о ненадежности многих военнослужащих и самого командующего, их нежелании бороться плечом к плечу с советскими воинами. Поэтому пополнение и комплектование этой армии советские органы ограничивали еще в 1941 году, не говоря уже о 1942-ом. И поэтому таких, как Ванькович, советских поляков, и тем более в совершенстве владевших польским языком, берегли, готовили для формирования польской армии, настроенной к Советской власти благосклонно, а не враждебно. Это подтверждает и факт направления Ваньковича, имевшего звание младшего политрука, т.е. равного лейтенанту, в августе 1942 г. на учебу в Ташкентское пехотное училище. Потому что в польской армии политрабработников не было, там служили ксендзы капелланами, т.е. военными священниками.

Из училища он через четыре месяца, в январе 1943 года вышел пехотным лейтенантом и был назначен заместителем командира роты по строевой части запасного полка в городе Бухара.

В журнале приема посетителей И. Сталиным есть записи его встреч с Вандой Василевской в 1941, 1942, 1943 гг. Не могло быть это случайным. Значит, руководителю, Верховному Главнокомандующему находящейся в нелегкой ситуации войны стране, армии, зачем-то нужна она была. Именно В. Василевская в июле 1943 года присутствовала и выступала, приветствуя от имени польского народа воинов, на торжественном вручении знамени 1-ой Польской дивизии им. Костюшко.

В июне 1943 г. лейтенанта Ваньковича вызвали в Москву. Событие неординарное не только для лейтенанта, но и генерала. Он должен был ехать через Поволжье, а в Саратовской области в селе Великий Лог жила и работала фельдшером жена Альбина с детьми. Сына Игоря, которому шел третий год он вообще не видел. Собирали и готовили к встрече с семьей Казимира всей частью, друзья отдали ему для семьи свое пайковое масло, тушенку, мыло, хорошо зная, как голодно жилось в тылу. Приезд отца к семье хорошо запомнила дочь Дина, которой тогда было уже 5 лет. Она первой заметила

военного спускавшегося с пригорка и закричала «Папа, папа идет!» И она оказалась права, несмотря, что не помнила отца, а взрослые подумали, что просто ребенок сильно хочет видеть его и обознался. И еще запомнила маленькая Дина, что отец привез вкусную колбасу, которую она доставала из баночки. Очевидно, это была американская консервированная колбаса.

В Москве К. Ваньковичу, в числе большой группы советских командиров, было объявлено, что он направляется на выполнение правительственного задания и переводится для дальнейшего прохождения службы в формируемую 1-ую Польскую пехотную дивизию имени Костюшко. Их направили в район Рязани, в Селецкие лагеря, где комплектовалась дивизия. Ваньковичу присвоили чин поручика и назначили начальником штаба учебного батальона этой дивизии. В этой должности он прослужил год, принимал участие в сражении под Ленино в Горецком районе Могилевской области в октябре 1943 г. Летом 1944 года, когда Советская армия вступила на польскую землю, началось формирование массового Войска Польского. Капитан, а затем майор Ванькович назначается заместителем, а затем командиром батальона 5-го запасного полка, начальником оперативного отделения штаба 4-ой пехотной дивизии Войска Польского. Это были высокие должности, свидетельствующие о незаурядном воинской таланте Казимира Леонардовича. Он был удостоен Креста Храбрых, Кавалерского и Офицерского крестов ордена Возрождения Польши, нескольких боевых медалей. Советское командование наградило его орденом Отечественной войны 2-ой степени.

Надо также отметить, что 4-я пехотная дивизия, в которой на заключительном этапе войны воевал К. Ванькович была одним из прославленных соединений Войска Польского, участвовала в штурме Берлина. Всего только три польских соединения были награждены орденом Красного Знамени, т.е. стали Краснознаменными. И, в их числе, 4-я пехотная дивизия имени Яна Килинского, а также 1-я Польская танковая Варшавская бригада имени героев Вестерплатте, один из экипажей которой стал прообразом героев известного телефильма «Четыре танкиста и собака».

Чтобы читатель знал, в каких боях принимал участие Казимир Леонардович, приведу выдержку из «Бюллетеня славы» 4-ой

пехотной дивизии за 13 марта 1945 года: «Солдаты! Идет бой за дело польского народа, за доступ к морю, за древний польский портовый город Колобжег... Еще одно усилие, один удар – и мы сможем с поднятой гордо головой объявит всему миру, что побережье Балтийского моря мы завоевали не в результате каких-то торгов, а заплатили за него своей кровью и жизнью».

После окончания 2-ой мировой войны, встали вопросы послевоенного территориального переустройства. Как известно, согласно договоренности правительств стран-победительниц СССР, США и Великобритании, ряд восточных территорий фашистской Германии были присоединены к Польше. Началось массовое выселение немецких семей из этих мест. Именно в это страшное, полное ужаса и бедствий для немецкого населения время, т.к. поляки за издевательства и притеснения над ними в 1939–1944 гг., теперь вымещали на немцах свои обиды, Казимир Ванькович являлся начальником комендатуры погранотряда в городе Цыбинка, в районе Познани. В этой должности он находился в самые трагические дни и месяцы переселения немцев, а вернее выселения их со своих домов, с ноября 1945 по май 1946 гг. Нелегкая это была служба! А еще была и определенная недоброжелательность в отношениях между польскими военнослужащими и «советскими» поляками. Был такой случай. Один из поляков, коллег Ваньковича, добивался, чтобы он точно сказал, русский он или поляк. Казимир не выдержал и ответил: «Я – русский, но если ты будешь болтать лишнее, поедешь туда, где я родился, понял?» Сослуживцы знали, что Ванькович родился в Сибири и больше с подобными вопросами к нему не приставали.

В мае 1946 г. Казимир Леонардович был назначен заместителем начальника погранотряда в гор. Кросно. Этот город находится в Карпатах, на юго-востоке Польши, на стыке границ тогда Чехословакии, Советского Союза и Польши. Как говорится: из огня да в полымя. В районе Львова действовали бесчисленные отряды украинских националистов (УПА), сражавшиеся за самостоятельную и независимую Украину, на польской стороне – не сложившие оружие отряды Армии Крайовой. Бои на границе, в этом уголке Карпат, шли постоянно.

Советские представители и руководство польской погранслужбы настаивали на переводе подполковника Ваньковича на кадровую службу, а не спецкомандировочного. Написал об этом предложении жене Альбине, работавшей уже в Могилеве фельдшером в детском доме и получившей квартиру в доме по Инженерной улице. Та ответила, что в Польшу не поедет. Да и ему, военная служба порядком поднадоела, не шутка – шесть лет в погонах, манил родной Могилев, где жили и отец с матерью, сестра. Отец работал плотником на железной дороге, умевший и, дом поставить и, своими руками кушетку или шкафчик смастерить. Тянуло к мирному, хорошо знакомому учительскому труду. И вот, в августе 1946 года, Казимир Ванькович, в форме подполковника Войска Польского, сошел с поезда на станции Могилев. Никто не удивлялся его форме, могилевчанам за эти годы солдат и офицеров каких только стран не довелось видеть: немцев, итальянцев, словаков, румын и даже французов.

Устроиться на работу в послевоенном Могилеве было непросто. Но, помог фронтовик, полковник А.А. Долгий, работавший в ОБЛЮно инспектором по военной работе. И уже с 1 октября Казимир Леонардович работал преподавателем военного дела в Могилевском дошкольном педучилище. Восстановился на учебе в Могилевском пединституте, заочно. И пошли учительские будни. Много времени требовала и семья. Был принят в члены КПСС, кандидатом в члены партии вступил еще в 1942 году. В Войске Польском, естественно, организаций КПСС не было, поэтому кандидатский стаж ему стал исчисляться только с сентября 1946 г. Фронтовик, подполковник запаса, получил и высшее образование, примерный семьянин. Но вот почему-то Казимира Леонардовича в Могилеве не замечали, не выдвинули ни на партийную, ни на советскую работу, не пошел он на повышение и по линии народного образования. Почему?

Мне кажется, многое открывает характеристика на К.Л. Ваньковича, подписанная директором Могилевского педучилища П. Лихачевым. Она кратка и суха: «В период Отечественной войны находился в рядах Советской армии, в должности офицера. В педучилище работает с 1946 года после демобилизации. Свой предмет знает, преподавание обеспечивает. Дисциплинирован... Должности соответствует». Добавлю, что в это время Казимир Леонардович уже

работал преподавателем не военного дела, а физкультуры. Не нашлось слов, чтобы охарактеризовать человека, прошедшего войну, а затем еще более года провоевавшего после Дня Победы, удостоенного советских и польских боевых орденов и медалей, а также оценки его педагогической деятельности. Смотрю на послевоенные фотографии выпускников, педагогов Могилевского педучилища, на них выделяется прекрасно сложенная фигура, благородное лицо Казимира Леонардовича, в костюме с галстуком, на лацкане орденские планки. В отличие от его некоторых коллег, имевших их две-три штуки, у него – многочисленные. Я думаю читатель старшего поколения меня поймет, так как знает, что очень и очень часто у нас выдвигают не за деловые качества и образованность, а за лесть и подхалимаж. А вот эти-то качества отсутствовали у Казимира Леонардовича. Он был шляхетным человеком, с чувством собственного достоинства, а это не всегда нравилось начальству.

В феврале 1954 г. К. Ванькович выдвигается на работу в Климовичи, заведующим отдела пропаганды и агитации райкома партии. Н. С. Хрущев, пришедший к власти, стал укреплять кадрами сельские районы, направляя туда специалистов.

Климовичи понравились всей семье. Поселились в трехкомнатной квартире, расположенной в деревянном одноэтажном доме без удобств. Работал в райкоме партии Казимир Леонардович пять лет, а затем, когда освободилась должность директора средней школы №3, перешел на любимую педагогическую работу. В этой школе он проработал 15 лет, до ухода в 1975 г. на пенсию. На годы директорствования Ваньковича в третьей школе пришлись годы ее расцвета: численность учащихся достигала более 600. Школа выделялась своим в определенной степени демократизмом, там меньше оказывалось давление на учеников. Для некоторых из них, особенно, не имевших отцов, он не стеснялся показать и отцовские чувства, помогал по возможности в учебе и материально. Учителя имели определенную самостоятельность, Ванькович не давил на них, как некоторые его коллеги, административной властью. В 1967 г. ему присвоили звание «Заслуженный учитель Белорусской ССР».

Тепло своего дома, семьи Казимира Леонардовича и Альбины Фоминичны, сохранили и помнят их дети – Дина Казимировна

и Игорь Казимирович. Дина Казимировна и сегодня помнит, что отец, во время работы в райкоме партии, денежную материальную помощь, выделенную ему для лечения, потратил для покупки ей шубы, а мать, не пожалела своей месячной зарплаты для приобретения ей, студентке мединститута, модного платья. Но главное всего была доброта и любовь, которой они были окружены в семье. Кроме того, дочь и сын Ваньковичей получили высшее образование, стали врачами.

Казимир Леонардович, после выхода на пенсию, работал ответственным секретарем районного общества «Знание», а затем научным сотрудником Климовичского районного краеведческого музея. Во второй половине 1980-х они с Альбиной Фоминичной переехали к дочери, в город Витебск.

Казимир Леонардович прожил долгую и счастливую жизнь, увидел взросление внуков, рождение правнуков, а ушел из жизни в 2010 г.

Литературовед Евлалия Казанович

Ряд наших земляков, могилевчан внесли значительный вклад в культурное наследие братских народов. И мне хотелось бы сегодня рассказать о Евлалии Павловне Казанович, ленинградской писательнице, литературоведе, поддерживавшей товарищеские отношения и, сотрудничавшей с Александром Блоком и Иваном Буниным, Владимиром Короленко, Осипом Мандельштамом и другими известными писателями 20-го века. Благодаря ей сохранены для нас бесценные реликвии – их автографы, стихи в специально заведенных альбомах, хранящихся в С. Петербурге, в Пушкинском Доме.

Е. П. Казанович родились в 1886 году в известной могилевской дворянской семье Казановичей. До Великой Отечественной войны, в районе нынешней Советской площади находился дом, который могилевчане называли «Домом Казановичей». Отец Евлалии являлся мировым посредником, судьей, занимал другие должности в системе администрации города и губернии. Кстати брат Павла Казановича – С. И. Казанович, являлся в 1917 году городским головой Могилева.

В 1902 году Евлалия закончила могилевскую женскую гимназию и стала работать корректором в губернской газете. В этой же

газете в 1904 году появились ее первые заметки и статьи. В 1907 году она переезжает в Петербург, где учится на историко – филологическом факультете университета, в 1913 году окончила Бестужевские курсы.

В 1911 году профессор Н. А. Котляревский приглашает ее на работу в Пушкинский Дом, где с 1913 по 1929 Евлалия Павловна заведовала библиотекой.

В 1915 году Е. Казанович знакомится с поэтом А. Блоком, показывает ему библиотеку Пушкинского Дома, знакомит с уникальными изданиями, хранящимися в ее фондах. Происходит также знакомство с другими известными тогда деятелями культуры России. Как-то, уже в годы гражданской войны, она увидела на рынке старинный альбом, приобрела его и решила записывать туда автографы известных писателей, поэтов. Так там появились автографы А. Ахматовой, И. Бунича, В. Короленко, О. Мандельштама, Ф. Сологуба и др. Но открывается альбом стихотворением Александра Блока «Пушкинскому Дому», последним произведением великого поэта. И произошло это следующим образом.

5 февраля 1921 г. Евлалия Павловна записывает в дневнике: «звонила к Блоку, прося его написать что-нибудь в альбом,...

20 марта 1921 г. ... исполнил мою просьбу о стихах в альбом. Оказывается..., он написал специально для моего альбома, посвященное Пушкинскому Дому! Какой милый...»

А вскоре Блока не стало.

Интересны характеристики Евлалии Казанович о известных литераторах, художников того времени.

«В самое последнее время яркая крупная фигура Маяковский, то, что дает нам Маяковский, несомненно, и подлинно новое. То новое, что когда-то дал Пушкин, питавший до последнего времени наших поэтов. Если уже Блок создал вокруг себя школу, – еще большую школу создает Маяковский...».

«Ахматова мне опять очень понравилась: она, несомненно умна, чутка и горда при полной простоте и скромности... и лицо у нее прекрасно: сине-серые, грустные глаза, дерзкие и вместе с тем горькие губы».

В 1930 – х годах Евлалия Павловна работает в Ленинградской

Публичной библиотеке им. Салтыкова – Щедрина, участвует в подготовке книги о Тютчеве, печатает серию статей «Писарев о Гейне», является членом Союза писателей СССР.

В один из мрачных блокадных дней 1942 года она, дойдя до здания Публичной библиотеки, присела на ступеньки и уже не смогла встать.

Певец Сергей Мигай и его отец – настоятель Могилевского кафедрального собора

В центре нашего города имеется небольшая улица, названная в честь советского певца Сергея Ивановича Мигая. Эта улица получила его имя в 1960 г. До этого времени она называлась Кооперативной, а еще ранее, до революции 1917 г. – Лютеранским переулком.

О С. Мигая мы вообще-то забыли. Даже не вспомнить, чтоб о нем когда-то рассказали наши могилевские СМИ. Он родился в 1888 г. в городе Могилеве. Солист Большого театра в Москве, а затем Ленинградского (Мариинского) театра оперы и балета. Сергей Мигай исполнял партии: Онегина (опера Чайковского «Евгений Онегин»), князя Игоря (опера Бородина «Князь Игорь»), Риголетто (опера Дж. Верди «Риголетто» и др. С 1941 по 1948 гг., т.е. в годы Великой Отечественной войны, он являлся руководителем и одновременно солистом вокальной группы Всесоюзного радиокомитета и, его голос, наряду с Левитаном, знала вся страна. С 1948 и по 1959 гг. работал профессором Московской консерватории.

Но, вот, что хотелось бы мне сообщить ранее неизвестное. В 3-ем томе «Документов и материалов по истории Белоруссии» (1900–1917 гг.), издательства Академии наук БССР, Минск, 1953 г., я нашел, что в числе выборщиков в 4 Государственную думу, избранных съездом землевладельцев Могилевского уезда был и «Иоанн Мигай, протоиерей, 61 года, окончил духовную академию, настоятель Могилевского кафедрального собора, русский, монархист».

Вот откуда у советского певца Сергея Мигая «насыщенный голос теплого тембра, широкого диапазона (более двух октав)». С раннего детства он посещал храм, слушал пение. А 7-и лет он – в составе Архирейского хора. После окончания Могилевской гимназии

Сергей Мигай учится в Московской консерватории и, по настоянию родителей, на юридическом факультете университета. Из университета в 1909 г. его отчисляют за участие в революционных беспорядках. Переезжает в Одессу и поступает на учебу в тамошний университет и музыкальное училище. После окончания училища в 1911 г. его принимают по рекомендации А. Неждановой в Императорский Большой театр в Москве.

Сергей Иванович женился поздно, когда ему было под 50, на дочери академика Иоффе. Жена была на 22 года моложе его и, детей у них не было.

Отец кинорежиссера Турова – Тимофей Туров был старшим опером по борьбе с бандитизмом в могилевской милиции, а мать – секретарем парторганизации артели им. Крупской

Т. А. Туров, фото 1939 г.

У нас в Могилеве помнят своего земляка кинорежиссера, народного артиста СССР и БССР Виктора Турова. Одна из улиц города названа его именем. Проводится фестиваль «Туровская осень», часто и охотно на страницах печатных изданий и по ТВ о нем рассказывают и пишут журналисты, бывшие коллеги, родственники.

Но очень скупо и практически ничего не рассказывается о его отце и матери, откуда они родом, кем работали в Могилеве до войны, что произошло в период оккупации и т.д.

Предположу, что сам Виктор Туров об этом также мало знал. О чем свидетельствуют и его воспоминания, в которых мы находим: «Отец с первых дней войны ушел в подполье. Был схвачен и расстрелян из-за доноса. Чувство опасности, тревоги я помню по сей

день... В конце 1943 г. мама с нами, двумя малолетними детьми, оказалась во время облавы среди тех, кого немцы увозили в Германию эшелонами... Мама была на работах, а когда вернулась, нашла сына почти бездыханным: у меня была отбита почка, сильно изранено лицо. Шрамы от экзекуции – на лице и в душе – остались на всю жизнь». О довоенной жизни ничего вообще нет.

А теперь давайте по порядку, что мне удалось установить нового и неизвестного о нем и его родителях по архивным делам.

Виктор Туров, будущий известный кинорежиссер, как известно, родился в Могилеве 25 октября 1936 г. Кто были его отец, мать? Отец, Туров Тимофей Антонович, являлся курсантом Минской школы рабоче-крестьянской милиции им. Фрунзе, мать – Турова Мария Исаевна, работницей Могилевской артели им. Крупской. Тимофей Туров родился в деревне Брыли Могилевского района в крестьянской семье в 1912 году.

Мария Турова (девичья фамилия – Романенко) родилась в 1918 г. в деревне Новищица Оршанского района, также в крестьянской семье.

Родители Виктора Турова были молодыми, матери исполнилось к моменту его рождения всего 18 лет. Оба были комсомольцами, т.е. они вступали в жизнь, как и большинство молодежи того времени.

Тимофей Туров после окончания 6 групп (классов) школы в 1929 г. пошел работать на железную дорогу. В 1931 г. вступил вместе с родителями в местный колхоз «Ильич», работал учителем в родной деревне по ликвидации неграмотности. В 1932 г. окончил шестимесячные курсы животноводов в Могилеве и стал работать заведующим молочно-товарной фермой. Являлся секретарем комсомольской организации колхоза. В 1934 году был призван в Красную армию по спецнабору. Служил в 7-м механизированном полку в Минске, а затем в Старых Дорогах. В марте 1935 г., после увольнения из воинских рядов приехал в Могилев, где был принят на службу в Могилевский райотдел НКВД. В ноябре 1935 г. он пишет заявление о переводе его на должность участкового инспектора 2-го городского отделения милиции г. Могилева. В нашем городе тогда имелись всего два отделения милиции, численность работников в которых была несколько ниже, чем в настоящее время в райотделах. 2-е отделение

обслуживало примерно тот же район города, как теперь Ленинский отдел. Очевидно, именно тогда познакомилась и вскоре поженились комсомольцы: участковый инспектор милиции Тимофей Туров и работница артели им. Крупской Маня Романенко. Ее артель располагалась на улице Первомайской, 40. В сентябре 1936 г. Тимофея зачисляют курсантом Минской школы милиции им. Фрунзе, а в конце октября у него рождается сын, которого назвали Виктором. Юная мама два года растила сына практически одна. Но, несомненно, ей помогали и родители мужа: Антон Алексеевич (1880 г. рождения) и Евгения Прохоровна (1884 г. рождения), жившие в деревне Брыли. Это подтверждается и ее, с детьми, периодическим проживанием там во время немецкой оккупации.

В школе милиции Тимофей учился более двух лет. В характеристике, подписанной начальником Атамановым и исполняющим обязанности начальника учебно-строевой части Горбачевым говорится: «К учебе относился прилежно, над собой работал достаточно и выпускные зачеты сдал на хорошо. Общая политическая развитость отличная, взаимоотношения с товарищами хорошие. Строевую выправку имеет хорошую, командным языком владеет хорошо... За время пребывания в школе имел 1 наряд вне очереди, строгий выговор за нетактичное поведение». Надо добавить, что в школе он был принят в члены ВКП (б) и являлся первым заместителем секретаря (так в деле) комсомольской организации. Ему было присвоено приказом НКВД СССР специальное звание «сержант милиции», что в то время равнялось армейскому званию «лейтенант». Приказом НКВД БССР от 25 декабря 1938 г. Тимофей Туров был назначен начальником 1-го городского отделения милиции гор. Могилева. Однако в этой должности он проработал всего несколько месяцев. Во время утверждения в бюро Могилевского обкома партии в апреле 1939 г. Турову предложили должность начальника Речного отделения милиции и утвердили в данной должности. Отказываться от предложений партийных органов тогда было не принято. А в том же, 1939 году у Туровых родилась и дочь, Светлана.

Будучи назначенный начальником 1-го отделения милиции Туров обратился с заявлением в горсовет о выделении его семье квартиры. Но, в это время Могилев как раз стал областным центром,

образовывались различные областные организации. Проблема жилья в городе стала весьма острой и квартиру ему не выделили. Но выделили 5 тысяч рублей кредита и отвели участок земли для строительства в районе железнодорожного вокзала. Посоветовавшись с отцом и матерью, Туровы решили перевезти дом из дер. Брыли в Могилев и жить вместе. Так и сделали. Однако не учли и видимо, этого не знали и в обкоме партии, что НКВД БССР назначил местом пребывания Могилевского речного отделения милиции не город Могилев, а город Бобруйск. Поездив некоторое время в Бобруйск, сержант милиции Туров пишет рапорт начальнику Могилевской областной милиции Сыромолотову с просьбой освободить его от должности начальника Речного отделения милиции и определить на работу в Могилеве. Таким образом, Тимофей Антонович в сентябре 1940 г. стал старшим оперуполномоченным отделения по борьбе с бандитизмом, грабежами и убийствами уголовного розыска могилевской милиции. А вообще он был на хорошем счету. Заочно получал и высшее образование, учился в Центральной школе милиции НКВД СССР в Москве.

А вскоре грянула война. Несомненно, сотрудник уголовного розыска Туров, с первых ее дней участвовал в розыске и уничтожении вражеских лазутчиков и диверсантов. В конце июня 1941г. при ликвидации немецких парашютистов в районе мясокомбината погиб заместитель начальника уголовного розыска Баньковский и сотрудник милиции Степаньков. Несомненно, участвовал в этом бою и Туров. Сотрудники могилевской милиции сражались в окруженном городе до последнего дня его обороны. И ушли последними.

Оперативному работнику, коммунисту Турову было дано задание остаться в оккупированном городе и сражаться в подполье. В другом случае он бы покинул Могилев и ушел на восток. Как сражался в подполье Тимофей Антонович? Мы этого никогда не узнаем. Но, очень много свидетельств в воспоминаниях уцелевших подпольщиков, лиц, сотрудничавших с немцами, что в городе ряд диверсий, убийств немецких офицеров и солдат было совершено неизвестными патриотами. Просто так немецкие власти, органы полиции и СД не расстреливали даже бывших советских работников и коммунистов. Потому что сами работавшие у немцев часто являлись и,

коммунистами и, занимали посты в период советской власти повыше, чем начальник отделения милиции и старший опер уголовного розыска. Например, заместитель председателя Могилевского райисполкома стал сотрудничать с немецкими властями с первых дней оккупации. Следователь СД Костин окончил советскую военную академию и имел звание майора и т.д. Кое-кто выбирал более спокойную жизнь, никуда не вмешиваясь и добросовестно выполняя все распоряжения оккупационных властей. Например, в 1941–1944 гг. в Могилеве жила депутат Верховного Совета СССР, член ВКП(б), работница шелковой фабрики Лисунова, и, немцы ее не тронули, только пару раз вызвали для бесед. Ведь им, видимо, крайне интересно было побеседовать с человеком, встречавшемся и неоднократно видевшем И. Сталина

Мог ли Тимофей Туров отсидеться, сдав свой партбилет и удостоверение личности сотрудника НКВД в соответствующие немецкие органы? Конечно. Но, он выбрал другой путь. Путь борьбы с немецко-фашистскими оккупантами. Находился на нелегальном положении. Несомненно, он участвовал и совершил ряд диверсий против немцев в Могилеве. Ведь оставшиеся в живых многое написали себе, забыв о погибших.

Туров допустил ошибку – не выдержав, посетил семью. Соседи донесли. Его арестовали и расстреляли осенью 1942 года. Органы СД делали это не без оснований. О партизанской и подпольной деятельности сотрудника уголовного розыска Турова они что-то знали.

На миру и смерть красна. Капитан Владимиров погиб в бою, и мы отметили его подвиг в памятнике, улице. Его коллега Туров погиб при невыясненных обстоятельствах и он забыт нами.

Не совсем точен Виктор Туров, сообщив нам в своих воспоминаниях, что «мама с нами, двумя малолетними детьми, оказалась во время облавы среди тех, кого немцы увозили в Германию эшелонами».

После ареста и расстрела отца, семья Туровых оказалась под учетом и наблюдением местной полиции и СД. Здесь надо сообщить еще одну важную деталь: Мария Исаевна Турова была также членом ВКП(б) и, даже перед войной избиралась секретарем партийной

организации артели им. Крупской. То есть, семья Туровых находилась в списках, как просоветская и подлежала уничтожению или, удалению из прифронтовой полосы. Ведь осенью 1943 г. фронт стоял под Чаусами. Вот их и вывезли в рабочий лагерь в город Ахен, в Германию, где заставляли работать всех, невзирая на возраст, или использовали, как человеческий материал. Для блага и победы рейха, русских и белорусских детей не жалели.

После войны Виктор Туров учился в 24 школе Могилева и являлся членом бюро комсомольской организации школы. Об этом рассказано в моей книге «Неизвестные страницы истории Могилевщины», изданной в 2012 г.

Генерал Иван Лазаренко победил генерала Фрица Шлипера в Брестской крепости 22 июня 1941 г.

Как известно, в Брестской крепости по состоянию на 22.06.1941 дислоцировались части 6 и 42 стрелковых дивизий, входившие в состав 28 стрелкового корпуса генерал-майора В.С. Попова. Дивизиями командовали полковник Попсуй-Шапко М.А. и генерал-майор Лазаренко И.С.

8 июля 1941 г. в штабе Западного фронта, в Могилеве, комкор Попов писал в своем рапорте вышестоящему командованию: «Удалось вывести разрозненные подразделения ... в общей сложности из находившихся в крепости частей: 5 батальонов 6-ой стрелковой и 2 батальона 42 стрелковой дивизий со спецподразделениями».

Эта докладная, написанная по команде, и оказавшаяся на столе у армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса Л.З. в тот же

*Комдив И. С. Лазаренко,
фото 1939 г.*

день, на мой взгляд и, послужила основанием для ареста генерала Лазаренко, который в те дни находился со своей дивизией в оборонявшемся Славгороде (Пропойске).

9 июля Иван Сидорович и был там арестован. Генерал Попов умело перевел стрелки на своих подчиненных. Так как, согласно приказа Наркома обороны, 6-я и 42-я дивизии, составлявшие 28-ой стрелковый корпус, в день «X», т. е. 22 июня 1941 г. должны были выйти из крепости, занять оборону на границе и закрыть врагу дорогу в глубь страны. Но, командиры дивизий не выполнили приказ, не вывели свои части для прикрытия границы, сдав людей и технику врагу. И особенно виновным в этом, по мнению непосредственного начальника – генерала Попова, был Лазаренко, так как он не сумел вывести большую часть личного состава. В стрелковой дивизии тогда по штатам было 9 батальонов. И если в 6-ой Орловской дивизии вывели пять батальонов, то в 42-ой только два. Вот вам и состав преступления. Кстати, для обороны самой Брестской крепости планировался всего один батальон с приданием ему одного артдивизиона. В приговоре И.С. Лазаренко Военная коллегия Верховного суда СССР 17 сентября 1941 г. так и записала: «Лазаренко проявил растерянность и бездействие... оставил в Брестской крепости часть войск...».

Вместе с тем, ряд свидетельств, убедительно доказывает, что генерал Лазаренко единственный из советских генералов, 22 июня прибыл и находился в Брестской крепости. Именно он предпринял все меры к выводу оттуда частей и подразделений своей 42 и 6 стрелковых дивизий и организации ее обороны.

Он прибыл в крепость на мотоцикле с водителем Петром Бутом. При этом он лично застрелил немецкого часового, уже поставленного у крепостных ворот. Затем отдал приказ своему заместителю полковнику Козырю выводить 44 и 455 стрелковые полки, а сотруднику штаба 42-ой дивизии П.М. Малитвину «уничтожить секретные документы»¹, а начальнику артиллерии дивизии майору Никитину «занять огневые позиции». Никитин также писал в своих показаниях, что Лазаренко «лично организовывал оборону

1) Для информации отмечу, что в Бресте немцы захватили всю документацию областных управлений госбезопасности и НКВД, даже телефонные справочники с номерами телефонов И. Сталина и Л. Берии.

отходящих частей, принимал меры к задержке противника, проявляя бесстрашие».

Именно генерал Лазаренко с утра и практически весь день 22 июня находился в Брестской крепости, организовывал ее оборону. Недавно мне попался в руки сборник воспоминаний участников обороны крепости «На берегах Буга», изданный в 1967 г. в Алма-Ате, издательством «Казахстан». Прочитую В.П. Фурсова, в 1941 г. командира минометного расчета 125 стрелкового полка 42-ой дивизии: «через некоторое время прибежал связной ..., оставив пулеметчика, мы направились туда и действительно увидели генерала. Рядом с ним стоял полковник Матвеев, командир 333 стрелкового полка 42-ой дивизии. Генерал (а это мог быть только Лазаренко, так как генерал Попов утром 22 июня практически сразу убыл в Жабинку. Других генералов в районе крепости 22 июня не было), обращаясь ко всем, сказал, что самая главная связь сейчас (имеется ввиду Брестской крепости) – шоссейная дорога. Он приказал Матвееву взять имеющихся в наличии бойцов и командиров, пробиться к шоссейной дороге и удержать ее до подхода подкрепления». О достоверности этого факта косвенно свидетельствуют и воспоминания забытого участника обороны Брестской крепости могилевчанина А. Дурасова, в которых он пишет об обороне шоссе, а затем попытке прорыва в сторону вокзала.

А теперь процитируем документы противника. В боевом донесении 45-ой пехотной дивизии (она штурмовала Брестскую крепость) находим: «22 июня днем из резерва корпуса 133 пехотный полк введен с 13 часов 14 минут. Это также не внесло изменений..., где выкурили русских, через некоторое время опять из укрытий появлялись новые силы, которые стреляли так превосходно, что наши потери значительно увеличились... Шлипер (командир 45-ой немецкой дивизии) личным наблюдением в 13–50 установил, что боем крепости не взять. В 14–30 он решил оттянуть свои части с крепости и окружить ее...».

Произошло так, как рассказывается в одной русской присказке:

- Демьян, а Демьян, я медведя поймал!
- Так, Федя, веди его сюда.
- Не могу, он меня не пускает.

Как Федя поймал медведя, так и немцы 22 июня 1941 г. взяли Брестскую крепость. Командир 45 пехотной дивизии вынужден был вывести свои части из крепости, иначе их бы за ночь с 22 на 23 июня уничтожили. Таким образом, 22 июня немцы потерпели поражение в крепости и вынуждены были оставить ее, т.е. генерал Лазаренко находившийся всю первую половину дня в крепости и, руководивший ее обороной, нанес поражение генералу Шлиперу и последний, – это признает!

Продолжим цитирование донесения генерала Шлипера:

« 23 июня. В 9:00 агитмашина из 4-ой армии (значит, уже в штабе армии озаботились штурмом крепости –М.Р.) начала передачи и призывать сдаваться. Эта агитация не давала должного эффекта... Начальник штаба 4-ой армии одобрил план действий по взятию крепости...

30 июня. Подготовили наступление с применением бензина, масла и жира. После полудня авиация сбросила 500-кг бомбы. Когда при этом была сброшена 1800-кг бомба и потрясла своим взрывом город Брест, русские смягчились. Вечером с идущими впереди женщинами и детьми сдалось 389 человек. Пленные отнюдь не были потрясены, выглядели здоровыми и упитанными и производили впечатление дисциплинированности. Майора и комиссара не нашли, говорят, они застрелились...²

Выводы: ...3. Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе...».

Вот такую оценку сражению за Брестскую крепость дал враг. Надо отметить, что большинство защитников крепости являлись воинами 42-ой дивизии. Именно эта дивизия во главе с командиром Иваном Лазаренко прошла финскую войну. Около 200 командиров и красноармейцев были удостоены орденов и медалей за проявленный героизм на той войне. А Лазаренко был награжден орденом Ленина и, в числе первых в Красной армии получил звание генерала. Сражался он и в годы 1-ой мировой войны, стал унтер-офицером и Георгиевским кавалером.

2) Майор Гаврилов, командир 44 стрелкового полка 42-ой лазаренковской дивизии был обессиленным и израненным взят в плен только около 20 июля 1941 года.

В начале 1942 г. 45-я пехотная дивизия немцев опять была потрепана в боях под Ельцом, захвачены ее штабные документы, в том числе рассказывающие о боях в Брестской крепости. Вот тогда газета «Красная Звезда» впервые и рассказала о героизме защитников крепости. Несомненно, это сыграло и свою роль в том, что в 1942 г. И. С. Лазаренко был освобожден из мест заключения и возвращен в ряды Красной армии. А затем он во второй раз стал генералом и командиром 369 стрелковой дивизии, освобождавшей могилевскую землю от поработителей в 1943–1944 гг. Здесь и погиб в июне 1944 года. Ему присвоено звание Героя Советского Союза, в его честь установлены памятники в центре нашего города и месте гибели, названы улица в Могилеве и площадь в Кричеве.

Подводник Иван Шавриков из Черикова

19 октября 2015 года на ТВ канале «Россия-РТР» был показан репортаж о российских дайверах, отыскавших вместе с финскими моряками в Балтийском море советскую подводную лодку «Щ-324». Она погибла в годы Великой Отечественной войны. Казалось бы, какое дело нам, белорусам, нашей сухопутной державе к этому событию. Но ведь у нашего белорусского народа – славная морская история, которая остается малоизвестной. Российскому и советскому флоту могилевская земля дала добрый десяток только адмиралов. Среди них: Н. И. Цирульников, Н.Ф. Заяц, Н.И. Цветков, П.С. Дронин, В. М. Цвирко и др.

В 1922 г. 5-ый съезд Всесоюзного комсомола принял решение о шефстве над Военно-морским флотом СССР. В соответствии с этим решением комсомол Беларуси принял под свою опеку Балтийский флот. Практически во всех экипажах боевых кораблей служили белорусские ребята.

Иван Васильевич Шавриков, 1920 года рождения, уроженец города Черикова Могилевской области, был призван на флот в 1939 г. и после окончания учебного отряда был зачислен на «Щ-324» в отделение электриков.

В ходе советско-финляндской войны подлодка участвовала в блокаде финского побережья, а с 5 декабря 1939 г. она заняла

позицию в районе Аландских островов и находилась здесь по 18 декабря. Затем с 30 декабря заняла место в блокадном ордере в устье Ботнического залива и находилась здесь по 30 января 1940 года.

В представлении к званию Героя Советского Союза командира «Щ-324» Коняева А. М. писали: «Экипаж потопил финский вспомогательный крейсер. 19.01.1940 г. впервые в ВМФ форсировал пролив Южный Кваркен подо льдом». По современным данным (Википедия) 13 января 1940 г. финская президентская яхта «Аура-2», переоборудованная в охотника за подлодками, в ходе атаки на «Щ-324», подорвалась на собственных глубинных бомбах. Весь экипаж погиб. Но, точнее всего, яхта президента Финляндии затонула в результате торпедной атаки нашей «Щуки».

22 июня 1941 г. «Щ-324» находилась на своей базе на полуострове Ханко. Героическая оборона Ханко – это особая страница в истории Великой Отечественной войны. Только в ноябре 1941 года защитники базы оставили ее и организованно эвакуировались в Кронштадт. И свой вклад в оборону Ханко внес и экипаж «Щ-324», которым с июля 1940 г. командовал капитан-лейтенант Г. И. Тархнишвили.

Выполняя задание по прикрытию эвакуации с Ханко «Щ-324» передала последнюю радиограмму 5 ноября 1941 г. с сообщением, что прибыла в заданный район. Предположительно, 5–8 ноября она подорвалась на mine. Современная подводная съемка показала, что носовая часть корабля оторвана. Взрыв был мощным и, лодка сразу пошла на дно. И сегодня она лежит на глубине 58 метров, в 20 милях от финского побережья. Погиб весь экипаж, в их числе и наш земляк.

В книге «Памяць» Чериковского района Могилевской области в списках погибших земляков в годы Великой Отечественной войны имя Шаврикова И.В. отсутствует, его авторы книги забыли. Но в списках погибшего экипажа он есть с указанием места рождения и призыва: гор. Чериков Могилевской области. Возможно, найдутся и родственники. Ведь уже откликнулся внук командира подлодки.

Могилевчане, погибшие на линкоре «Новороссийск» – «Джулио Чезаре»

В 1:30 ночи 29 октября 1955 г. под линкором «Новороссийск», стоявшем в Севастопольской бухте, прогремели один за другим, два мощных взрыва. Через 2 часа и 45 минут мощный, водоизмещением 29 тысяч тонн, корабль перевернулся и затонул. На линкоре по штату числилось 68 офицеров, 243 старшин и 1231 матрос. Погибли 711 моряков, в том числе – 26 белорусов. Среди них были и могилевчане. Давайте назовем их имена. Мне кажется, они нашими СМИ и краеведами никогда не назывались.

Карпенко Александр из Бобруйска

Лукашенко Бронислав из Черикова

Прудников Александр из дер. Прудок Хотимского района

Рябцев Иван из дер. Роги Славгородского района

Савицкий Владимир из дер. Ельковщина Круглянского района

Страчунский Рафаил из Мстиславля.

А вообще-то линкор «Новороссийск» при рождении носил имя «Джулио Чезаре» («Юлий Цезарь») и был спущен на воду в 1911 г. в Генуе. На протяжении трех десятилетий был гордостью военно-морского флота Италии. Он только 320-мм орудий имел 10 штук.

Итальянцы, согласно решения союзников – победителей во 2-ой мировой войне обязаны были передать «Чезаре» в 1945–1946 гг. Но сделали это они только в 1949 году. 26 февраля линкор вошел в Севастопольскую бухту. 5 марта он был переименован в «Новороссийск». По воспоминаниям члена экипажа линкора Николая Дорошенко итальянцы отказались объяснять устройство, работу механизмов корабля советским морякам. Они очень болезненно воспринимали решение о передаче своего лучшего корабля Советскому Союзу.

Лет 35 тому назад вышла книга воспоминаний офицера ВМФ Италии Валерио Боргезе под названием «Десятая флотилия МАС». Так называлось спецподразделение в структуре итальянского военного флота, которое имело на вооружении управляемые одним – двумя пловцами мини-торпеды, а также мини-подводные лодки, штурмовые моторные катера. С их помощью они довольно успешно уничтожали корабли союзников в Средиземном море, а также и советские суда.

Подразделение Боргезе участвовало в осаде Севастополя, уничтожало наши корабли, прорывавшиеся к осажденному городу. Именно итальянские штурмовые катера и мини-подлодки потопили в 1942 г. наш крейсер и две подводные лодки.

За ЧП с «Новороссийском» тогдашний министр обороны СССР маршал Жуков снял своим приказом с должности главкома ВМФ адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Позднее Кузнецов написал в своих воспоминаниях: «Жуков рассчитался со мной сполна. Сначала я был освобожден от должности ... меня уволили из Вооруженных Сил, снизили в звании». Был снят с поста и командующий Черноморским флотом вице-адмирал В.А. Пархоменко. Командир линкора капитан 1 ранга А.П. Кухта во время происшествия находился в отпуске, его замещал старпом капитан 2 ранга Хуршудов. Они также понесли суровые взыскания. Назначенная для расследования потопления «Новороссийска» комиссия фактически так и не смогла назвать причину, высказав предположение, что это результат взрыва немецкой мины, оставшейся на дне бухты в период войны. Но тогда возникает законный вопрос, отчего произошел второй взрыв? Ведь корабельный боезапас остался неповрежденным.

Опубликовано множество версий взрыва «Новороссийска». Не буду все их приводить. Расскажу о наиболее, на мой взгляд вероятной.

Италия обязана была передать «Чезаре» еще в 1945–1946 гг., но был поднят невероятный шум в прессе. Корабль участвовал в 1 и 2 мировых войнах и считался гордостью ВМФ страны. Боргезе публично заявил, что он лучше взорвет линкор, но не отдаст его в руки врага. И итальянцы это сделали.

Когда оттягивать передачу корабля уже больше было нельзя, они заложили в носовой части взрывчатку и заварили ее. При переходе из средиземноморского порта в Севастополь, кто-то из итальянских моряков-диверсантов должен был привести в действие взрывной механизм. Списали бы на мину периода 2-ой мировой войны. Но при приемке и переходе корабля в Севастополь буквально от каждого итальянца не отходили сотрудники особого отдела Черноморского флота и, задуманное выполнить не удалось.

Возможно, помешало что-то другое. Например, невозможность спастись самому.

И вот в 1955 г. Боргезе собрал необходимые средства и организовал экспедицию в Севастополь. Несомненно, эта операция была согласована с соответствующими спецслужбами Италии. Так как, по сводке разведотдела Черноморского флота, все итальянские торговые суда покинули акваторию Севастополя к 29 октября 1955 г.

В 2013 г. ветеран МАСа Уго Д Эспозито опубликовал воспоминания и далее я перескажу рассказанное им. 21 октября 1955 г. зафрахтованный итальянский пароход стал на якорь в открытом море на траверзе Севастополя. Ночью с него спустили мини-подлодку «Пиколло» с восемью боевыми пловцами. Эта субмарина вошла в Севастопольскую бухту вечером, так как на ночь бухта перекрывалась боновыми заграждениями. Боевые пловцы ночью прикрепили мину к тому месту «Новороссийска», где находился основной заряд. Взрыв произошел в установленное время, когда экипаж отдыхал, а командир находился на берегу. Несколько позднее В. Боргезе и несколько боевых пловцов получили высокие боевые награды в Италии.

Успех этой операции вызвал эйфорию в странах НАТО. Почему я так заявляю? Попытаюсь пояснить.

В апреле 1956 г., через полгода после этого «ЧП», Хрущев и Булганин (тогдашние первые лица в Советском Союзе) отправились в Англию с государственным визитом. Отправились они туда на крейсере «Орджоникидзе». Ночью, на Темзе, английский боевой пловец, офицер ВМС Крэбб попытался прикрепить мину к днищу «Орджоникидзе», но был убит ножом советским пловцом Эдуардом Кольцовым (кстати, с белорусскими корнями) из группы боевых пловцов «Барракуда» ВМФ СССР. Вот такое мирное сосуществование двух систем было. Совсем как сейчас.

И главное. Указом Президента России от 5 июля 1999 года погибшие матросы и офицеры «Новороссийска», в их числе и наши земляки-могилевчане, удостоены ордена Мужества. Переданы ли награды родственникам, знают ли вообще об этом?

Мы должны помнить и чтить своих земляков-героев.

Могилевчане – участники спасения Кракова в 1945 г.

19 января 1945 года город Краков был освобожден войсками 59 советской армии 1-го Украинского фронта. О спасении древней польской столицы, заминированной и подготовленной немцами к уничтожению, хорошо известно. Еще в 1967 г. был поставлен телефильм «Майор Вихрь», который был показан не только по советскому телевидению, но и демонстрировался ТВ большинства социалистических стран.

Как известно благодаря советской разведывательной группе «Голос» командованию 1-го Украинского фронта стало известно о масштабном минировании Кракова, который и, особенно, его исторический центр должен был взлететь на воздух в назначенный немцами час. Командир группы украинец Евгений Березняк (псевдоним Голос) передал это своему командованию, а также точную информацию о группировке немецких соединений в районе Кракова. Полученная информация позволила штабу и командующему фронтом маршалу Коневу так сосредоточить свои войска и нанести удары, что немцы были выбиты из города как пробка из бутылки, а электрокабели к взрывным зарядом своевременно были перерезаны диверсионными группами.

В фильме, а затем в публикациях и книгах, многое рассказано о свершенном командиром и членами этой группы Е. Березняком, А. Шаповаловым, А. Жуковой и др. Березняк с опозданием, но был награжден советскими наградами, а затем удостоен генеральского звания и звезды Героя Украины, российского ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-ой степени. Были награждены и получили свою долю славы другие участники этой разведывательной операции.

Не умоляя заслуг названных героев, я хотел бы рассказать о своих земляках, могилевчанах, на мой взгляд, сыгравших решающую роль в успехе разведывательной деятельности группы «Голос». А их имена до сего дня остаются малоизвестными, не удостоены они за свои ратные подвиги и заслуженных наград.

Однажды, лет 12 тому назад, при просмотре на киевском телеканале «Интерплюс» очередной телепередачи о разведгруппе «Голос», я, обратил внимание, что интервью с одной из участниц (фамилия не называлась и, лицо ее не показывалось) тех событий велось из

Могилева. И начались мои поиски, в ходе которых удалось установить не только героиню этой телепередачи, но и тот несомненный факт, что в спасении Кракова в 1945 году значительна роль наших земляков, могилевчан, но имена и подвиги оказались забытыми. Это – Елена Кривоносова, Евсей Близняков, Василий Заборонок.

Елена Кривоносова

Она родилась в 1922 г. в одной из деревень под Могилевом. Родители ее были крестьяне, затем колхозники. В мае 1941 г., ее, выпускницу Могилевского педтехникума пригласили в Дом Советов, где в одном из подъездов, находился войсковой штаб. (Штаб формируемой 13 армии). Часовой в ответ на сбивчивое объяснение, только услышав номер комнаты, сразу направил ее куда надо. (В этой комнате находился разведотдел армии). Войдя в ярко освещенную комнату увидела за столом командира со «шпалой» в петлицах, а рядом стоял военный, помоложе, с тоненькой папочкой в руках. Старший, ответив на ее «Здрасте!», показал рукой на стул, сказал:

– Садитесь, товарищ Кривоносова.

И сразу задал вопрос:

– Как вы, посмотрите, на то, если мы направим вас учиться в Москву, на курсы военных радисток?

– Но, у меня идут госэкзамены – попыталась возразить она.

– Ничего, все это мы уладим, и продолжил:

– Вы комсомолка?

– Да, комсомолка...

Так, Лена, разведотделом штаба 13-ой армии, который тогда находился в Могилеве, была направлена в разведывательную школу ГРУ Красной армии.

Год Лену учили стрелять из разных видов оружия, ходить по азимуту, прыгать с парашютом, знакомили с организацией вермахта, знаками различия солдат и офицеров. Но главным предметом было работа на ключе – прием и передача радиограмм. В составе разведгруппы в 1942 г. она была заброшена в район Гомеля. В марте 1943 г. ее предали хозяева явочной квартиры, на которой поселилась она с рацией. Били, довели до состояния, когда от одного вида плетки трясло со страха. Лена попросила тюремного охранника Золотова принести яд, отдав

ему за это часы. Но тот не выполнил ее просьбу, а доложил начальству. Утром ее доставили в кабинет к другому следователю, невысокому, полноватому, лет за 30 лейтенанту вермахта. Офицер стал вести допрос на чистом русском языке. Курт, так звали нового следователя, вел себя странно – стал спрашивать, как она училась, что изучали в техникуме по истории, русской литературе. Оказалось, что Пушкина, Лермонтова он знал лучше, чем их преподавательница, свободно цитируя их стихи. Рассказал о себе: мать – русская, москвичка, ее отец был генералом царской армии. Сам он родился в Риге, но в 1915 г. их семья переехала в Москву. Здесь он окончил школу. В 1920 году эмигрировали из России. В 1940 г. его призвали в вермахт, направили служить в Абвер. Но он любит Россию, не желает ее поражения. Ведь его дед участвовал в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. и сражался на одном редуте с поручиком Львом Толстым.

Вскоре подразделение Абвера, в котором служил Курт, перевели из Гомеля в Брянск. Он взял с собой и ее, оформив агентом, но она не занималась агентурной работой, а стала фактически его женой. В Брянске Курт сумел освободить и спасти нескольких подпольщиков и партизанских связных. Осенью 1943 г. они прибыли в Брест. В 1944 г. начальство Курта, узнав о его связях с неарийкой, разжаловало его в фельдфебели, а беременную Лену отправили в рабочий лагерь на территорию Германии. Гартмана перевели в Краков. В лагере Лена родила ему сына и, он съездил в город Эссен (там находился лагерь), привез белье для маленького и продукты. Именно после этого он окончательно решил перейти на сторону русских. Поэтому в сентябре 1944 г., Гартман и организовал побег радистки Елизаветы Вологодской (Комар), арестованной на явке в пригороде Кракова и попросил ее сообщить о желании работать на советскую разведку.

Его встреча с майором Вихрем показана в телефильме. Гартман (артист В. Стрежельчик) действительно прибыл на легковой автомашине в охотничьей экипировке и с ружьем. Но он не был полковником, а фельдфебелем, начальником отделения Абвера в городе Кшешовицы, в районе Кракова. И в действительности встречался с ним не Березняк, а его заместитель – А. Шаповалов (Гроза). Гартман принял в штат своего абверовского отделения советского разведчика А. Шаповалова, который смог практически открыто заниматься разведкой.

Именно от Гартмана советские разведчики узнали о минировании Кракова и нахождении центрального пульта с общим рубильником подрыва в форте Пастель. Несомненно, благодаря могилевчанке Елене Кривоносовой все это делал Гартман. Именно она женским чутьем распознала в нем патриота, подарила ему свою любовь, сына. А это очень важно для мужчины!

В конце января 1945 года, после освобождения Кракова, Гартман, получив пароль для явки в разведотдел 1-го Украинского фронта, решил перейти на советскую сторону вместе с Еленой Кривоносовой. Но, в разведотдел он не явился. Так как командование Абвера срочно направило его со спецзаданием в тыл советских войск. Но фронты стремительно наступали, линии разграничения между ними постоянно менялись и, он попал в тыл 4-го Украинского фронта, а не 1-го. Смершевцы которого, и в помине не слышали о Павлове и пароль, естественно не сработал. Тем не менее, они посоветовали ему ехать в Брест и там разыскивать разведотдел штаба 1-го Украинского фронта. Хотя, скорее всего, они просто направили его на территорию СССР. А в Бресте в комендатуре не стали себе заморачивать голову и, арестовали Гартмана. А затем как сотрудник немецкой спецслужбы, действовавшей против белорусских партизан, он был осужден трибуналом Белорусского военного округа как военный преступник. Отбывал срок на территории Беларуси. В лагере обратился с заявлением, что в войну сотрудничал с советской разведывательной группой на территории Польши. Это подтвердил и Е. Березняк. Но, пока суть да дело, шло время и Гартмана выпустили только в 1953 г. и..., сразу же привлекли к работе в советской разведке, направив сначала в ФРГ, а затем в Турцию. Елену Кривоносому с сыном он разыскать, а, тем более встретиться с ними он не мог. Да, и находились они в это время, как и он, в заключении. После выхода на пенсию он поселился в Ереване, где и ушел из жизни в 1983 г.

Елена Кривонослова при освобождении из немецкого лагеря в Германии, при фильтрации в лагере НКВД, все честно рассказала о своих военных перепитиях. По-другому поступить ей было и нельзя: она была с ребенком. Осудили и направили уже в советский лагерь.

Лет 10 тому назад, после долгих поисков, увенчавшихся успехом, я позвонил Елене Кривоносовой по телефону, к ней на квартиру

в Могилеве. Она ничего не захотела мне рассказывать и я, не стал настаивать, понимая, что возвращаться к военным годам своей жизни нелегко. Проще рассказывать сегодня о войне тем, кто записался в партизаны в 1960–1990-е годы. Вот, за ними-то, только успевай корреспондентам СМИ записывать их «подвиги». А такие, как Елена Кривоносова молчали или молчат, потому что хлебнули на этой самой Великой Отечественной по полной.

Е. Н. Близняков, фото 1945 г.

Евсей Близняков

Евсей Близняков родился в 1920 г. в деревне Каменица Бельничского района. После окончания школы окончил Могилевское ФЗО, работал на одном из заводов в Куйбышеве. В 1942 г. был призван в Красную армию, затем плен. Бежал, воевал в отряде польских партизан.

Его роль в спасении Кракова – одна из ключевых: именно он захватил в плен майора Курта Пеккеля, руководителя строительством укрепрайона, минирования Кракова и составившего для советских разведчиков подробную схему его минирования.

27 октября 1944 г. Березняк передал радиограмму:

«Павлову (один из руководителей разведотдела 1-го Украинского фронта). Создана боевая разведгруппа. 22 человека. Русские, большинство военнопленных... Кроме агентурной разведки, начинаем добычу «языков». Голос».

Но, Березняк в радиограмме немножко преувеличил свою роль, сказав «создана боевая группа в 22 человека». В действительности, сам Березняк и его группа «Голос» в октябре месяце оказалась далеко не в блестящей ситуации. После задержания радистки Вологодской на хуторе Врубелей, когда и Березняк чудом избежал повторного ареста – стало понятно, что немцы владеют отличной радиопеленга-

торной аппаратурой и, вести радиообмен с разведотделом фронта в населенных пунктах нельзя. Группа в количестве 4-х человек, в лесу, могла стать легкой добычей для немцев, бандеровцев и любых бандитов.³ И свершилось чудо. Дальше процитируем воспоминания Березняка: «20 октября на рассвете меня разбудил часовой. Доложил, что приближается группа вооруженных людей. Мы приготовились к неожиданной встрече... Вдруг увидели на старых пилотках звездочки, красные ленты... Пригласил к себе старшего группы – Евсея Близнякова».

Дело в том, что бывшие советские военнослужащие, сбежавшие из немецкого плена и воевавшие в польских партизанских отрядах, решили, узнав о нахождении в их районе советской разведывательной группы, присоединится к ней. Возглавил этот отряд в 22 человека наш земляк Близняков. Кстати, в этом отряде был еще один наш земляк – Заборонок Василий Александрович.

Дальше Березняк пишет: «Так мы превратились в своеобразный гибрид – боевую единицу агентурно-разведывательного и диверсионного характера. Нас было четверо, стало двадцать шесть». Как говорится: группе «Голос» стало жить лучше, жить стало веселей. Разведчики, радистки могли спокойно работать под надежной охраной бойцов.

Березняк в своей книге «Операция «Голос» в превосходной степени оценивает командирские качества, мужество и смелость Близнякова. На его счету была не одна смелая, дерзкая операция. Но, вернемся к минированию Кракова. Чтобы подтвердить убедительность своих утверждений о вкладе своих героев в спасение Кракова, приведу цитату из статьи В. Лота «Кто вы, майор Вихрь?», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (№2, 2008 г.), и написанной на основании архивных материалов ГРУ Красной армии. Автор статьи делает вывод: «В боевом задании разведывательной группы «Голос» не было задачи по спасению Кракова. Березняк узнал о чудовищном замысле фашистов от Гартмана и захваченного в плен майора, главного инженера Краковского укрепрайона Курта Пеккеля. Добытые данные и позволили советским разведчикам спасти древнюю столицу Польши от уничтожения».

3) Именно в том районе погибла группа известного советского разведчика Николая Кузнецова (Пауля Зиберта).

Гартман передал, что саперная часть, строившая Краковский укрепрайон и осуществлявшая минирование города дислоцируется в селе Рацеховице, а командир ее – генерал-майор. Думали захватить его, но не получилось. Тогда решили захватить главного инженера укрепрайона майора Пеккеля. Вызвался сделать это Близняков.

Дадим ему слово самому: «...Трое суток следили мы за «нашим» инженером. Уточнили его маршрут, режим дня, привычки... Ждем. Наконец-то ...наш толстячок... Заметил нас. Насторожился.

– Шнапс, битте, тринкен. Выпьем, герр майор, за компанию.

Замахал руками: дескать, некогда.

Митя, вежливо так, пистолет майору под бок. Я бутылку в зубы. Выпили мы в борова поллитра первосортного шнапса...

В лесу нас ждал Отченашев с повозкой. Майор было пришел в себя, закричал. Мы ему кляп в зубы... Так и довели. Принимайте гостя дорогого, товарищ капитан».

И пошли от «Голоса» шифрованные радиogramмы в штаб 1-го Украинского фронта. План оборонительных сооружений Краковского укрепрайона, имевший название «Группенсистем», был передан по квадратам. Пеккель точно и подробно указал места закладки толовых зарядов, схемы прохождения электрокабелей. Тонны взрывчатки были заложены под Марицкий костел, Ягеллонский университет, собор и Королевский замок на Вавельском холме, ратушу и другие исторические здания.

Березняк во главе своего отряда, после освобождения Кракова 19 января 1945 г., прибыл в Енджеув (район Ченстохова), где находился в тот момент штаб 1-го Украинского фронта. Встречу он описывает так: «Я представил полковнику Павлову пополнение «Голоса» – диверсионно-разведывательную группу Евсея Близнякова.

– Ну, здоровеньки булы, козаки... гремел на всю комнату Батя...

Много теплых слов было сказано, много хороших песен спето в тот незабываемый для нас вечер... Вскоре назначения в разные части действующей армии получили и Евсей Близняков..., Заборонок и др».

Но, по кадровым послевоенным документам, которые у меня имеются, на фронт Близняков пошел в 1945 г. рядовым, хотя в 1942 году он был командиром пулеметного взвода. А на его фото, снятом в 1945 г., на гражданском пинжаке сиротливо светится одна медаль

«За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Значит, Павлов-Батя и пальцем не пошевелил, чтобы отблагодарить ребят, не представил к наградам своих «козаков». Его ничем не наградили за совершенные подвиги в составе разведгруппы «Голос». Евсей был 1920 года рождения и, его ровесники демобилизовывались из Красной армии в 1946–1948 гг., но, его уволили из армии сразу после окончания войны. Понятно: был в плену и таким не доверяли. Возможно, что ему, как и Березняку пришлось пройти после войны проверку в фильтрационном лагере НКВД, куда направлялись военным командованием такие военнослужащие.

Евсей Никифорович с января 1946 по 1967 г. работал в объединении «Укрнефть» и тресте «Львовгаз». Женился, у него в семье родились два сына и дочь. В 1966 г. окончил Дрогобычский нефтяной техникум. Затем в 1967 г., когда нашли нефть в Беларуси (скорее всего родина тянула к себе), перевелся на работу в Мозырскую контору разведочного бурения, механиком мехмастерских Озаричского участка. В 1972 г. он перевелся на работу в Калинковичскую нефтеразведочную экспедицию глубокого бурения. Сюда, к нему и приехал в гости, Евгений Березняк, который пишет в своих воспоминаниях: «И была ночь. Костер, бульба по-белорусски, с дымком, уха, вкуснее которой нет на всем белом свете, грибы домашнего засола... Мы лежали у костра на свежескошенном сене. Вспоминали былое... Вдруг из-за поворота реки показались огоньки. Из темноты выступили силуэты барж. Я услышал взволнованный голос Евсея:

– Плывут, плывут, голубчики. Везут... Им долго еще плыть. По рекам, каналам. И знаешь куда, командир? В Польшу, в наш Краков».

Я долго занимался розыском Евсея Близнякова. В книге «Памяць» Бельничского района нет даже его фамилии в разделе «Яны вырнуліся пераможцамі». Я писал на Украину в Дрогобычский нефтяной техникум, а затем в Мозырь, кое-что прислали. Оказывается, он недолго поработал в Беларуси, а вернулся на Украину и поселился в городе Мукачево.

В 1970-е годы правительство Польши удостоило Е. Н. Близнякова военного ордена «Виртути Милитари», за участие в спасении Кракова. Немногие могилевчане имеют честь быть удостоенными этой высшей военной награды Польской республики.

Следов В.А. Заборонка отыскать не удалось. Скорее всего, он погиб на фронте в 1945 г.

Моя статья «Из группы майора Вихря» с рассказом о могилевчанах, участниках спасения Кракова в 1945 г., была опубликована в «Сельской газете» в январе 2018 г. Буквально через пару номеров, редакция этой газеты опубликовала статью Е. Климович «Спасали Краков несколько разведгрупп», в которой утверждается, что прототипом майора Вихря был ныне здравствующий ветеран органов госбезопасности России, уроженец Воложинщины Алексей Ботян. Но, ведь Ботян был руководителем спецгруппы НКВД, действующей в 1945 г. в районе Кракова, имевшей задачу, коренным образом отличающуюся от задач армейских разведывательных групп. Ботян информировал о своей деятельности Наркомат внутренних дел в Москве и, конечно, он не имел и не обязан был поставлять свои добытые данные фронтовому командованию. Скорее всего, группа Ботяна, после конфликта и трагедии Варшавского восстания, занималась разведкой наличия сил в районе Кракова, подчиненных польскому правительству в Лондоне и их нейтрализацией. И конечно, при всем уважении к Ботяну, его возрасту, он никак не мог послужить прообразом майора Вихря. Ведь Юлиан Семенов на основании архивных свидетельств и воспоминаний непосредственных участников тех событий четко в книге и фильме назвал своего героя, кто был его прообразом, рассказал о его, членов группы «Голос» мужественных действиях в начале 1945 г. в районе Кракова. И теперь «Сельской газете» и Ботяну не надо прилепляться к их подвигу.

Герой Советского Союза Федор Никитин председатель колхоза «Красный маяк» и... сосед известного Кирилла Орловского

Нам хорошо известно имя Героя Советского Союза Кирилла Орловского, председателя знаменитого колхоза «Рассвет» в дер. Мышковичи Кировского района Могилевской области, но мы забыли имя Героя Советского Союза Федора Никитина, что первые послевоенные годы возглавлял колхоз «Красный маяк» в соседнем Павловичском сельсовете этого же района. Герои войны соревновались друг с другом в труде и достигли на этом поприще успехов. В 1949 году

Ф. П. Никитин, фото 1950 г.

оба этих хозяйства были занесены на областную Доску Почета. В 1944 – 1954 гг. Кировский район входил в состав Бобруйской области.

Давайте расскажем о Федоре Прокофьевиче Никитине более подробно, ведь о нем написано немного, часто с неточностями, а ряд современных энциклопедических изданий вообще не удостоивают его своим вниманием.

Он родился в 1913 г. в дер. Польковичи Павловичского сельсовета Кировского района Могилевской области. После окончания

начальной школы трудился в крестьянском хозяйстве отца, а затем в колхозе. В 1939 г. был призван в Красную армию, участвовал в освобождении западной Беларуси в сентябре 1939 г., а затем в зимней кампании 1939–1940 гг. в Финляндии. В родную деревню вернулся в декабре 1940 года с сержантскими «треугольничками» в петлицах. Стал трудиться в колхозе «Поповщина» Кировского района Могилевской области. Женится за несколько недель до войны на односельчанке, красавице Елене.

И вот опять война. Наступили нерадостные дни оккупации. Крестьянствовал, но по духу своему он был воином, и не смирился с иноземной властью. Установил связь с партизанами, помогал продуктами, информировал о наличии и численности ближайших вражеских гарнизонов, а летом 1943 г. ушел в 540 особый партизанский отряд, командиром которого был И.И. Домбровский. Никитин был назначен командиром разведывательно-диверсионной группы, т.к. командование отряда знало его по работе связным и доверяло ему. На счету его группы около десятка успешных операций по разведке вражеских гарнизонов, взрывов мостов, ж.д. эшелонов. В феврале 1944 г. командование отряда послало его с товарищем к линии

фронта, для передачи разведывательных данных советским частям. Они выполнили задание и были зачислены в 1264 полк 380 стрелковой дивизии, остро нуждавшейся в пополнении. Федора восстановили в звании сержанта и назначили командиром отделения. Дивизия занимала оборону по реке Проня у деревни Головенчицы. И отсюда 24 июня 1944 г. она пошла в наступление по освобождению Беларуси от немецко-фашистских оккупантов. В ходе ожесточенного боя за деревню Острова Чаусского района сержант Никитин со своим отделением первым ворвался в этот населенный пункт. Его подразделение уничтожило 20 немцев, причем командир лично истребил в рукопашном бою 4-х из них. Приказом по полку за №0117 от 30.06.1944 г. сержант Никитин был удостоен ордена Славы 3 степени.

И в этот день же батальону 1264 стрелкового полка была поставлена задача овладеть сильно укрепленным населенным пунктом Подгорье Быховского района. Здесь надо пояснить читателю. 26 июня советские войска освободили Витебск, 27 – Оршу, 28 – Шклов, Могилев, Быхов. Практически по всей территории Беларуси стал свободным от немцев важный в стратегическом отношении участок шоссе Ленинград-Одесса. А вот опорный пункт немцев на этой трассе у деревень Никоновичи-Подгорье держался и 30 июня. Взять атакой в лоб деревню Подгорье не удалось, ничего не дал и артиллерийский обстрел. Далее приведу выдержку из представления к званию Героя Советского Союза Никитина Ф.П., подписанное 11.07.44г. командиром 1264 СП подполковником Тарасенко: «В период боя 30.06.44 г. у дер. Подгорье Чаусского района Могилевской области (штаб полка ошибся – эта деревня входила в Быховский, а не Часский район и, эта ошибка исправно повторяется во всех энциклопедиях и источниках. М.Р.) тов. Никитин со своим отделением показал исключительные образцы героизма. Противник большими силами прочно закрепился на рубеже... тов. Никитин со своим отделением пробрался в тыл противника, выбрал хорошую позицию и из двух ручных пулеметов с тыла начал расстреливать немцев. В стане противника началась паника, бросая оружие, противник бежал. Батальон без потерь пошел вперед, при этом тов. Никитиным было уничтожено до 90 немецких солдат и офицеров. В этот же день тов.

Никитин получил задачу прочесать лес, но был окружен. Бойцы отделения вышли из строя, он лично сел за пулемет и начал вести бой до прихода нашего подразделения, т.е. около 1,5 часа Никитин вел неравный бой и в этом бою уничтожил 60 немцев...». К месту боя за деревню Подгорье прибыл командир 380 дивизии генерал-майор А. Ф. Кустов. Он попросил показать ему героя, практически в одиночку выполнившего задачу дня батальона и лично уничтожившего полторы сотни немцев. И, при этом, он смог воочию убедиться в подлинности свершенного Никитиным, так как поле недавнего боя было густо усеяно трупами уничтоженных им врагов. Генерал обнял сержанта и приказал представить его к званию Героя. Надо подчеркнуть, что за весь период Великой Отечественной войны только 10 воинов дивизии получили это высокое звание.

Немногие воины в ходе освобождения белорусской земли проявили такое мужество и героизм, как Федор Прокофьевич. Но, в книгах «Памяць» Чаусского и Быховского районов о нем и совершенных им подвигах при освобождении Могилевщины – ни слова.

Стрелковая дивизия, в которой сражался наш герой, в августе 1944 г. вступила на территорию Польши. 2-му Белорусскому фронту была поставлена задача освободить города Белосток, Ломжу, Остроленку и захватить плацдарм на реке Нарев. 13 августа солдатское счастье изменило сержанту Никитину: он был тяжело ранен и эвакуирован в армейский эвакогоспиталь. Он пролил кровь за то, чтобы польская земля стала свободной, а сотни тысяч его боевых товарищей остались в польской земле навсегда. (По моим предположениям, около четверти из 600 тысяч погибших в Польше советских солдат – белорусы, так как летом 1944 г. советские стрелковые дивизии Белорусских фронтов получали пополнение, в основном, из БССР.) А сегодня польские правители сносят памятники советскому солдату. Догадаться нетрудно, какую оценку дал бы этому бывший сержант Никитин.

Почти два месяца в госпиталях, а затем с маршевой ротой прибыл в 1291 стрелковый полк 110 дивизии, командиром которой являлся полковник Тарасов. (Генерал-майор в отставке Сергей Михайлович Тарасов в 1970, 80-х гг. жил в Могилеве и автору этих строк довелось несколько раз беседовать с ним о действиях этого

соединения в годы Великой Отечественной войны). Дивизия, как и другие части 2-го Белорусского в это время вели тяжелые бои в Восточной Пруссии. 11 февраля 1945 г. Никитин опять отличился, уничтожив 3-х солдат противника в бою за деревню Гленды, ныне в Гурово-Иловецкой гмине Варминьско-Мазурского воеводства, за что был награжден медалью «За отвагу». А потом штурм крепости Кенигсберг. Брала форт №3 «Кведнау» – взяли. А там и День Победы! В те победные майские дни 1945 г. комдив Тарасов вручил ему в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. Золотую звезду Героя и орден Ленина.

В конце 1945 г. сержант Никитин был демобилизован и вернулся в родные края. К счастью, все родные были живы и здоровы. Секретарь Кировского райкома партии Г.Л. Комар, бывший комиссар партизанской бригады, знал Федора Прокофьевича и, в феврале 1946 г. он был назначен председателем колхоза «Красный маяк» Павловичского сельсовета. Как известно, колхозом «Рассвет» в соседнем Мышковичском сельсовете уже год руководил Герой Советского Союза К.П. Орловский.

Сказать, что первые послевоенные годы в колхозной деревне на Могилевщине были трудными, это просто повторить избитую фразу. Не было не только техники – не было лошадей, люди жили в землянках, пахали на себе женщины и дети. Редкие уцелевшие на войне мужики были без рук или ног, изранены. А надо было не только кормить себя, но и всю страну – разоренную и голодную. И делалось это жесткими, часто жестокими методами. Вот свидетельство того времени, почерпнутое мною из Государственного архива общественных объединений Могилевской области:

Бюро Кировского райкома КПБ(б) 24 декабря 1946 г. рассмотрело вопрос о падеже лошадей в колхозах района.

«Постановили:

1. Председателя колхоза «2-я пятилетка» Козуличского сельсовета Михолап Ф. за падеж лошадей исключить из партии, снять с работы и предать суду, а также судить двух бригадиров этого колхоза.

2. Ветфельдшара Кочак за неправильное лечение лошадей предать суду.

3. Председателей колхозов «Октябрь» и имени Молотова

Чигиринского сельсовета Венявского и Богословского снять и предать суду».

Колхоз «Рассвет» под руководством Кирилла Орловского добился хороших успехов в животноводстве, получал неплохие урожаи. Неплохо складывались дела и в хозяйстве, которым руководил Федор Никитин. Например, эти два колхоза бюро райкома партии 7 мая 1947 г. были предложены, а затем и утверждены бобруйскими обкомом партии и облисполкомом для занесения на областную Доску Почета.

Правда, иногда К.Орловского и Ф. Никитина критиковали: первого – за нетактичное поведение, а второго – за слабую требовательность.

В начале 1950-х гг. начинается укрупнение колхозов. Так, в 1951 г. к колхозу «Рассвет» присоединили колхоз «Восход» того же Мышковичского сельсовета, назначив председателем Кирилла Орловского, имевшего среднее образование. В Павловичском сельсовете к колхозу «Луч Советов» присоединили колхоз «Красный маяк», назначив председателем Ивана Бусла со средним образованием, а Федора Никитина, имевшего начальное образование, назначили заместителем председателя этого укрупненного колхоза. Походил Федор Прокофьевич в замах года 2, а затем стал работать плотником. Немало колхозных строений и домов колхозников в деревнях Павловичи, Польковичи и сегодня хранят тепло рук Федора Прокофьевича.

В 1963 г. на семейном совете Федор Прокофьевич и Елена Архиповна решили переехать в Бобруйск: подрастали дети, дочь уже училась в старших классах средней школы и, их надо было учить. Купили у самой реки Березина дом-временку по улице Береговой, который глава семьи в короткий срок практически заново построил и стали жить, работать, растить детей. Федор Прокофьевич пошел работать плотником в Бобруйский район электросетей, а в 1971 г. его, как хорошего специалиста взяли столяром на Бобруйский деревообрабатывающий комбинат. На работе Ф.П. Никитина всегда отмечали как скромного человека и добросовестного работника. Руководители предприятий с уважением относились к герою войны. Например, в связи с 20-летием Победы в Великой Отечественной войне администрация районных электросетей наградила его электросамоваром и костюмом.

Федор Прокофьевич очень ценил книгу маршала Жукова «Воспоминания и размышления», особенно за то, что прославленный полководец посвятил ее советскому солдату. Сотни раз видел маршал наших воинов, поднимавшихся и идущих в атаку, нередко в полный рост. Немногим из них удавалось после этого остаться в живых, часто солдат погибал в первом же бою, в первой атаке. А ведь сержант Никитин участвовал во многих боях и, десятки раз участвовал в атаках.

3 ноября 1979 г. Герой Советского Союза Федор Прокофьевич Никитин ушел из жизни. На Аллее героев города Бобруйска установлена стела в его честь.

Память о Герое Советского Союза Ф. П. Никитине бережно хранят на предприятиях города Бобруйска, где он работал: в филиале «Бобруйские электросети» РУП «Могилевэнерго» (председатель совета музея М. З. Гришкевич) и ОАО «Фандок» (хранитель фондов музея В. Лаптев).

Эдуард Волосевич

По-моему забыли мы своего известного в былые годы земляка – Э. С. Волосевича. Бюсты ставят и улицы называют теперь по идеологическим (классовым) или национальным признакам, а вот что касается заслуг – это второстепенно.

12 марта 2018 года исполнилось 100 лет со дня рождения Э. С. Волосевича, известного белорусского баснописца. Эдуард Станиславович родился в Могилеве, в семье рабочего-железнодорожника. В 1935 г. окончил семилетнюю железнодорожную школу, а затем Могилевский ветзоорабфак. В 1937–1941 гг. учился на русском отделении Могилевского пединститута им. Папанина. Сдав последний госэкзамен по педагогике 27 июня 1941 г. добровольно вступил в 1-й Коммунистический истребительный батальон. Их взвод, в отличие от студенческого взвода рассеянного и погибшего под Благовичами, был направлен в деревню Прилесье, восточнее Чаус. 15 июля приняли участие в оборонительном бою за райцентр, но, устоять против передового отряда 3-й немецкой танковой дивизии Моделя студенты не могли. Отходили на восток втроем – Петр Шестериков, Николай

Горулев и Эдуард Волосевич. В Кричеве соединились с основным составом батальона. Могилевский истребительный батальон принимал участие и в обороне Гомеля в июле-августе месяце 1941 г., что остается у нас малоизвестным до настоящего времени (мы забыли, а гомельчане не спешат напомнить). В сентябре батальон расформировали и Волосевич был направлен пулеметчиком в одно из соединений Брянского фронта. В октябре выходил из окружения, причем группа в составе которой был Эдуард, разместилась на ночевку в доме, к которому подкатил и немецкий танк. Красноармейцы не растерялись, забросали его гранатами, а экипаж уничтожили. Причем Волосевичу, за особое мужество, при разделе трофеев выделили немецкий автомат. После выхода из окружения был зачислен, как надежный воин, в 24-ю, а затем 2-ю дивизии войск НКВД, рядовым. В мае 1943 г. был тяжело ранен под Сухиничами. После излечения был признан негодным для воинской службы и работал старшим научным сотрудником госархива в Батуми. В октябре 1944 г. вернулся в освобожденный Могилев и был принят на работу в педагогический институт ассистентом кафедры русской литературы. Как и в студенческие годы, сотрудничал с редакцией газеты “За Радзіму”. Например, в конце 1944 г. в этой газете было опубликовано его стихотворение «Выходи на воскресник»:

Луна вкатилась в дома пролет,
Глянула влево, вправо – голо,
Пустой, неуютный холодный дом,
Нет ни двери, ни окон, ни пола
Товарищ!
Кто этим городом горд,
Кому он как друг-ровесник,
Бери лопату, пилу, топор
И выходи на воскресник!

Автор не только призывает горожан к восстановлению родного города, но и дает правдивую, реальную картину того времени. Студентам, работникам института выделялись комнаты, в которых в лучшем случае были голые стены, но не было ни окон, ни дверей, их забивали кусками фанеры, досками, завешивали плащ-палатками, шинелями. В сентябре 1945 года Эдуарда Станиславовича перевели

на работу в редакцию областной газеты, назначив заведующим отделом писем.

В 1952 г. Э. Волосевича взяли на работу в Минск, вначале в редакцию журнала “Польмя”, а затем “Вожыка”. Еще в Могилеве, в 1950 г. его приняли в Союз писателей СССР. Можно без преувеличения сказать, что в 1950, 60-х гг. он был нашим белорусским Крыловым.

Братья Зайцевы – заслуженные работники МВД

Виктор Зайцев

Виктор, старший из пяти сыновей лесника Егора Зайцева, родился в деревне Прилесье Чаусского района в 1952 году. Окончил Осиновскую СШ, а затем Могилевское ГПТУ-4 электротехники.

В 18 лет он встал в армейский строй. Служил в спецназе, а точнее, в 3-й отдельной гвардейской Варшавско-Берлинской Краснознаменной, ордена Суворова бригаде специального назначения ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР. Бригада дислоцировалась в г. Найтимене, в Германской Демократической Республике, и входила в состав ГСВГ (Группы советских войск в Германии).

В. Е. Зайцев, фото 1986 г.

В армии к службе относился добросовестно и уверенно рос по служебной лестнице: командир разведывательно-диверсионной группы, замкомзвода, старшина роты. Стал разведчиком 1 класса, инструктором по подрывному делу, гвардии старшиной. Совершил 21 прыжок с парашютом.

После увольнения из армии, работал электриком на комбинате синтволокна «Лавсан». В марте 1973 г. комитет комсомола комбината направил его на службу в милицию. Зачислили рядовым милицио-

нером во взвод патрульно-постовой службы милиции Октябрьского РОВД г. Могилева. Проявил себя при задержании опасного преступника весной 1974 года. В ходе спецоперации старшина Зайцев задержал опасного преступника по кличке Прокоп, бежавшего из мест заключения. Это было тогда громкое для Беларуси дело. Из Оршанской колонии строгого режима за все послевоенное время побегов не случалось. По этому поводу был издан специальный приказ, старшину Зайцева, как и его товарищей по этой операции, наградили именными часами в позолоченном корпусе. Но получал он их, уже будучи курсантом Минской средней школы милиции им. М. Фрунзе, по окончании которой был в числе трех выпускников, кто получил знак «Отличник милиции». Направили продолжать службу в уже ставший родным Октябрьский РОВД. Сменил на должности командира взвода ППСМ Николая Александровича Атрошенко.

Очень большой проблемой в те годы была уличная преступность, ведь камер видеонаблюдения тогда не существовало. Собирались группы, толпы молодежи по микрорайонам и, нагрянув в другой район города, избивали всех попавших под руку молодых людей. Происходили массовые драки и на танцплощадках, часто с применением кастетов, заточек и арматуры.

И вот во многом улучшить криминогенную ситуацию, пресечь массовые хулиганские выходки части молодежи и в районе, в частности, и в городе в целом, смог командир взвода ППСМ Виктор Зайцев, являвшийся и секретарем комитета комсомола райотдела милиции.

Рос Могилев, увеличивался и штат милиции. Вместо взводов ППСМ при райотделах внутренних дел сформировали роты, а затем в 1981 году – отдельный батальон при УВД облисполкома. Командиром роты, а затем батальона был вышеупомянутый Н. Атрошенко. А В. Зайцев был у него заместителем. В 1983 г., после того, как Николай Александрович перешел на должность заместителя начальника отдела охраны правопорядка и профилактики УВД, комбатом стал Виктор Егорович.

В этой должности встретил и 1986 год, чернобыльский. 3 или 4 мая вызвали в УВД. Приказ был кратким: «Вы назначены командиром отряда в зону, прилегающую к Чернобыльской атомной станции в Гомельской области».

Выехали из Могилева 100 человек, из них 20 из своего батальона. Они были опорой, костяком отряда. В Хойниках уже находился зам. министра внутренних дел БССР В. Н. Савичев. Отряду вменялись в обязанность охрана общественного порядка и сохранность имущества на территории Хойникского и Наровлянского районов, примыкающей к АЭС. В Наровлю старшим был отправлен заместитель командира отряда В.А. Дедушкин, командир роты ППСМ УВД г. Бобруйска. Поскольку отряд был первым, многое делали методом проб и ошибок. На службу в первый раз патрульные вышли в прорезиненных костюмах химзащиты. Через полтора-два часа несколько человек упали в обморок. Была жара необыкновенная. Стало ясно, что взяли химзащиту зря, и в дальнейшем она не использовалась.

Личный состав к службе относился добросовестно. Надо назвать сегодня имена Николая Левутко, Леонида Анисимова, Виктора Василевского, Валерия Волченкова, Альберта Гришина, Геннадия Кириленко, Виктора Ковалева, Леонида Лахмыткина, Анатолия Холодцова, Геннадия Янковского. Нет в живых дозиметриста Николая Леонидовича Языкова. Именно он в мае 1986 г. был в числе первых, кто, рискуя собою, делал замеры уровня радиации на территории Хойникского района, прилегающего к ЧАЭС. Эти данные передавались в Минск. Пришлось принимать участие и в эвакуации населения. Без работников милиции она была бы невозможной.

В декабре 1986 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР майор милиции В. Е. Зайцев за участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС был награжден орденом Красной Звезды.

Затем работал в областном УВД начальником отделения профессиональной подготовки. В апреле 1989 г. переведен заместителем начальника по строевой части Могилевской специальной школы транспортной милиции МВД СССР, ныне Учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь». Люди, мало знакомые со службой в системе МВД, могут сказать: «Ну, что там особенного – служить в школе милиции».

Да, говоря о службе в учебном заведении милиции в тихой и спокойной сегодня Беларуси, в какой-то степени можно согласиться с этим утверждением. Но в те годы шла, как ее тогда называли,

«революционная перестройка». Кровавые драмы разыгрывались то в одном, то в другом конце Советского Союза. И отряды из курсантов и офицеров учебных заведений МВД были теми мобильными, дисциплинированными формированиями, которые бросались в эти конфликты для их купирования. И автор этих строк знает это не понаслышке: восемь лет служил в этом учебном заведении в 1980–1990-х гг., а В. Зайцеву за 4 года службы в школе милиции довелось трижды выезжать во главе отрядов, сформированных из курсантов и офицеров этого учебного заведения: в 1989 г. – в Нагорный Карабах, в 1990 г. – в Москву для охраны общественного порядка во время проведения общеевропейской конференции ОБСЕ, в 1991 г. – в Оршу.

Отряд Могилевской школы милиции под командованием подполковника милиции В. Зайцева нес службу в районе Лачин-Горис-Сисиан, разделив враждовавших между собой армян и азербайджанцев. Рядом, на Кавказе, в то же время в составе прославленного в годы афганской войны 345-го парашютно-десантного полка Героя Советского Союза полковника В.А. Пименова нес службу родной брат – сержант Игорь Зайцев.

О событиях в Орше апреля 1991 г. известно мало. Поэтому надо сказать следующее: в годы революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. железнодорожный узел в этом городе работал, а в 1991 г. 25–27 апреля он был заблокирован, стояли даже поезда международного сообщения, Москва-Берлин, например. А разблокирован Оршанский ж/д узел был отрядами Минской высшей школы милиции и Могилевской школы транспортной милиции МВД СССР. Помню, как в те дни там было непросто. В числе организаторов блокады были представители из Москвы (например, один известный певец) и Минска, съемочная группа ТВ из Москвы. Ждали кровавой драмы... Не дождались. За выполнение правительственных заданий по охране общественного порядка полковнику милиции В.Е. Зайцеву в 1991 г. было присвоено звание «Заслуженный работник МВД СССР».

В 1993–1996 гг. Виктор Егорович работал в Октябрьском РОВД заместителем начальника. В 1996 г. был назначен заместителем областного природоохранного прокурора, а затем возглавил отдел по надзору за исполнением налогового и таможенного законодательства

и органов Комитета государственного контроля в Могилевской областной прокуратуре. Работе в органах прокуратуры отдал 15 лет. За добросовестное исполнение своих обязанностей неоднократно поощрялся. Ему присвоено звание старший советник юстиции.

Но посвятить все свое время, свою жизнь только себе – это не в правилах Виктора Егоровича. Сегодня он работает заместителем главного врача по хозяйственной части Могилевского Центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья.

А сегодня дело своего отца, заслуженного работника МВД СССР В. Е. Зайцева, продолжают сыновья Юрий и Александр, несущие службу в правоохранительных органах родной могилевщины.

Василий Зайцев

Василий, третий из сыновей Егора Зайцева, родился в 1959 году в деревне Прилесье Чаусского района. В 1977 году окончил Осиновскую среднюю школу, а затем в ДОСААФе получил профессию шофера. Позже работал водителем в совхозе «Осиновский» Чаусского района. В 1978–1980 гг. служил в Советской Армии.

В. Е. Зайцев, фото 2014 г.

После службы, по примеру старшего брата Виктора, пошел в органы внутренних дел. Василий Егорович окончил Могилевскую специальную среднюю школу транспортной милиции МВД СССР. Преподаватели ценили курсанта за широкий кругозор и тягу к знаниям. Василий всегда “дружил” и со спортом. Подтверждением тому служат имеющиеся спортивные достижения: первые разряды по дзюдо и гиревому спорту, звание кандидата в мастера спорта по самбо.

Свой милицейский путь Василий Егорович начал с должности инспектора уголовного розыска

ОУР Октябрьского РОВД Могилева. С 1984-го Василий Зайцев – оперуполномоченный уголовного розыска, затем – старший оперуполномоченный по делам несовершеннолетних ОУР Октябрьского РОВД Могилева. С 1987-го служил в объединенном приемнике-распределителе при УВД Могилевского облисполкома, который возглавил в 1992. В 2007 году Василий Егорович назначен на должность начальника управления профилактики милиции общественной безопасности УВД, а с января 2010 по июль 2014 являлся начальником управления охраны правопорядка и профилактики милиции общественной безопасности УВД Могилевского облисполкома.

За достижения в службе полковник Зайцев был удостоен звания «Почетный сотрудник МВД» Беларуси, а также награжден медалью “За безупречную службу” трех степеней, почетным холодным оружием и другими наградами.

Часть II. Очерки по истории Могилева

Пушкинская «Ольга, жрица наслажденья» жила в Могилеве

Так называл А. С. Пушкин Ольгу Массон, родившуюся в С-Петербурге в 1796 году. О ней в примечаниях к стихотворению «Ольга, крестница Киприды» была сделана запись: «Представительница полусвета, не отличавшаяся строгой нравственностью». Ольга была необыкновенно прелестна. Ее отец, Шарль Массон (1762 – 1807), француз, приехал в Петербург в 1786 году и затем преподавал математику внукам Екатерины 2. В 1795 году он женился на дочери барона Розена. От этого брака и родилась Ольга Массон. Павел 1-й выслал Шарля Массона в Курляндию, откуда тот сбежал в Пруссию и, где написал негативные «Секретные записки о России». Книга была издана в Париже в 1802 году. В 1807 году Шарль умер, а Ольга вместе с матерью через пару лет вернулись в Петербург. Здесь Ольга вскоре и стала одной из известных красавиц-куртизанок, которой и увлекся Пушкин. В посвященной ей стихотворении поэт жалуется, что она дразнит его, насмешливо отказывая ему в «неге восторгов и забвенья».

Ходили слухи, что она уважала Пушкина, как поэта, и не желала заразить его вензаболеванием. Оные были распространены после заграничных походов русской армии.

Ольга « после бесчисленных мятежных заблуждений» вышла удачно замуж за чиновника в губернский Могилев, где и прошла ее жизнь.

Телеграфная линия Бобруйск – Париж

Да, прямая телеграфная связь между Парижем и Бобруйском существовала!

В предверии 1-ой мировой или Великой войны 1914–1918 гг. военный союз Франции и России вырисовывался задолго до ее начала. Точнее я бы сказал: Франция втягивала в свою войну с Германией Российскую империю. И надо сказать, что, несмотря на то, что жена императора Николая 2-го являлась немецкой принцессой, это удалось.

В 1906 г. начальник французского Генштаба генерал Брен пишет своему русскому коллеге генералу Палицыну о необходимости установления линии связи. Российский Генштаб в 1907 г. согласился с этим предложением и предложил радиотелеграфную линию связи провести по линиям Бобруйск – Париж и Бизерта – Севастополь. В 1908 г. начальник русского Генштаба в письме французскому военному атташе в Петербурге сообщает технические данные радиостанций в Бобруйске и Севастополе. А уже в 1911 г. союзная техническая комиссия, в которую входили офицеры генеральных штабов и специалисты, в ходе проверки связи с 29 октября по 3 ноября отметила, что «связь между Парижем и Бобруйском можно считать устойчивой ночью и во все времена года». В том же году была образована еще одна союзная комиссия, в которую от России входили: полковник Генштаба Гиссар, полковники Сокольников и Игнатьев, капитан 2 ранга Дмитриев; от Франции: майоры Ферье и Кардые, лейтенант Жак. Этой комиссией было разработано «Положение о централизованном делопроизводстве франко-русского радиотелеграфного сообщения», приняты шифры, позывные, рабочие частоты и время связи. В Черногории была построена передаточная радиостанция.

В 1914 г. приступили к постройке радиостанций в Москве, Царском Селе и Смоленске.

Несомненно, Бобруйск предполагался быть местом Ставки действующей русской армии в 1914–1918 гг. Но, в 1914 г. Барановичи были выбраны тогдашним Верховным главнокомандующим Николай Николаевичем, человеком решительного характера и желавшего быть ближе к фронту, а Могилев в 1915 г. выбрал Николай II, как город, имевший прямое железнодорожное сообщение с Петроградом. Как известно, последний российский император был хорошим семьянином, любил жену, своих детей и даже небольшую по времени разлуку с ними (это он отмечал и в своем дневнике) он переносил тяжело. Кроме того, Могилев и Петербург связали прямой телефонной связью к тому времени.

Сергей Есенин в Могилеве

Мы достоверно знаем о пребывании в Могилеве А.С. Пушкина, а вот о службе в нашем городе рядового С. Есенина в одном из подразделений Ставки действующей русской армии в 1917 г. известно немного.

В марте 1916 г. Есенин был призван в ряды русской армии. Но попал он не в пехотный полк на фронт и, даже не в школу прапорщиков, а санитаром в Царкосельский военно-санитарный поезд № 143. Почему? Как известно практически все санитарные учреждения в столице находились под патронатом членов царствующего дома Романовых. Сергей Есенин как поэт, к тому времени стал известен в Петрограде. Г. Распутин, узнав о его призыве в армию (несомненно, они были знакомы), направил с ним и его товарищем поэтом Николаем Клюевым записку придворному полковнику Ломену: «Милой, дорогой, присылаю тебе двух барашков. Будь отцом родным, обогрей. Ребята славные, особливо этот белокрысый...».

В семью царя, читать стихи, Сергей Есенин, был также позван по рекомендации Григория Распутина. Далеко неглупым человеком был этот мужик, пророчески изрекший: «Далеко пойдет, стервец...». Но сказано это было им с большой любовью о поэте.

Есенин читал свои стихи дочерям Николая 2-го и императрице

Александре Федоровне несколько раз. Стихи были приняты с большим интересом, еще больше понравился сам поэт, его русые кудри. Ему великие княжны также полюбились. По его рассказам он целовался с младшей Анастасией, а она его кормила сметаной. В день 17-летия красавицы Марии, 26 июня 1916 г. он написал и прочитал на ее именинах стихотворение «Царевнам»:

В багровом зареве закат шипуч и пенен
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых глазах...
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу
О, помолись, Святая Магдалина,
За их судьбу.

Александра Федоровна, императрица, заметила ему: «Стихи красивые, но грустные». Есенин ответил: «Такова Россия». Да, настоящие поэты – пророки. Поэтический сборник «Голубень», который готовился к изданию в 1917 г., он посвятил императрице. Но вышла книга уже при Керенском и, посвящение в «революционном» издательстве убрали. 5–6 января 1917 г. он, по приглашению Николая 2-го, присутствовал на литургии на Крещение и был удостоен царственного подарка наряду с немногими заслуженными людьми империи.

Служба санитаря тяготила Есенина. Он не мог физически видеть каждый день человеческие страдания, кровь, грязь. Кроме того, он не был исполнительным и послушным. Его душа была бунтарской по природе. С помощью придворных связей он перевелся в один из батальонов, прикомандированных к Ставке в Могилеве, но не санитаром, как где-то у нас сообщалось. Кроме батальона Георгиевских кавалеров, несших охранную службу и принимавшего участие в проводах и встречах царственных особ, представителей иностранных государств в Могилеве. В городе в то время побывал даже хан Бухарский. Ставку обслуживало значительное число воинских подразделений других назначений – связисты, медики, железнодорожники, летчики, автомобилисты, посыльные, шифровальщики, наблюдатели и т.д. На 1 ноября 1917 г. в Ставке насчитывалось,

а ведь к тому времени кое-кто уже и покинул Могилев, – 15 управлений, 3 канцелярии, 2 комитета. Всего – 2 тысячи генералов, офицеров, чиновников и солдат. В городе дислоцировались Георгиевский батальон, казачья сотня конвоя Его императорского Величества, дежурная рота, арtdивизион ПВО, авиадивизион и др.

24 февраля 1917 г. рядовой Есенин прибыл в Могилев. Здесь он и стал свидетелем революционных событий, отъезда и свержения царя. Один из малоизвестных в советское время исследователей поэта П.Ф. Юшин отмечал, что «Есенин отказался присягнуть Временному правительству и дезертировал из армии». При том бардаке это было сделать несложно. Предположительно в конце марта, начале апреля 1917 г. он уехал из Могилева. Ряд его знакомых свидетельствуют, что общались с ним в Петрограде в апреле – мае и, был он еще в военной форме. А 30 июля 1917 г. Есенин, в одной из сельских церквей Вологодского уезда, обвенчался с актрисой Зинаидой Райх.

Советскую власть вначале он принял, но, ее жесткость, душа поэта не могла принять. В 1966 г. тем же Юшиным была обнаружена клятва Есенина на верность царственному дому Романовых. Экспертиза подтвердила подлинность клятвы, за исключением даты – 14 декабря 1917 года. Очевидно, разочарование в Советской власти у него произошло позднее. Я бы сказал так: не столько во власти, сколько в людях, находившихся при власти. А он, мягкий и доверчивый по характеру, тем не менее, не клонился ни к кому из власть предержащих. В то же время, в 1918–1925 гг. он издавался очень активно и, не только в периодической печати. У него в эти годы вышли книги: в 1918-м – «Песнь о Евпатии Коловрате», 1923-м – «Страна негодяев», 1924-м – «Русь уходящая», «Баллада о 26», «Песнь о великом походе», 1925-м – «Анна Снегина», «Черный человек» и др.

Не соответствует исторической правде и утверждение, что в период Советской власти стихи Есенина были под запретом. Честнее было бы сказать, что его просто широко не пропагандировали.

И сегодня и вчера – любая власть любит сласть, т.е. лесть. А Есенин не был мастером на такие дела, кое-кто был мастеровитей его в подобных делах. А талант, скажут мне. Да, когда у нас ценили человека за это?!

И еще об одной связи великого поэта с могилевской землей, вернее с ее дочерью. В 1919 г. Сергей Есенин в Москве познакомился с 19-летней Надеждой Вольпиной, студенткой университета, поэтессой и своей поклонницей. Она родилась в Могилеве в семье могилевского адвоката Давида Вольпина. Есенин жил в браке с Зинаидой Райх, а затем с Айседорой Дункан. Но, он увлекся и юной могилевчанкой. И это не мудрено, достаточно посмотреть на ее фотографию. Надежда Вольпина забеременела от поэта и уехала в Ленинград и, здесь 12 мая 1924 года родила сына Александра Сергеевича Вольпина-Есенина. Может и, по этой причине Есенин в конце 1925 года неожиданно уехал в Ленинград, где, то ли покончил с собой, то ли ему помогли это сделать. Надежда Вольпина прожила 98 лет и оставила воспоминания. Ее сын Александр в 1972 г. уехал в США.

*Сейчас каждый каждого приговаривает к расстрелу
И. Бабель*

Депутат Могилевского городского Совета Георгий Софронов – участник и организатор расстрела семьи Николая 2-го

Однажды, просматривая архивные списки депутатов Могилевского городского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов за 1931–1932 гг., я натолкнулся на фамилию Софронова, командира и комиссара (в те годы эти две должности занимал, как правило, один человек) 16 стрелкового корпуса, штаб и ряд войсковых частей которого дислоцировались тогда в Могилеве. Неужели это тот Софронов, который накануне и, в первые дни Великой Отечественной войны был заместителем командующего Прибалтийским военным округом (затем Северо-Западным фронтом), а затем руководил обороной Одессы. Да, это был именно он – генерал Георгий Павлович Софронов. Затем я разыскал его книгу воспоминаний. В книге не было ни строчки о Великой Отечественной войне, об обороне «красавицы у моря». Но, как говорят: «не бывает некрасивых женщин...», так и не бывает плохих книг. Георгий Павлович рассказал в своих мемуарах о революционной молодости (он являлся членом РСДРП с 1912 года), своем участии в Первой мировой

Комдив Г. П. Софронов, фото 1930 г.

и Гражданской войнах. Также оказалось – он участник и свидетель расстрела царской семьи в 1918 г.

Дадим ему слово: «Будучи начальником оперативного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта (вскоре этот фронт был преобразован в 3 армию Восточного фронта), я одновременно выполнял обязанности начальника Екатеринбургского гарнизона». Вот это да! То есть он был начальником гарнизона и устанавливал правила и порядок охраны царской семьи, назначал красноармейцев в караул, проводил их инструктаж. Далее он пишет: «В

Екатеринбурге царя с семьей и ближайшей прислужгой поместили в особняк уральского заводчика Ипатьева... Подозрительную часть охраны распустили, новую поручили взводу красноармейцев во главе с комендантом Жилинским, членом партии с 1905 года... Взвод, охранявший бывшего царя, был подчинен, конечно, мне. За ним приходилось следить особенно пристально. Город находился в окружении врагов. Идем с Жилинским в особняк проверить караул. Настроение тревожное. Никто не гарантирует и Екатеринбург от возникновения в нем мятежа. Невольно вспомнились картины вражеских действий в Невьянске. Тогда мятежники, ворвавшись в Совет, зверски убили на месте товарища председателя А. Г. Плотникова, двух служащих и нарсудью П. П. Шардакова... Самого председателя совета Касьяковича (Авотына) расстреляли в первую же ночь после ареста... Перед этим я прочитал всю очередную почту, поступившую в адрес царя. Писем арестованному, конечно, не давали. Лишь одну записку со словами туманного благославения от патриарха всея Руси решили ему передать.

– И просвирку передать? – спросил Жилинский, осматривая завернутую в бумажку просфору – патриарший подарок бывшему са-
модержцу. – А вдруг он ею отравится?

– Чекистам работы меньше будет, – невольно вырвалось у меня.

В ипатьевском особняке после доклада караульного мы убедились, что пленный царь цел и невредим. Чекисты снова докладывали, что в Екатеринбург под видом богомольцев, странствующих монахов стеклось несколько тысяч белогвардейцев. Готовится крупное контрреволюционное восстание. Как быть с царем? Революция не могла допустить, чтобы он попал к белым. Запросить Москву? Но все связи с нею по железным дорогам и телеграфу из-за контрреволюционных мятежей оборвались. В этих тяжелых условиях Уральский областной Совет вынужден был принять решение о расстреле бывшего русского царя Николая и его семьи... Царь и его семья были расстреляны в ночь на 17 июля... Жилинский сообщил, что у пустующего царского особняка собралась толпа любопытных ... ко мне, как к начальнику гарнизона, вскоре пришла делегация от рабочих одного из заводов города... «Где царь?», «Почему мы, красные, возимся с царем?» Рабочие предложили повесить Николая Кровавого на городской площади. Сказать людям правду(что царская семья уже расстреляна) я не мог... Пришлось пустить в ход версию, что царская семья перевезена в более надежное и безопасное место... Через несколько дней была восстановлена техническая связь с Москвой (прямой связи так и не было, соединились через Петроград, а 25 июля в Екатеринбург вошли белочехи). Облсовет по прямому проводу доложил в Кремль о расстреле царской семьи».

Прошу прощения за большую по объему цитату. Но ведь это свидетельство одного из активных организаторов расстрела семьи Николая 2. И здесь каждое слово значит очень многое. Летом 1918 года на просторах Российской империи ярким всепожирающим пламенем вспыхнула Гражданская война. Или наступил, как и предсказывал поэт «бунт бессмысленный и беспощадный».

Степень враждебности в нашем народе всегда была велика, включая и сегодняшние дни. Пример – Украина. Прорицатель монах Авель еще за 100 лет до описываемых событий предсказал гибель семьи Романовых.

Москва, Ленин и Свердлов не давали команду на расстрел семьи Николая 2. Это даже в начале 1990 годов официально подтверждено материалами следственного дела, проведенного прокуратурой Российской Федерации. Несмотря на страстное желание людей, пришедших тогда к власти доказать обратное.

Надо пояснить, что ВЦИК в 1918 г. хотел организовать показательный судебный процесс над Николаем 2. Вспомните суд над гекачепистами в 1991–1992 годах. Революционная перестройка 1986–1991 годов делалась, в основном, по лекалам 1917 года. Но, в советское время, как и сейчас, кстати, люди мало интересовались историей, да и историки не были в цене, впереди шли инженеры (по примеру Брежнева) и выпускники сельхозинституты.

Летом 1918 года Ленин не хотел портить отношения с императором Вильгельмом 2, тем более, что эсер Блюмкин застрелил немецкого посла в Москве. Семья Николая 2, его жена – немецкая принцесса, могла стать разменной монетой в этой политике. У царя, как бы теперь сказали, был низкий рейтинг. Но, конечно, и в то время были умные люди, в особенности, среди старшего поколения, которые понимали, без царя – будет худо. И это худо вскоре все почувствовали.

И мы верим в рассказ, что когда в 1949 году к маршалу Жукову, тогда командующему Уральским военным округом, в театре, он в Свердловске часто ходил на спектакли вместе с понравившейся ему свердловчанкой Галиной Семеновой, подошел и, представившись, протянул руку Г. З. Ермаков, чекист в отставке, коренной свердловчанин, лично расстреливавший и добивавший штыком детей царя. Жуков, в полоборота повернувшись, сказал Г. А. Семеновой «Я убийцам царя руки не подаю». Очень многие монархисты, одним из виновников гибели царской семьи считали А. Ф. Керенского. Именно он принял решение о ссылке Романовых в Сибирь, в Тобольск. В Петрограде или Москве, Советская власть вряд ли посмела расстрелять царственных узников. Ленин и Совнарком хотели своего признания Европой, европейскими правительствами. Ведь социалистические партии в ряде стран тогда являлись правящими.

Екатеринбургские телеграфисты, допрошенные следователем Соколовым, назначенный Колчаком расследовать обстоятельства гибели семьи Романовых, показали, что в июле 1918 года, Ленин,

разговаривая по прямому проводу с Р. Берзиным, командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом (начальником Г. П. Софронова) распорядился: «Взять под свою охрану царскую семью и не допустить каких-либо насилий над ней, отвечая своей жизнью за это». И 16 июля 1918 года Ленин, в ответ на запрос датской газеты, опроверг слухи о гибели Николая 2. Значит, он не принимал решения о расстреле царской семьи, равно, как и не знал о постановлении УралСовета. Да и бардак тогда был еще тот! А вспомните Росселя, губернатора Екатеринбурга, ведь он хотел в 1990-х гг. печатать свои деньги.

В первые годы Советской власти, в Гражданскую войну, не существовало строгой подчиненности местных органов центральной власти. Ведь даже Свердлов, Ленин, Троцкий нередко принимали решения и действовали, не соотносясь друг с другом.

Руководители Уральского городского Совета, его председатель – А. Г. Белобородов, боялись за себя, так как части восставшего чехословацкого корпуса находились в полусотне верст от Екатеринбурга. Самим надо было свою шкуру спасти, а здесь еще Романовы, как гири... И действительно, 25 июля, через неделю после расстрела царской семьи, части полковника Войцеховского заняли город. Вот УралСовет и принял самостоятельно решение о казни, а потом только доложил Москве. Но, несомненно, в Москве кое-кто этого и хотел. Боялись за свою власть и себя.

В связи с этим, интересна дальнейшая судьба Белобородова. В 1919 году он был направлен на подавление вешенского восстания казаков на Дону. Как это происходило можно узнать, прочитав «Тихий Дон» М. Шолохова. В 1921 году он был назначен заместителем наркома внутренних дел РСФСР, а в 1923 году стал наркомом. Но начинается централизация власти – Сталин берет верх и в 1927 году Белобородов исключается из партии, лишается своего поста. В 1936 году следует арест, а затем и расстрел.

Г. Софронов, как начальник гарнизона Екатеринбурга, конечно, принимал участие в решении по расстрелу царской семьи. В связи с этим приведу еще одну цитату из книги Софронова: «Пришел ко мне Жилинский (после расстрела). Он протянул мне пачку белоснежных носовых платков с вышитой на них короной царя.

– Бойцам предлагал, не берут, плюются, – сказал Жилинский.

– Так ты решил их мне вручить? Нет уж, изволь, забери все это добро, – ответил я. Царскую шашку Жилинский передал Смилге».

Красноармейцы Софронова охраняли царскую семью, но расстреливали ее екатеринбургские чекисты. Из взвода охраны, в его составе были и латыши, никто в расстрельную команду не пошел, хотя им такое предложение было. Но, караульную службу они несли и во время расстрела.

Руководителем и непосредственным участником расстрела был Я. М. Юровский (1878–1938 гг.), часовщик, член коллегии Уральской ЧК. Затем он являлся членом коллегии Московской ЧК. В 1921–22 гг. работал начальником Гохрана РСФСР, а затем директором Московского политехнического музея.

В расстрельную команду входили: Г. П. Никулин (полковник госбезопасности в отставке, умер в 1964 году), П. З. Ермаков (умер в 1952 году в отставке), М. А. Медведев – Кудрин, в 1918 году член коллегии уральской ЧК, умер в 1964 году, полковник госбезопасности в отставке, его брат П. А. Медведев, арестован колчаковцами и погиб в тюрьме в 1919 году.

Очень жаль всех безвинно убиенных, особенно, четырнадцатилетнего царевича Алексея. Он очень многое мог сделать для страны, для народа. В Могилеве ему, 12 –летнему вручили Георгиевскую медаль за поездку на фронт. С какой гордостью он ее носил! Об этом в 1960-х годах мне довелось слышать рассказ его ровесника, могилевчанина.

Николай II, при всем уважении к его памяти, был никудышным государственным деятелем. Как можно было передавать престол в феврале 1917 года своему брату Михаилу, который кроме лошадей, ничем другим не интересовался, а затем притворно удивляться, что Михаил на второй день отказался от царского венца.

Хорошо известна фраза, что в истории нет сослагательного наклонения. Но все же представим, что царевич Алексей стал царем всея Руси и пр., пр, а при нем регентшей мать Александра Федоровна. Ведь не побоялись в 1762 году сместить Петра 3 и избрать на русский престол даже немецкую принцессу, назвав ее Екатериной 2 и, получилось, в целом, неплохо.

*Командование 16 стрелкового корпуса, во втором ряду:
3-й слева – комкор Г. П. Софронов, фото – начало 1930-х гг.*

В этом случае, в 1918 году Россия была бы в числе стран-победительниц, овладела, как минимум, Босфором. Черное море стало бы ее внутренним морем. Польша и Финляндия – независимыми дружественными государствами. Версальский мир с участием России определил бы другой миропорядок. Россия не позволила бы Германии в 1930–х годах стать мощной военной державой и, Гитлер не пришел бы к власти, потому что, если бы не правили, то царствовали бы Гогенцоллеры.

Ленин и Троцкий тогда бы не писали апрельские тезисы и не создавали Красную армию, а снова бы дали тягу в европейские и американские палестины. Вахмистр Буденный не стал бы маршалом а, получая хорошую пенсию и, 120 рублей ежегодно за Георгиевские кресты, купил бы конный завод, а новую породу лошадей назвали бы не буденновской, а возможно, в честь молодого царя – Алексеевской. Унтер-офицер и Георгиевский кавалер Георгий Жуков также не стал бы маршалом, а уволился бы после войны из армии и служил бы старшим приказчиком, а затем, поднакопив денег, открыл бы собственный обувной магазин. По вечерам играл на гармошке, на лавочке своего дома в Замоскворечье. Штабс-капитан Александр Василевский не стал бы начальником советского Генштаба, а дослужился

бы до царского подполковника и жил бы на полном пенсионе.

Расскажем о дальнейшей судьбе нашего могилевского депутата. После Могилева, он был назначен помощником командующего Приволжского военного округа, а затем командующим Уральским военным округом. В 1939–1940 годах исполнял обязанности начальника управления ВУЗов Наркомата обороны СССР. В январе 1941 года он был назначен заместителем командующего Прибалтийским особым военным округом. Вместе с командующим, генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым (уроженцем Могилевщины), они смогли, в какой-то степени, сдержать удар немецкой группы армии «Север», не допустить катастрофического разгрома своих войск, в отличие от случившегося в Беларуси. 26 июля 1941 года Софронов вызвал в Москву начальник Генштаба Жуков и направил в Одессу, командующим Приморской армией. Георгий Павлович в сложных условиях начального периода войны сумел организовать оборону этого города. И только по приказу Ставки советские войска оставили Одессу и эвакуировались в Крым. Но, генерал Софронов тяжело заболел и находился в госпитале около 2 месяцев. Затем он занимался подготовкой и формированием войск для действующей армии, являясь заместителем командующего ряда фронтов. В 1945 – 1946 годах служил заместителем командующего Барановичским военным округом, штаб которого находился в Бобруйске. В 1946 году он – старший преподаватель Высшей военной академии имени Ворошилова, а затем начальник кафедры ВДВ этого же учебного заведения. Написал книгу «Воздушные десанты во 2 мировой войне». С 1953 года – в запасе. За ратную службу награжден: орденами Ленина, 5-ю – Красного Знамени, Суворова, Богдана Хмельницкого.

Вольф Мессинг в Могилеве

Да, известный гипнотезер (сегодня – экстросенс), телепат Вольф Григорьевич Мессинг был в Могилеве и выступал со своими психологическими опытами. Об этом я слышал от учительницы своей школы Нины Петровны Леоненко, где-то в 1963–64 гг. Перед войной она училась в Могилевском пединституте. С моей матерью зимой они, сидя по вечерам у печки, часто беседовали о гипнотезерах,

колдунах, вообще о людях со сверхчеловеческими способностями. И Нина Петровна, я помню, в одной из бесед рассказала о Мессинге, его выступлении, как он угадывал и определял имена присутствующих в зале, называл наличие вещей в карманах, находил спрятанные авторучки и т.д. Нашел я и косвенное подтверждение словам Нины Петровны. Просматривая подшивку довоенной газеты «Комунар Магілеушчыны» я натолкнулся на объявление: “З 21 красавіка пачне сваі гастролі у Магілеве Дзяржауны яўрэйскі тэатр БССР”.

У рэпертуары былі Шолам-Алейхам, Лейбка Салдат і інш. Называліся імяны некаторых артыстаў і выканаўцаў, напрыклад, пээта, ардэнаносца С. Галкіна, ардэнаносца Д. Маркіна. Вядома, што імя Месінга было малавядомым у той час магілеўскаму глядачу, не меу ен і званняў, а толькі што прыбыў з Польшчы, таму яго імя не упаміналася.

Кстати, в 1920-х, как и, в 1980, 90-х гг. в нашем городе нередки были выступления людей с различными сверхспособностями. Так, например, в апреле 1924 г. сообщалось, что “в коммунистическом клубе состоится сеанс Арманда Дюкло читающего мысли на расстоянии”.

Именно после одного из концертов весной 1941 года В. Мессинга, из Гомеля и доставили самолетом в Москву. Это было сделано после того, как соответствующие органы БССР сообщили в столицу о выдающихся способностях Вольфа Григорьевича. Возможно, он встречался со Сталиным, Берия, как это показано в телефильме «Вольф Мессинг», однако я не нашел в журнале приема посетителей И. Сталина за эти годы упоминания имени Мессинга. Хотя архивы спецслужб в Москве раскрыты сегодня в небольшом объеме, и, в кабинет генсека Мессинг мог попасть, например, вместе с Берия или вернее при нем. Потому что, в своих воспоминаниях (записанных журналистом М. Васильевым) Вольф Григорьевич говорит очень правдоподобно об этой встрече: «Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским... Отпуская меня, Сталин сказал: «Ох, и хитрец вы, Мессинг». «Это не я хитрец, – ответил я. – Вот вы действительно хитрец!» М. И. Калинин незаметно потянул меня за рукав». Об остальных встречах Мессинг ничего не написал. Их, скорее всего и не было. Верить создателям фильма «Вольф

Мессинг» (кстати, скажу, хорошей картины) здесь не приходится. Это художественное произведение, со значительной долей вымысла, а мы в этом очерке пытаемся написать о исторически достоверных фактах.

Так, Вольф Мессинг родился 10 сентября 1899 года в тогдашней Варшавской губернии Российской империи и сбежал из родного местечка Гура-Кальвария в 11 лет не в Варшаву, а Берлин. Здесь он, вначале работал рассыльным, а затем благодаря своим сверхспособностям был зачислен в труппу театра-цирка «Паноптикум», а затем цирк Буша. Во время одного из выступлений его заметил известный психиатр и невропатолог доктор Абель, именно он помог Вольфу развить его способности. В 1923 г. он был призван и служил в польской армии, позднее работал в Виленском университете на кафедре психологии. В 1920–30-х гг., Мессинг совершает гастрольные поездки по всему миру. После нападения Германии на Польшу Мессинг в Бресте перешел на территорию СССР. Канарис и германские спецслужбы вряд ли за ним охотились. В фильме Канарис одет в эсесовский мундир. Но, как известно, он был руководителем военной разведывательной службы (абвера) Германии, имел адмиральский чин и членом СС не являлся.

На советской стороне Мессинг быстро понял, кто в доме хозяин. В Бресте он обратился в горком партии, откуда его и направили выступать по деревням Брестской области, а затем в Минск, где, скорее всего он и стал работать в еврейском театре БССР.

Вольф Григорьевич, несомненно, был весьма умным и осторожным человеком, о чем свидетельствует его последующая жизнь и деятельность в Советском Союзе, особенно во время Великой Отечественной войны. Так, дважды, в 1942 и 1944 гг., он приобретал за собственные средства самолеты и вручал их летчикам советских ВВС, получал стандартные письма-благодарности Верховного Главнокомандующего И. Сталина, о чем сообщалось в СМИ. Тогда это очень много значило.

Не соответствует действительности рассказ о предсказании Мессинга гибели хоккейной команды Военно-Воздушных сил, роли Сталина и т.д. Всеволод Бобров опоздал на аэродром и поэтому остался в живых. Василий Сталин не попал в авиакатастрофу не

потому, что ему не разрешил лететь отец, а потому что являлся командующим ВВС Московского военного округа и, не имея права без разрешения командующего округом, Министерства обороны вылететь на неделю (команда вылетела за 4 дня до игры) в Челябинск, на игру хоккейных клубных команд. Хоккейная команда ВВС разбилась 5 января 1950 г., через 2 недели после торжеств, связанных с 70-летием Иосифа Сталина, о гибели команды вообще ничего не было передано: ни по радио, ни в газетах. Тогда ничем старались не омрачать народ. Кроме того, И.В. Сталин, практически не интересовался спортом, его примеру следовали и другие члены Политбюро. Кстати, намеченная игра между хоккейными командами «Дзержинец» и ВВС через несколько дней состоялась. И, скорее всего, о гибели команды и этой игре Иосифу Сталину вообще никто не докладывал. В противном случае, кто-то бы поплатился за то, что хоккеисты вылетели на военном «Дугласе», а не поехали поездом, как это было запланировано. Конечно, Сталин вряд стал бы проверять способности Мессинга таким жестоким образом, не допустил бы он и гибели дорогостоящего самолета, приобретенного по ленд-лизу (как раз в то время стоял остро вопрос по возврату военных займов, предоставленных США), экипажа и молодых ребят, хоккеистов, кстати все они являлись военнослужащими.

В 1960-х гг. Вольфу Григорьевичу присвоили звание заслуженного артиста РСФСР. По характеру он был крайне неуравновешенным, роста невысокого, худой, нос с горбинкой, курчавые волосы. Детей у него, очевидно, не было, по крайней мере, в СССР. Ушел из жизни в 1974 году. В США книга о нем переиздавалась восемь раз. У нас гениям не просто..., вот отхвати ученую степень и будешь на ней всю жизнь кормиться – это другой разговор.

Елена Боос (фон Нидермюллер) – палач могилевского антифашистского подполья

Сегодня многие увлекаются чтением детективных изданий, с упоением читая книги Донцовой, Дашковой и родственных им западных авторов, страницы которых заполнены расследованиями, убийствами, сыщиками, вампирами и т.д. В подавляющем большинстве

герои и описываемые в этих произведениях события – плод воображения авторов или их помощников. В то же время, мы не всегда знаем свою собственную историю, реалии которой многократно трагичнее описываемых в упомянутых выше изданиях. Где, как правило, в конце чтения мы всегда знаем, кто убийца, кто маньяк, а кто – просто так. В нашем случае, до сего дня многое остается неизвестным.

Елена (Хелена, Генриетта) Боос (до замужества фон Нидермюллер) родилась в Санкт-Петербурге в 1907 году. Ее семья была очень состоятельной и близкой к царствующей императрице Александре Федоровне (в девичестве германской принцессе Алисе Гессенской). На новогоднем детском празднике 1914 г. императрица подошла к фон Нидермюллерам и спросила у маленькой Хелены:

– Как дела малышка?

И получила ответ на немецком языке:

– Спасибо, Ваше Величество, хорошо.

Затем обратилась к ней по-французски. И получила ответ на правильном французском. Императрица поздравила родителей Хелены с успехами дочери.

Но наступил 1917 год, сменивший все правила жизни. Хелену в 16 лет, в 1923 г. выдали замуж за простого механика одного из петербургских заводов – Бооса. И это помогло ей уцелеть. У Хелены фон Нидермюллер не было никаких шансов на жизнь в Ленинграде, и, пожалуй, даже шансов на жизнь вообще. В 1924 году она родила дочь и назвала ее русским именем Зоя. Как многие молодые женщины и девушки того времени приобрела техническую специальность и, с 1931 года работала шофером на грузовом автомобиле.

Однажды летом 1934 года, к ней, ожидавшей разгрузки своей автомашины, подошел молодой парень в рабочей спецовке, но заговорил он на чистом немецком языке. Второй раз они встретились в кафе на Мытненской набережной. Пауль, так назвался незнакомец, передал приветы от родственников из Германии. Затем рассказал, что на родине под руководством вождя нации Гитлера происходят большие события. В конце разговора он заявил:

– Германия нуждается в вашей помощи, Хелена! Вы живете и работаете в Ленинграде, колыбели большевиков. Здесь сосредоточена львиная доля военной промышленности Советского Союза.

Вы можете и обязаны помочь Германии, своим братьям-немцам.

С этого времени Хелена стала работать на разведку главного управления имперской безопасности (РСХА). Работники НКВД г. Ленинграда летом 1941 года в планшетах пленных летчиков немногих сбитых немецких самолетов всегда находили подробные карты города, с точным указанием месторасположения того или иного учреждения, завода и других объектов. В этом была немалая заслуга водителя грузовика Ленки Боос, знавшей город, как свои пять пальцев. Весной 1941 года Пауль зашел на квартиру Хелены и передал вместе с крупной суммой денег приказ из Берлина:

– Вам, Хелена, надо переехать в Крым. Вы там очень нужны. Фюрер считает, что Крым – это земля готов, наших предков. И скоро он будет немецким. Вы будете в числе первых поселенцев на этой благословенной земле, – возвышенно добавил он.

Объяснив свое увольнение и переезд необходимостью перемен климата для дочери, она с Зоей (с мужем Хелена давно не жила) поселилась в Евпатории. Занималась разведкой наличия военных укреплений и советских войск на Перекопском перешейке, вербовкой агентуры среди татарского населения.

22 июня 1941 года она слушала выступление В. Молотова о вторжении немецких войск в Советский Союз. А 30 октября 1941 года Хелена с радостью приветствовала немецких солдат в Евпатории. И через несколько дней уже работала в Симферополе – Готенбурге, в местном отделении СД (службе безопасности). Необходимо отметить, что СД в Крыму с помощью полиции и местного населения быстро справилась с советским партизанским движением и подпольем. В отличие от Крыма тыл группы армии «Центр», особенно, в районах восточной Беларуси, находился постоянно под ударами партизан и подпольщиков. В Могилеве в 1941–1942 гг. находился штаб СС и полиции тыла группы армий «Центр», которым руководил группенфюрер СС и генерал полиции фон Бах-Зелевски. Несмотря на это в 1942 году подпольщики Могилева провели ряд успешных и громких диверсий против немцев. Летом прямо на ж/д путях у вокзала был взорван эшелон с боеприпасами, в ноябре Валентин Готвальд взорвал школу унтер-офицеров, при этом погиб и начальник школы обер-лейтенант Раше. В декабре 1942 года подпольщики

группы бывшего секретаря парторганизации хлебозавода Михаила Евтехиева заморозили систему водоснабжения завода и сожгли квартиры немецких офицеров в доме по ул. Первомайской. В том же декабре сильный удар был нанесен по самой могилевской СД. Слесарь тюрьмы, подпольщик Василий Варчук освободил из камеры своего товарища по подполью, а затем они вдвоем из тюрьмы выпустили около десятка подпольщиков и партизан. При этом они уничтожили 8 немцев и охранников-полицейских, практически, всю смену тюрьмы. Очевидно, фон Бах-Зеленски поставил вопрос перед Берлином об усилении Могилевского СД. И это было сделано. В Могилев перевели ряд опытных сотрудников службы безопасности РСХА. В их числе и Генриетту (так она себя называла в Могилеве) Боос. В ряде публикаций ее называют переводчицей СД. Вряд ли это была ее официальная штатная должность. Ведь следователям Могилевского СД, а все они были «наши ребята» – Костин, Курочкин, Колтуновец, Семенюк, для работы с арестованными местными подпольщиками и партизанами не нужны были переводчики.

Генриетта Боос являлась кадровой сотрудницей германской спецслужбы и, ей удобнее было именовать себя именно так, т.е. находиться в тени. Удобнее было вербовать агентуру («фауманов»), встречаться с нею на конспиративных квартирах и т.д. В то же время, присутствуя на допросах в качестве якобы переводчицы, она могла активно вмешиваться в их ведение, проявляя при этом личную особую жестокость к тем, кто молчал или не хотел выдавать товарищей. Так было в случае с Ольгой Николаевной и Таней Карпинскими, когда после жестоких пыток они продолжали молчать, – Боос проколола спицей грудь Тани и приказала выбросить ее, бездыханную, во двор. Ее мать Ольга Николаевна была расстреляна в ту же ночь.

С прибытием фрау Генриетты в Могилев была создана и специальная группа по борьбе с подпольем и партизанами, входившая в структуру зондеркоманды СД. Работой этой группы руководили Ганс Кульман и Генриетта Боос. Местная полиция порядка была подчинена и выполняла задания спецгруппы, т.е. Кульмана и Боос. С первых дней пребывания в Могилеве Боос активно занялась розыском и выявлением подпольных организаций. Могилевчане вспоминали, что, «она внешне была неотличима от горожанок своего возраста:

худощава, одевалась просто... была красива, темные волосы, карие глаза, тонкие губы... рабочие руки похожи на руки женщин, выживавших в суровые дни оккупации».

Ее отличали хорошее знание советской довоенной действительности, психологии советской женщины-работницы и результаты не замедлили сказаться. Фрау Генриетта создала многочисленную агентуру, что позволило СД и полиции в 1943 году практически уничтожить городское подполье. Вот пример успешности и оперативности работы спецгруппы под началом Боос и Кульмана. Подпольщики Захарьян и Дервоедов (преподаватель рисования) в декабре 1941 года после победы советских войск под Москвой, нарисовали несколько плакатов и развесили их по городу. В 1942 году плакаты, пропагандирующие победы Красной армии и провал «блицкрига», также помещались ими в людных местах Могилева. Соответствующие немецкие спецслужбы, несмотря на прилагаемые усилия, художников не смогли найти.

20 февраля 1943 года Захарьян и Дервоедов опять нарисовали плакат «Сталинградский концерт». На нем радостный Сталин играл на гармошке «Широка страна моя родная...», а ниже карлик Гитлер, среди крестов играл на балалайке «Последний нонешний денечек...».

Уже 22 февраля 1943 года монтер штаба немецкого резевого пункта Захарьян был арестован, а вслед за ним и Дервоедов. Их жестоко пытал Боос, на спине Захарьяна вырезали звезду, затем казнили.

В марте 1943 года были арестованы диктор городского радио Таня и Ольга Николаевна Карпинские. Затем были разгромлены подпольные группы на железной дороге, в пос. Кирова, на хлебозаводе и др.

Могилевчанка Нина Ястребова, отец которой как подпольщик был арестован, рассказывала, как ее, 11-летнюю, фрау Боос возила на легковой автомашине по городу, угощала конфетами и просила указать тех людей, кто приходил к папе. Она никого не признала.

7 марта 1943 года Казимир Мэттэ, руководитель подпольного «Комитета содействия Красной армии» (КСКА), услышав, что передачи по городскому радио ведет не Таня Карпинская, а другой диктор, сразу с семьей оставил дом на Луполово и ушел в лес.

Лет 20 тому назад в СМИ публиковался ряд материалов, в которых подвергалось сомнению реальность существования данного комитета в оккупированном Могилеве и роль К. Мэттэ, как руководителя могилевского подполья.

Давайте расскажем о Казимире Юльяновиче Мэттэ подробнее, его личность для истории Могилева важна.

Родился он в 1905 году в деревне Боровляны Минского района, в 1931 окончил Ленинградский педагогический институт. В 1933 – преподаватель Польского педтехникума в Минске и аспирант Академии наук БССР. 1934–1936 гг. – арест, суд, лагерь в Новосибирской области. 1936–1941 – учитель СШ-24 г. Могилева. Управлением Наркомата госбезопасности по Могилевской области в июне 1941 года оставлен для подпольной работы в оккупированном Могилеве, псевдоним – Скворцов. В своих воспоминаниях он пишет, что «КСКА к весне 1942 года объединил свыше 40 групп, в которых работали более 400 подпольщиков». Скажу свое мнение: это маловероятно. Руководителя такой крупной организации, то бишь Мэттэ (Скворцова), немцы схватили бы на второй день. А Мэттэ был очень опытным, наученным жизнью, человеком. Он столкнулся с советскими карательными органами еще до войны. Он вел себя в оккупированном Могилеве крайне осторожно, в диверсиях против немцев лично не участвовал, не имел связи и не руководил боевыми группами, в которые входили военнослужащие и молодежь. Но, несомненно, что Казимир Юльянович имел хорошие связи и руководил группами патриотов-учителей и учащихся школ. Сам он пошел работать учителем в семилетнюю школу на Луполово, подал заявление в расовый отдел комендатуры о признании себя «фольксдойче».

В оккупированном Могилеве было очень непросто оставаться «чистеньким». Несомненно, Мэттэ, в той или иной мере, сотрудничал с немецкой властью. Внимательно изучив его воспоминания, я сделал вывод: Мэттэ был лично знаком с Генриеттой Боос. Когда он находился в партизанском отряде и являлся секретарем редакции газеты Могилевского подпольного райкома КПБ (б) «Партизанская правда» из Могилева ему трижды передавали записки с предложением встретиться. Женщина, передававшая эти записки, Мэттэ это сам пишет, была очень похожа на Генриетту Боос. Что она хотела от него? До сих пор остается тайной.

Прибыв в партизанскую зону, Мэттэ, вместе со своим товарищем А. Рословым, ставшим зам. начальника особого отдела военно-оперативной группы при Могилевском райкоме КП(б)Б, написали в отчетах о своей причастности к ряду диверсий против немцев, осуществленных патриотами в Могилеве в 1941–1942 г.г. (Мэтте отлично понимал, что ему необходимо будет отчитываться перед теми, кто его оставил в оккупированном Могилеве о проделанной работе).

И вдруг, осенью 1943 года к партизанам, вместе с семьей, на автомашине, загруженной оружием и продовольствием прибыл следователь СД и спецгруппы по борьбе с партизанами и подпольем Е. Костин. До войны – военнослужащий, слушатель Ленинградской (опять Ленинград!) военной академии. Несомненно, Костин знал очень многое. Допрашивал его А. Рослов. На другой день Костин был убит, якобы возмущенными партизанами.

В 1946 году преподаватель Могилевского пединститута К. Ю. Мэттэ в соответствии с решением военного трибунала был арестован и заключен в тюрьму управления МГБ по Могилевской области. Через 11 месяцев следствие по его делу было прекращено «вследствие недоказанности обвинения».

Коллега Мэттэ по подполью и довоенной работе в СШ-24 Н. А. Орлова была признана виновной в соучастии с СД и осуждена к 10 годам заключения. После отбытия заключения была освобождена и поселилась в Могилеве. Вскоре ее нашли повешенной в собственном доме. То ли сама она покончила с собой, то ли кто-то помог это сделать – осталось тайной.

К. Ю. Мэттэ в 1948 году переехал на родину, работал по 1967 год, до выхода на пенсию директором, завучем Боровлянской СШ Минского района.

Необходимо отметить, что, не смотря на преувеличение своих заслуг в организации подпольной борьбы в Могилеве, К. Ю. Мэттэ заслуживает памяти и уважения могилевчан. Ведь работники могилевских обкомов и горкомов партии и комсомола, оставленные для организации борьбы с захватчиками, вообще не смогли не только организовать эту борьбу, но и даже легализоваться в оккупированном Могилеве. Надо знать это.

Хелена (Генриетта) Боос сумела ускользнуть из Могилева в конце июня 1944 года. Ее зондеркоманда была переведена в город Августов (Польша). Дальше следы этой военной преступницы теряются. Возможно, она спокойно доживала свой век в Западной Германии, возможно, сменив фамилию, вернулась в Крым или Ленинград. Фактически ее никто не разыскивал и не требовал выдачи. Вот такой наш невыдуманный исторический детектив.

Крест Евфросинии Полоцкой

5 июня – День памяти преподобной Евфросинии Полоцкой – небесной покровительницы Беларуси. Именно по ее заказу в середине XII века в Полоцке был изготовлен крест, в котором находились капли крови Иисуса Христа, частица Креста Господнего. Крест Евфросинии Полоцкой – одновременно и памятник древнебелорусской письменности. Короткая надпись на обратной стороне сообщает нам имя автора этой реликвии и то, что он создан для полоцкого храма Святого Спаса.

На рубеже XII–XIII веков крест Евфросинии был вывезен из Полоцка в Смоленск, затем в 1514 г. великий князь Василий III забрал его в Москву. В 1563 г. Иван Грозный возвратил крест в Полоцк, в Спасо-Евфросиниевский монастырь, а затем он хранился в Софийском соборе.

В 1921 г. крест Евфросинии был изъят у церкви и передан в Белорусский государственный музей, в Минск. В 1929 г. перевезен в Могилев, где хранился в местном музее. Могилевский исторический музей размещался тогда в здании бывшего Земельного банка (ныне – художественный музей им. Масленикова), в котором имелась комната-сейф. В этой комнате (спецхранилище) и находился крест Евфросинии и другие особо ценные реликвии.

В 1933 г. музей был перемещен в здание по ул. Ленинской, а в этом здании разместили могилевские окружком, с 1939 – обком КПБ(б). Но комната-сейф с помещенными в ней ценностями осталась в ведении Могилевского исторического музея, персонально его директора.

С началом Великой Отечественной войны в Могилев был перевезен архив ЦК Компартии Беларуси (большевиков), который затем

вместе с архивами Могилевского обкома КПБ (б), НКВД и НКГБ БССР 26 июня 1941 г. , в 23 часа, в спецэшелоне убыл из Могилева на восток. Его охраняли сотрудники НКВД. И очевидно поэтому в документальном фильме, поставленном на белорусском ТВ, мы видим, как в расстегнутых до пупа гимнастерках сотрудники НКВД грузят ящики, в которых якобы ценности Могилевского исторического музея и крест Евфросинии Полоцкой. Но это не соответствует действительности. Начальником спецэшелона был заведующий партархивом ЦК КПБ (б) Ф.О. Попов. В 1955–1960 гг. он работал директором Могилевского педагогического института и последние годы жизни провел в Могилеве. Насколько мне известно, а также в своих документах и воспоминаниях (его личный архив хранится в Национальном архиве Беларуси) он не упоминал, что в спецэшелоне находились музейные ценности, в том числе и крест Евфросинии. Его непростой задачей была эвакуация партдокументов и архивов спецслужб Беларуси. За них он отвечал головой в случае, если бы они попали к немцам. А вот за сохранность и своевременную эвакуацию музея и, в особенности ценностей, хранившихся в комнате-сейфе обкома партии, отвечал директор Могилевского областного исторического музея И.С. Мигулин. Он рассказывал, что в конце июня 1941 г. его зачислили в ополчение. Но ведь он не имел правой руки и являлся руководителем учреждения, таких в ополчение не записывали. Старший научный сотрудник Калининградской археологической экспедиции И.И. Мирончук, занимавшаяся исследованием исчезновения креста Евфросинии Полоцкой в Могилеве в 1975 г., в отчете писала: «Официальные лица (она беседовала с руководителями областных управлений КГБ, УВД) с которыми я встречалась и которые хорошо знакомы с личным делом Мигулина И.С., сходятся на том, что биография (имеется в виду период лета 1941 г.), которую рассказывает Мигулин, очень путаная и противоречивая».

Затем Мигулин со своей большой семьей (жена, двое детей, мать, теща) эвакуировался в г. Пижму Горьковской области. С конца 1943 г. работал лектором Могилевского обкома партии, который находился в Кричеве. Вернулся в Могилев 29 июня 1944 г.

В декабре 1944 г. в «Акт о причиненном ущербе немецко-фашистскими захватчиками Могилевскому областному государ-

ственному историческому музею» включен и крест Евфросинии Полоцкой, оцененный в шесть миллионов рублей. Сумма весьма значительная в то время. Например, разрушенное здание по ул. Ленинской оценено в 256 тыс. рублей. А 1 доллар США равнялся тогда 5 руб. 50 коп. В комиссии, составившей данный акт, первой стоит фамилия Мигулина. Несмотря на это, появились свидетельства, что в исчезновении музейных ценностей виноваты не только немецко-фашистские захватчики... Было проведено расследование. Его результаты в 1949 г. рассмотрели на заседании бюро Могилевского обкома партии. Приняли решение: объявить члену ВКП (б) Мигулину И.С. строгий выговор с занесением в учетную карточку за то, что «имея в 1941 г. под сохранностью большие государственные ценности, бросил их на произвол судьбы и дезертировал в тыл». Мигулина с 4 ноября 1949 г. освободили от работы в обкоме партии и тут же назначили директором Могилевского областного исторического музея(?!). Странное решение: в то время строгий выговор с занесением в учетную карточку был сродни «волчьему билету», а за исключением из партии, как правило, следовал арест. Несомненно, за спиной Мигулина кто-то стоял и поддерживал его сильной и властной рукой. Добавлю, что в те годы инструкторами, лекторами обкома партии работали командиры, комиссары партизанских соединений и бригад, или люди, имевшие заслуги перед Советской властью. В их числе оказался Мигулин! За что?!

Куда ушел крест Евфросинии Полоцкой – на восток или запад? Скорее всего, в июле 1941 г. – на восток. А затем мог оказаться где угодно, в том числе и в фонде Моргана, в США.

Но не думаю, что люди, похитившие крест и другие ценности Могилевского музея, сдали его в музей или какое-либо государственное учреждение в Москве. Не для того они это все организовали.

Во время войны за золото, не говоря о камушках, можно было иметь и хлеб, и к хлебу, а также спокойно жить в советском тылу с «броней» в кармане. Именно в годы войны были накоплены ценности маршалом Жуковым, певицей Руслановой, юным дарованием Галиной Вишневской, получавшей в блокадном Ленинграде спецпак, в который входили шоколад, икра, тушенка и т.д. А за банку

тушенки, например, там можно было выменять кольцо с бриллиантом или что-нибудь равное ему.

А крест Евфросинии Полоцкой все же надо разыскать и вернуть белорусскому народу. И начинать это дело надо в Могилеве – месте его пропажи.

О Сталине и быте в сталинское время

На совести И. Сталина много нарушений законности в период его правления. Но в данном документальном очерке автор взял только одну сторону его жизни: быт, отношение к материальным благам, деньгам. Это характеризует человека чаще более справедливо, чем его слова. Здесь читатель также найдет факты по размерам зарплат, цен в советское время не только в СССР, но и Могилеве.

*И что вы там о нем не говорите,
Как не судите горько, горячо.
Оставил он родным шинель, потертый китель
Да валенки подшитые еще...*

Ф. Чуев

Иосиф Сталин родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, в Грузии в семье Вассариона и Екатерины Джугашвилли. Отец работал сапожником, выпивал и, маленький Сосо не всегда видел на обеденном столе даже хлеб. Правда, значительное место в рационе небогатых грузинских семей составляли овощи и фрукты, которые в достатке на юге. Автору этих строк довелось быть в Гори и видеть небольшой деревянный домик уже, правда, одетый в мрамор, где родился и вырос Иосиф Сталин. Очевидно, что в нем жили бедные люди. Рано ушел из жизни отец. Сосо был способным учеником и после отличного окончания Горийского начального училища его приняли в Тифлисскую духовную семинарию. Спартанский быт учебных заведений данного типа хорошо известен. Более того, бедному семинаристу Джугашвили довелось даже писать прошение ректору о покупке ему зимней одежды за счет семинарии.

После исключения из семинарии Иосиф с декабря 1899 по март 1901 года работал наблюдателем в Тифлисской физической обсерватории. Зарплата составляла 15 рублей в месяц. С 1901 по 1917 годы он находился на нелегальном положении, а большей частью был в тюрьме, ссылке и жил на тюремном рациионе или получал 7 рублей 40 копеек в месяц, как ссыльный. В эти годы он привык к русскому столу: кислым щам, пельменям, квашеной капусте, грибам.

В 1904 г. Иосиф в Гори женился на Екатерине Сванидзе, которая родила в 1908 г. сына Якова, но вскоре жена умерла. В 1913 г. уже И. Сталина (псевдоним ставший фамилией) в очередной раз арестовывают и ссылают в Туруханский край, к Полярному кругу. Жил он в станке Курейка, где было 10 дворов. Здесь у него от 16-летней местной девушки родился в 1917 г. сын Александр, но Сталин об этом не знал, так как в начале 1917 г. уехал в уездное воинское присутствие, для призыва в армию. Для воинской службы он оказался негоден. Но, в эти дни произошла Февральская революция. Временное правительство освободило всех политзаключенных и Сталин уехал в Петроград. Здесь он поселился в квартире рабочего-большевика Аллилуева, на 18-летней дочери которого, Надежде, вскоре женился.

Недавно, в 2016 г., на телеканале НТВ провели встречу с жителем Кузнецка Юрием Александровичем Давыдовым, назвавшим себя внуком Сталина. Проведенный анализ ДНК показал, что он действительно внук Сталина. Его отец – Давыдов Александр Яковлевич, 1917 года рождения, сын вождя народов, вскоре после своего рождения получил свою фамилию и отчество от отчима. Александр Давыдов прошел войну, остался жив и, когда Юрий вырос, он рассказал ему о родстве, но запретил об этом болтать, понимая, что может быть все. Кстати, где-то сразу после войны Сталин, видимо узнав об Александре, приказал генералу МГБ Серову разыскать своего сына из Курейки. Но поиски тогда ничего не дали. Семья Давыдовых очень хорошо затаилась, обстановка в стране была не простая.

С марта 1917 г. Сталин, как работник редакции газеты «Правда», получал небольшую зарплату и гонорары за публикации, которых за тот год было около 60. С октября 1917 г. он занимает пост наркома по делам национальностей в Совнаркоме. Известно, что в то время наркомам Советского правительства была установлена

месячная зарплата в 400 рублей, приравненная к среднему заработку квалифицированного рабочего. Красноармеец получал 50, взводный и ротный командиры соответственно – 300 и 350 рублей. Но, в условиях тогдашней разрухи и Гражданской войны играли роль не деньги, а пайки, государственное обеспечение воинов Красной армии, советско-партийного аппарата и рабочих, инженеров промпредприятий, работников учреждений продуктами питания и предметами быта.

В 1922–1924 гг. была проведена денежная реформа и введены рубли, обеспеченные золотым содержанием. В 1922 г. И. Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). Его месячная зарплата составляла 250 рублей. Но, очевидно, ее не хватало. В президентском архиве России хранятся расписки И. Сталина за 1923–1926 гг. с просьбой выдать аванс – 25, 60, 75 рублей, в счет зарплаты будущего месяца.

Я попытаюсь рассказать и о зарплате других категорий работников в СССР, могилевчан, по архивным данным и воспоминаниям. Тогда будет картина понятней.

Кстати, в 1924 г. месячная ставка преподавателя Могилевского педтехникума была 16 рублей 50 копеек, учащиеся этого учебного заведения получали стипендию в размере 4 рубля 50 копеек. Квалифицированный рабочий в Могилеве в те годы получал 30–60 рублей. 1 кг белого хлеба стоил 6 копеек.

Инфляция, как оказалось, и при социализме никуда не делась, постепенно превращая самую приличную зарплату в неприличную. В 1930 г. 1 кг сахара в нашем городе, как и, в целом в СССР стоил 60 копеек, ботинки мужские – 25–30 рублей. А в 1935 г. сахар уже стоил 4 рубля 50 копеек, ботинки – 100–120 рублей, а 1 кг белого хлеба – 1 рубль 50 копеек. В Могилеве в 1935 г. 1 кг мяса стоил 9, сливочного масла – 20 рублей.

Но, рассказывая о том периоде нашей истории нельзя умолчать о недостатке продуктов, да, просто голоде, особенно городах, в 1930–1933 годов. Так, согласно «Сведениям о рабочем обеспечении в июне-июле 1930 г.» в Могилеве производился отпуск рабочему: хлеба 700 г. в день, сахара и круп соответственно – 700 г. и 1,5 кг в месяц; детям и служащим: хлеба – 300 г. в день, круп по 1 кг в месяц, сахара соответственно 500 и 400 г. в месяц.

Мой отец в те годы учился в Могилевском педтехникуме и, он рассказывал, что на ужин выдавали две конфеты «подушечки» и стакан чая. Конечно, что такое для 17-летнего парня 300 г. хлеба! Помогали таким как он, круглым сиротам, хозяйки-еврейки окрестных частных домов – педтехникум находился в здании нынешнего областного лицея №1.

В 1935 г. зарплата генсека Сталина была повышена в 2 раза и составляла 500 рублей, а с 1936 г. – 1200 рублей. Из этого заработка он исправно платил налоги, а также 6 рублей 75 копеек партвзносов. Средняя зарплата в СССР в 1928 году составляла 58 рублей 60 копеек, в 1931 году – 96 рублей, в 1934 году – 154 рубля 80 копеек, в 1936 г. – 221 рубль.

Квалифицированный рабочий в эти годы в Могилеве зарабатывал 150 – 300 рублей. Председатель Могилевского горсовета в 1935 г. получал 300 – 400 рублей в месяц. В 1934 г. могилевчане хранили в сберкассах – 2 483 тыс., в 1939 г. – 10 235 тыс. рублей.

Перед войной, в 1939–1941 гг., у председателя Могилевского горисполкома Астрова должностной месячный оклад составлял – 1100, заместителя председателя Тузова – 900, заведующего отделом местной промышленности Куксевича – 800, заведующего отделом торговли Липовского – 600, инструктора Кузьминской – 275, шофера Белянца – 250, уборщицы горисполкома Погуляевой – 100 рублей. В горисполкоме был один служебный легковой автомобиль марки ГАЗ-А. В начале войны работники горисполкома последний раз получили зарплату 27 июня 1941 года. Учителя перед войной получали, в зависимости от образования и стажа, в месяц – 600–800 рублей, рабочие промышленных предприятий, особенно стахановцы, в 1, 5 раза больше учителей, инженеры в 2 раза. У студентов ВУЗов стипендия была 150 рублей.

Перед войной, в 1939–1941 гг. буханка ржаного хлеба стоила 90 копеек, 1 кг сахара – 4,5, электрическая лампочка стоила 1, этажерка – 22, сапоги – 89, босоножки – 14, кровать никелированная – 196, костюм 75–100 рублей, бутылка водки – 3 руб.40 копеек.

В годы Великой Отечественной войны цены и заработная плата были «заморожены», но система торговли отпускала продукты и товары по гос. ценам только по карточкам. Рыночные цены в

несколько раз, иногда на порядок превышали государственные. Так, бутылка водки на «черном рынке» стоила – 700–800, 10 яиц – 100 рублей и т.д.

Государственные цены на продукты и товары в годы войны были следующие: 1 кг говядины – 12, сыра – 29, конфет шоколадных – 20, хлеба ржаного – 1, пшеничного – 1,7, бутылка водки – 11, 5 рублей.

С 1938 года под квартиру Сталина отвели довольно значительные апартаменты в Кремле, но там жили его дети, под присмотром прислуги. Прислуга входила в штаты НКВД и имела специальные звания.

После смерти жены И.Сталин жил один и обеспечивался из бюджетных ассигнований по линии службы охраны, входившей в штаты НКВД, а затем МГБ. Дочь Сталина, Светлана, в книге воспоминаний писала, что однажды она была в кремлевском кабинете отца (ей довелось там быть всего 2–3 раза) и увидела на углу большого письменного стола стопку денег в нераспечатанных банковских упаковках. Он взял несколько пачек и дал ей. Она писала, что сумма была небольшой. И. Сталин не знал цен на товары ширпотреба, так как не покупал их. Он жил на полном государственном обеспечении. Тем не менее, ему выплачивалась и зарплата. С 1945 г. она составляла 2000 рублей. В 1947 г. зарплату генсека подняли и, он получал 10 тыс. рублей в месяц.

Рядовой солдат имел месячную зарплату в размере 8,5 рублей, как и до войны. Но, военнослужащим действующей армии выплачивались «полевые», установленные в размере 100 процентов для тех, у кого оклад составлял менее 40 рублей. Например, рядовой снайпер имел зарплату 25–30 рублей. Офицеры получали 25 процентную надбавку к окладу. Командир взвода имел должностной оклад в размере 625 рублей, роты – 750, комполка – 1600, дивизии – 1800, корпуса – 2000. Командующие армиями и фронтами 3000–4000 рублей. Плюс дополнительные выплаты за ордена, медали, службу в отдаленных районах и др. Например, командующий Северным флотом адмирал Головкин получал в месяц 6050 рублей, так как ему выплачивалась и доплата за службу на Севере.

В войну, в гвардейских частях рядовые и сержанты получали двойные оклады, а офицеры – полторные. Танкисты получали зарплату чуть повыше, чем в стрелковых частях. Летчики в соответствии со званием и выслугой, но также больше, чем в пехоте. Партизанам также начислялась заработная плата. Так, командирам и комиссарам отрядов полагалось по 750, взводов и рот 500 рублей в месяц, другим в размере зарплаты военнослужащего равного ранга. Партизаны денежные выплаты получили после соединения с Советской армией.

За подбитый немецкий танк выплачивалась премия – 1000 рублей, за сбитый самолет-истребитель также 1000 рублей, за бомбардировщик – 1500, а с 1942 г. – 2000 рублей. Командир подлодки, уничтоживший вражеский транспорт получал 10 000 премиальных, члены экипажа соответствующие выплаты, но значительно ниже. Иногда, особенно выдающимся летчикам, морякам, танкистам дарили легковые автомашины. Так, мне рассказывал Герой Советского Союза Борис Ковзан, что в 1943 г., после 4-го тарана и полученного при этом тяжелого ранения, ему правительство подарило легковую автомашину, американского производства. Но он был командиром звена, машина ему по штату была не положена, отлучаться с аэродрома нельзя. Вот, он с друзьями, летчиками, ребятами 20–25 лет, всем гуртом раскатывали на ней по аэродрому, пока во что-то не врезались и бросили ее при перебазировании.

Надо упомянуть о том, как официально обеспечивались наши военнопленные у немцев. Так, командование вермахта 6 августа 1941 г. установило для советских военнопленных следующие нормы питания: на месяц – 6 кг хлеба, 400 г. мяса (конины), 600 г. сахара. Но, хлеб был с опилками, а сахар никто и не думал им выдавать.

Для сравнения, в немецком плену американские военнослужащие получали: 230 г. хлеба в день, 500 г. картофеля, 15 г. маргарина, 20 г. мяса, 20 г. мармелада, 2 кружки эрзац-кофе. Кроме того, они имели право на посылки Красного Креста и др.

Наркомы имели месячные оклады в размере 3500 рублей, конечно, были иногда премии, но ими тогда не увлекались. Директора заводов получали по 3–3,5 тысячи, инженеры 1 – 1,5 тысячи, рабочие от 400 до 1000 рублей.

В 1952 г. в ходе ревизии службы охраны Сталина (которая занималась и его обеспечением) были вскрыты злоупотребления. Так, начальник охраны генерал Н.С. Власик (кстати, белорус), в 1945 г. 12 раз летал на самолете в Берлин за трофеями, а также, например, в его ведовстве было списано 400 презервативов. Понятно, что это все не для Сталина делалось. Власик был снят с должности, а несколько позднее осужден.

В семейной жизни И. Сталин был несчастен. Умерла первая жена, грузинка, застрелилась вторая – Надежда Алилуева. Погиб в плену Яков, Василий пил и, он, снял его с должности командующего ВВС Московского военного округа. О рождении в Курейке сына он не знал, только какие-то сведения о нем у него появились в конце жизни. Замужества Светланы и ее поведение его не радовали, а раздражали. Он прекрасно знал, кто и с какой целью на ней женился. Поэтому она и была удалена с кремлевской квартиры. До ее предательства он не дожил, но, несомненно, он чувствовал ее настроение.

Светлана после бегства на Запад, где-то в 1960-х гг. искала в Швейцарии сталинские миллионы. Не нашла! Недавно вышел фильм «Светлана». Несомненно, это попытка обелить ее.

А. Н. Шелепин, в 1953 г. член комиссии по учету личного имущества И. Сталина писал в своих воспоминаниях: «После смерти Сталина, оказалось, что эта работа краткая и простая. Не было никаких ценностей, кроме казенного пианино. На стенах висели бумажные репродукции в деревянных рамках. В зале висела фотография В. И. Ленина и И. В. Сталина, сделанная в сентябре 1922 г. в Горках. На полу два ковра. Спал генсек под солдатским одеялом. Кроме маршальского мундира пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и сельский кожушок». Можно добавить, что на сберкнижке у него хранилось еще 900 рублей. Вот и все.

Теперь некоторые интеллектуалы не могут понять, почему сегодня у Сталина высокий рейтинг по результатам опросов у народа? Он ничего не делал лично для себя и своих родственников, как это принято сегодня у нас. Вот вам и ответ. А добавьте к этому, что современная элита многократно наглее ведет себя, чем советская.

У. Черчилль, после Сталинградской битвы в 1943 г. сказал: «Огромные достижения храбрых войск наших русских союзников под верховным командованием Сталина, великого полководца, имя которого будет жить в веках и будет самым любимым в истории русского народа».

Ошибся, не знал Черчилль нашего народа, он судил по своему!

О некоторых деталях быта писателя К. Симонова и советских артистов в годы войны

В 1943 г. один из членов Союза писателей СССР написал письмо в Прокуратуру страны, в котором он сообщал следующее: «... При клубе Союза писателей имеется столовая. Несмотря на всю тяжесть военного времени, наше правительство все же выделяет особые повышенные фонды для питания писателей и драматургов, людей, призванных создать отечественную литературу... Ревизионная комиссия ССП произвела проверку столовой и обнаружила, что ряд товарищей остался должен ресторану некоторые денежные суммы».

Как оказалось, писатели задолжали столовой 200 тысяч рублей. Особо дефицитные продукты выдавались «лишь избранным», а «эти избранные умудрялись, получив эти продукты, за них даже не заплатить». Например, из 200 тысяч задолженности – 74 тысячи 702 рубля задолжал столовой писатель К. Симонов. Его задолженность «состоялась из сумм, выданных из кассы буфета и отпущенных Симонову обедов, вина и водки. Выяснилось, что Симонов поручал сотруднику столовой Шапкину покупать на рынке для его продукты, вещи для своей квартиры. Шапкин не получал от Симонова для этого деньги, а брал их из кассы буфета. Таким образом, и образовался этот долг, который при проверке был погашен Симоновым в марте 1943 г.»

К. Симонов уплатил свой долг и на этом поставили точку. Он был известный человек в годы войны и, его творчество ценил И. Сталин. Это знал каждый! И я ничуть не хочу как-то очернить его. За одно стихотворение «Ты помнишь Алеша, дороги Смоленщины» он заслуживает нашего уважения. А как много он сделал для Могилева!

Еще больше всех писателей вместе взятых погрели руки кладовщик столовой Рябухин, взявший из кассы под этот расклад 182 459 рублей и заведующий столовой Чернышов. Последний, показал на следствии, что на вырученные от взятой в столовой безвозмездно водки, он, купил дачу под Москвой.

Не бедствовали и известные артисты в годы войны. Вот, что писалось в то время в одном из документов, причем только по результатам проверки деятельности одной Ивановской облфилармонии: «Джазу Шульженко (теперь по ТВ нам сообщают, что джаза в СССР практически не существовало, что артисты этого жанра находились, в основном, в «местах не столь отдаленных» или в лучшем случае бедствовали, а в действительности же – даже в жестокую и страшную войну работало несколько джазовых коллективов), за проведенные в июне 1944 г. 6 концертов уплачено 108 тыс. рублей, тогда как по государственной ставке за 6 концертов он должен был получить 54 тыс. рублей. Артистка Изабелла Юрьева за 12 проведенных концертов должна получить 35 294 рубля, а ей уплачено 109 773 рубля».

«За 5 дней с 23 по 27 июня 1944 г. Ивановская областная филармония провела 10 концертов с участием народного артиста Козловского... За каждое концертное выступление коллективу филармония платила по 27 тыс. рублей, в том числе Козловскому – по 17 тысяч, тогда как по государственной ставке он должен получать максимум 1575 рублей за один концерт. Соответственно переполучили и другие артисты, участвующие в концерте».

Для сравнения проинформирую читателя: рядовой солдат, потерявший руки или ноги на фронте, и ставший инвалидом 1-ой группы, получал в месяц 3/4 своего оклада, около 10–15 рублей, лейтенант, командир взвода – около 400 рублей.

И еще строки из документов тех лет: «Приезжающие на гастролы артисты из театров г. Москвы получают в большом количестве талоны на промышленные товары, которые предназначены для выдачи трудящимся города Иваново... Артисту Б. Чиркову (кстати, Чирков являлся родственником В. М. Молотова и, в те годы бывал иногда в его доме, после 1957 года, когда Молотов был снят с высокого государственного поста не навестил его ни разу) выдано

14 талонов на 75 метров ткани, И. Юрьевой – 8 талонов на 50 метров, С. Лемешеву – 25 талонов на 150 метров, И. Козловскому – 32 талона на 180 метров хлопчатобумажной и 9 метров шелковой ткани и т.д.». Естественно, столько тканей этим артистам не было нужно, они еще и в Москве получали талоны на них. Значит, излишки перепродавались уже по рыночным ценам, на вырученные деньги приобретались драгоценности, ювелирные изделия, например и т.д. И надо ли сегодня нам верить мемуарам, ТВ передачам о жестокости НКВД, МГБ арестовавшим «ни за что» того или иного артиста или артистку, певицу. Кстати, никто из вышеперечисленных артистов никакого наказания не понес.

Я ничуть не хочу, чтобы кто-то допустил мысль о моем неуважении к артистам, работникам культуры. На мой взгляд, профессия не определяет характер, человеческую порядочность, совесть. Были разные люди, как и теперь, так и тогда, со своими недостатками, порочностью, а на другом полюсе – благородные, помогавшие другим в их беде и горе. Короче: какие люди, такое и НКВД.

Была и в нашем Могилеве в военные и первые послевоенные годы несправедливость в распределении товаров, продуктов. Так, заведующий горпромотделом Юрковец сам себе выдал талоны и приобрел по госрасценкам, естественно, 10 литров водки, кожаную куртку, костюм, пальто, а жителям города (профессии не указаны) Плоткину выдал 32 талона, Агееву – 22. Вы думаете, он был арестован и осужден «страшными» сталинскими карательными органами? Отнюдь. Областная газета «За Радзіму» пожурила ну, и выговор по партийной линии получил, возможно.

О комсомоле, о товарищах, о себе (К 100-летию ВЛКСМ)

29 октября 2018 г. исполнилось 100 лет со дня образования комсомола.

Этот исторический экскурс в свою комсомольскую биографию я написал после прочтения интервью бывших комсомольских работников и членов ВЛКСМ, опубликованных в могилевской печати. Если угодно – это мое интервью.

16 лет, с 1965 по 1981 гг. я состоял в комсомоле, в том числе на протяжении 10 из них являлся освобожденным комсомольским работником.

Вступал я в ВЛКСМ в июне 1965 г. в Воложинском райкоме комсомола Минской области. Райком располагался в небольшом деревянном домике в центре городка, расположенного в полусотне км от Минска. Нас было 14 недавних семиклассников, переведенных в 8-ой класс Новоселковской восьмилетней школы. Хотелось бы вспомнить всех, так как мы сидели за партами: Лиля Кузьмич, Стася Клочко и Лена Рогачевич, Лена Юройць и Лида Гордынец, Володя Можейко и Иван Кавецкий, Чеська Михалцевич и Володя Рубан, я и Витя Пупа, Виктор Заря и Виталий Райский, Феликс Станюкевич. Большинству из нас исполнилось в те дни 14 лет и, мы, согласно Устава ВЛКСМ, могли быть приняты в эту организацию, чтобы состоять в «передовом отряде советской молодежи». Привез нас в Воложин учитель математики и физики, наш классный руководитель Николай Захарович Марецкий, в годы войны юношей воевавший в партизанском отряде, а затем тяжело раненный на фронте.

Наши анкеты были просмотрены работником райкома и вызвали только одно возражение – Лидочке Гордынец и мне не исполнилось еще 14 лет. Но у меня день рождения был через три недели, а у Лиды эта дата была в октябре месяце и, первый секретарь, невысокий симпатичный брюнет возразил против ее приема в ВЛКСМ. Но, Лидочка, не растерялась, тут же заплакала, и, вопрос был решен положительно. Сразу же, в тот день нам выдали и комсомольские билеты. Колхозная автомашина довезла нас до Вишнева, центра колхоза, а в свою деревню Новоселки мы уже шли пешком, а это 5 км. А Лена Рогачевич и Стася Клочко жили в деревне Мильковщина, а это еще пару километров. Так получилось, что некоторую часть пути я шел рядом с Николаем Захаровичем. Справа от дороги росла высокая рожь, слева – шел высокий пригорок, в котором были вырыты глубокие ниши, из которых доставали глину. Он неожиданно спросил:

– Вот если вражеские самолеты слева налетят, куда будешь прятаться?

Я тут же нашелся: – В жита.

– А вот и не верно, в жите сверху человек виден как на ладони, а спрятаться от обстрела с самолета лучше всего в этих нишах.

В свою очередь я рассказал ему о действиях летчиков в годы войны, преимуществах полетов парой и др. Все это я почерпнул из недавно прочитанной книги «Люди бессмертного подвига», рассказывающей о летчиках, дважды героях Советского Союза. У Николая Захаровича это вызвало удивление. Конечно он книг о войне не читал, она ему еще тогда надоела.

Секретаря комсомольской организации избирали 1 сентября. Николай Захарович, сделав пару объявлений, в связи с началом нового учебного года, сказал: – Нам надо избрать секретаря комсомольской организации.

Естественно класс сидел тихо, не очень понимая, что надо делать в этом случае. Классный продолжил: – Ну, кого выберем комсоргом?

И протянул в мою сторону руку, но, не называл меня. И тут кто-то догадался и неуверенно сказал: – Ми-и-шу.

Не знаю, почему Николай Захарович не назвал мое имя, то ли из нежелания нарушать комсомольскую демократию, сам он не был коммунистом, то ли зная нелюбовь директора школы к моему отцу, учителю начальных классов нашей школы и, тем самым не хотел вызывать раздражения у начальства.

Таким образом, в школе была образована комсомольская организация, а я, стал ее секретарем. Комсомольские взносы взимались в размере 2 копеек. Я должен был ежемесячно (сумма составляла 28 копеек: цена двух буханок хлеба) по платежной ведомости сдавать их на почте в Вишневе, которая перечисляла их на счет райкома комсомола. Поход на почту в январе, феврале, марте был непростым: мы жили на хуторе и около километра надо было идти по непротопанному снегу. Эти походы совершались мной после занятий.

В 1966 г. я поступил учиться в Могилевский политехникум, секретарем комитета комсомола был Леонид, невысокого роста парень, быстрый, как ртуть, к сожалению, я не помню его фамилию. Комсоргом учебной группы была Валя Волкова, а затем Надя Рыжкова. Дружил я в техникуме с Вовой Поповым. Группа полностью была комсомольской.

В армии, а служил я в городе Н-Борисов, в полку связи, меня избрали группкомсоргом взвода и редактором боевого листка, который выпускался по субботам. Командиром нашего взвода был лейтенант Туманов, тоже комсомолец. На комсомольских собраниях обсуждались вопросы хода боевой учебы, итоги проведенных учений, задачи по выполнению решений ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. В октябре 1971 г., после увольнения в запас секретаря комсомольской организации нашей отдельной роты Николая Мацуля, меня избрали на его место. Года два назад я случайно встретил Эдика Рандицкого, мы вместе служили в нашей 7-ой роте. Он сразу воскликнул: – А, комсорг, привет! Конечно, мне было приятно: и через 40 лет он помнил, что я был комсоргом.

Наша отдельная рота отдельного полка связи была предназначена для обеспечения связью командующего и начальника штаба 7 танковой армией генералов Ахромеева и Сергеева. Да, именно это тот Ахромеев, который затем в перестройку являлся начальником Генштаба, маршалом Советского Союза. В основном, из солдат и сержантов нашей роты комплектовались смены на армейский узел связи, который круглосуточно поддерживал связь со штабом округа в Минске и Генштабом в Москве. Рота комплектовалась, в основном, из русских, украинцев и белорусов, имевших среднее образование. Но, были и представители других народов СССР. С уроженцем Узбекской ССР Хаджиевым, окончившим Бухарское медучилище, у меня были дружеские отношения. Кстати, увольнялись мы с ним в один день, вместе теплым майским вечером шли на вокзал. Выйдя из ворот части, он не смог удержать слез, от радости, что, наконец, будет дома, в родном совхозе «Пахтакор». Ведь за два года службы ему ни разу не предоставили отпуска.

Среди водителей автомашин связи нашей роты довольно значительный процент составляли представители других, неславянских народов СССР. Хотелось вспомнить осетина Сугарова, кристальной чистоты парня. В роте служили три литовца, один из них Юркявичус, замечательный, доброжелательный парень, но, один из литовцев был злобствующий, явно настроенный антисоветски. Старшиной роты был старшина сверхсрочной службы Малога, кажется украинец или молдаванин. Его обязанности в случае отсутствия выполнял

Комсомольцы нашей роты на учениях. Справа сидит рядовой Сугаров, 2 ряд: первый справа – сержант Рыськов, рядом с ним рядовой Матвиец, сверху: первый слева – сержант Прохорчик, фото 1971 г.

старшина срочной службы, уроженец города Мукачева. Каптерщиком был молдаванин. Конечно, в наряды они практически не ходили.

Секретарем комитета комсомола полка был старший лейтенант Фролов, на мой взгляд, образец армейского комсомольского работника – честно, без нытья тянувший ляжку нелегкой службы, умевший найти хорошее слово для солдата, ободрить его, если надо поддержать, не злоупотреблявший своим офицерским рангом. Хочется хорошим словом вспомнить замполита роты лейтенанта Белюсева, ротных – старших лейтенантов Воробья и Шлягу, секретаря парткома и замполита полка подполковников Кунцевича и Тагай.

Уволился я из армии майским теплым вечером. В 4 утра следующего дня я шел со станции домой. У родителей в эти дни гостили почти все родственники, жившие и работавшие в Могилеве. На следующий день поехал в Воложин, для постановки на воинский учет. Зашел и в райком партии, так как в части проинструктировали, что необходимо стать на партучет немедленно. Попал как раз в обеденный перерыв и, присев на стулья в коридоре, решил подождать. Из одной из дверей вышел мужчина лет 40, высокий, представительный и проходя неожиданно обратился ко мне:

– А, ты, что здесь делаешь? Я ответил.

– Подем-ка, со мной.

Мы прошли по коридору, и вошли в кабинет, на котором висела табличка: «Первый секретарь РК КПБ Щелкин». Пригласил меня присесть к приставному столику, а сам сел за большой стол и сказал:

– Покажи документы.

Я протянул ему военный билет и кандидатскую карточку КПСС. Внимательно просмотрев документы, он спросил о службе, где живут родители и кем работают. Я кратко рассказал.

– Все ясно. Давай сделаем так: отдыхай недельку – другую, а затем заходи прямо ко мне. У нас, в райкоме комсомола, завоорг идет на учебу в ВПШ, а ты пойдешь на его место. До августа месяца будешь числиться инструктором райкома ДОСААФ, чтобы иметь зарплату, общежитие дадим, договорились?

– Так точно, товарищ первый секретарь! Но, ... у меня с войсковой части направление на рабфак университета, после окончания которого, меня без экзаменов зачислят на первый курс.

– Не бойся, захочешь, будешь учиться, мы дадим направление. Все понял?

Он поднялся из-за стола и протянул мне руку.

Где-то лет через восемь, Анна Григорьевна Лобан, зав. финхозделом Могилевского обкома комсомола, дала мне горящую путевку в Сочи, до этого я два года не был в отпуске. Там я познакомился с коллегой из Минского обкома комсомола, его звали Петром. Загорали вместе, пили вино, говорили о работе, начальстве, о погибшем в Афганистане нашем коллеге из Витебска, Николае. И вдруг в каком-то из разговоров он назвал фамилию Щелкина. Я спросил: – А это не тот Щелкин, который работал в Воложине? Он подтвердил. Я рассказал ему о моей встрече с ним и его предложении мне. Петя ответил: – Дурак! Щелкин всех своих и сейчас поддерживает, многих перетянул в Минск, помог с жильем. Оказывается, в это время он уже работал заведующим отделом административных органов Минского обкома партии.

Приехав домой, об этой встрече в райкоме партии я рассказал родственникам. Один из них, недавний комсомольский работник, работавший в парткоме крупной стройки, сказал: – Надо тебе эта

деревня! Поедем в Могилев, будешь работать секретарем комитета комсомола своего техникума и, поступить учиться поможем.

Другой мой родственник, работник горкома комсомола, попытался что-то возразить, что мол нельзя в одном городе работать нескольким родственникам в одной системе. Но, старший выразитель-но взглянул на него и тот замолк, не закончив фразы. На протяжении двух лет в окружной газете «Во славу Родины» я читал очерки, видел фотографии отцов и дедов, участников Гражданской, Великой Отечественной войн, и их сыновей или внуков, служивших в войсках округа теперь, иногда в одной части и, это приветствовалося. А вот работать в комсомоле или на партийной работе родственникам, тем более в одном городе тогда не поощрялось. Я конечно этого не знал тогда. Родственники приехали в деревню на легковой автомашине и уезжали назавтра утром. Упрекали они меня и за то, что, будучи осенью в краткосрочном отпуске я, не приехал в Могилев их навестить. Мать заметила: – Вы, детки, собирайтесь вместе.

Утром я вместе с ними укатил в Могилев. А здесь все закрутилось как в калейдоскопе. В течение нескольких дней я был оформлен на работу секретарем комитета комсомола среднего профтехучилища №4, а также сдал документы для поступления на заочное отделение истфака Могилевского пединститута. Экзамены сдал успешно и набрал необходимое количество баллов. Работал я в учебном заведении и проходил по категории педагогических работников, однако не был зачислен. Меня зачислили в институт только приказом Министра высшего и среднего специального образования Мешкова, как набравшего необходимое количество баллов. Помог в этом наш земляк Руслан Машковский, работавший тогда в ЦК ЛКСМБ. На одном курсе со мной учились: директор Быховского районного дома культуры, кладовщица одного из городских профтехучилищ, несколько офицеров-политработников и сверхсрочников, даже механик гаража областного управления КГБ, были дети и преподаватели этого ВУЗа и т.д. Никакая власть не может изменить коррупционной составляющей нашего общества и, иногда, это выше законов.

Забегая вперед, расскажу как во время сдачи одного из госэкзаменов, я в это время готовился к ответу, мне довелось слышать ответ своей сокурсницы, зав. детским садом. Она что-то говорила и,

явно не по теме, тогда один из членов комиссии задал вопрос, который бросался обычно, как спасательный круг: – В каком году была Великая Октябрьская социалистическая революция? Выпускница истфака долго что-то гадала, но так и не дала достоверного ответа. Ей поставили тройку и вручили диплом. Истфак на заочном считался «легким» для обучения и туда стремились те, кто не мог окончить другие «тяжелые» факультеты ВУЗов.

Первые три пятерки за пять лет учебы я впервые получил на госэкзаменах, на сессионных и курсовых – обычно тройка, пару раз поставили четверку. Хотя, как правило, ответ был по существу и его преподаватель прерывал. Госэкзамен по научному коммунизму принимала Ирина Ивановна Серова, профессор, доктор философских наук, она мне и поставила первую пятерку. В период учебы она читала лекции, кстати, замечательные, с рассказом недостатков и упущений в современной политической жизни, а экзаменов и зачетов она не принимала. На экзамене по истории СССР член госкомиссии, зам. предоблсполкома В.А. Дайнеко, удовлетворенный моим ответом, сказал:

– Ну, это же наш работник!

На следующем экзамене, по педагогике, мне тут же отомстили. Преподаватель по этому предмету К., прервав мой ответ, стал задавать разные вопросы, не дослушав, он перебивал и уводил разговор в другую сторону. Поставив мне тройку, он с удовлетворением сказал Дайнеко:

– В педагогике ваш работник слабоват.

Первым секретарем Октябрьского райкома комсомола был недавний инженер комбината синтволокна Валерий Шевченко: невысокого роста, лет 28, с ровным характером и уважительным отношением к людям. Освобожденные комсомольские работники состояли в штате райкома комсомола и там получали зарплату: у секретаря комитета комсомола ПТУ она была 90 рублей, с учетом вычетов на руки получалось рублей 75. Это была очень низкая зарплата, поэтому среди этой категории комсомольских работников было много вакансий. Ведь безработицы тогда не было, наоборот, практически все предприятия приглашали на работу наперебой и, зарплата там была выше в 1,5 – 2 раза.

Вскоре я познакомился с коллегой из соседнего ПТУ-54 Михаилом Кашпуром, он справедливо считался одним из лучших комсоров

профтехучилищ города. Летом я, по армейской привычке, работал практически полный рабочий день, хотя в большинстве своем коллеги, комсомольские работники учебных заведений, немножко уменьшали свой трудовой задор в каникулярное время. Большой проблемой в те годы в комсомольских организациях ПТУ были выбывшие без снятия с учета. Выпускники разъезжались по всему Советскому Союзу и, часто не снимались с комсомольского учета. Ведь несоюзная молодежь не несла дополнительный налог – не платила комсомольских взносов. Лето я потратил на розыск выбывших и, лично предупреждал каждого из вновь поступающих о необходимости сняться с учета в своем райкоме комсомола и, приезжать в Могилев с билетом и учетной карточкой. В этом я пример взял все с того же Миши Кашпура.

Через год меня, по инициативе родственника, работавшего в парткоме стройки, перевели комсоргом одного из стройуправлений. При собеседовании в обкоме комсомола его работники стали высказываться против моего ухода из профтехучилища. Первым возразил зав. сектором профтехобразования Бацуков, а также зам. заворга Мельник. Они стали задавать разные каверзные вопросы и записали в листок для собеседования свои возражения. Я не возражал им и, особенно желая уходить из ПТУ-4 у меня не было. Но горком комсомола настоял на моем переводе на стройку. Большой проблемой в СУ был сбор комсомольских взносов: каменщики, ребята 25–28 лет, как правило, женатые, получали по 200–300 в месяц и платить 3–5 рублей комсомольских взносов не очень-то желали. Приходилось и уговаривать и стыдить, было пару случаев, когда дело доходило до мата. Мне тогда доводилось не раз слышать – ты должен собирать взносы ежемесячно в размере своей зарплаты. И собирали. Хочется добрым словом вспомнить своих товарищей, комсомольцев СУ-58 Володю Митрофанова, Виталия Рыжкова, Франца Галабурду.

Через год секретарь комитета комсомола треста Иван С. сменил начальника отдела труда и зарплаты. Зам. секретаря комитета комсомола по идеологии треста Геннадий Лынюк был назначен секретарем, а я на его место. Быстрая смена и выдвижение комсомольских кадров в то время было обычным явлением, тем более в первичных организациях. Комитет комсомола треста имел права райкома,

т.е. осуществлял прием в комсомол, снимал и ставил на учет, хранил карточки, выдавал комсомольские документы. В штате было пять работников: секретарь, заместитель, два начальника Всесоюзных ударных строек КШТ и Лавсана (один состоял в штате отдела главного механика) и зав. сектором учета. Гена Лынюк был умным и гибким работником, умеющий руководить без нажима, спокойно и вдумчиво. Добросовестными и исполнительными были секретари цеховых комсомольских организаций: Людмила Шамиго, являвшаяся членом ЦК комсомола Беларуси, Михаил Царев, Владимир Кулешов, Людмила Грузакова, Александр Горбацкий, Женя Рябцев, Гена Карпов, Валя Михалева, Борис Юхневич и др. Поэтому работали, в основном, дружно и успешно. Мне даже удалось организовать и провести 1-ый трестовский туристический слет по местам боевой и трудовой славы. Однажды меня вызвал в райком комсомола первый секретарь Александр Козырь и предложил перейти в райком заворгом. Я сообщил об этом своему родственнику, тем более, что он работал в парткоме и, я обязан был так сделать. Он мне дал совет не идти, и я отказался от предложения перейти в райком комсомола.

Одним из трудных вопросов нашей работы – был прием в комсомол. Часть молодежи, в особенности рабочая, не хотела идти в организацию. Кроме того, не комсомольцев было немного, ведь почти 100-процентный охват в комсомольские ряды осуществлялся еще в школе и, все же от нас ежемесячно требовали принять 5–6 молодых рабочих. И тогда в ежемесячном отчете в вышестоящие комитеты нужная цифра просто «рисовалась». Так нам в тресте от предыдущего секретаря остались в наследство десяток или полтора таких фиктивных комсомольцев, которых нам надо было еще принять. Вдобавок он взял зав. сектором учета Наташу, свою родственницу, а она не умела печатать на пишущей машинке. Поэтому у нас образовалась более, чем за год задолженность по печатанию и сдаче протоколов.

Неожиданно из треста написали «телегу» в вышестоящие органы на секретаря парткома треста Н.К. Давидовича и, на его место был назначен мой родственник. Заместителем секретаря парткома назначили начальника отдела труда и зарплаты, бывшего секретаря комитета комсомола Ивана С. Лынюка перевели в партком

(он состоял на должности инженера-программиста ИВЦ треста), а мне довелось исполнять его обязанности три месяца, естественно оставаясь в качестве заместителя секретаря. Готовил, выступал с докладом, организовывал и проводил я и, трестовскую отчетно-выборную комсомольскую конференцию. На организационном заседании комитета комсомола после конференции Людмила Шамиго предложила избрать меня секретарем комитета. Несомненно, ее бы поддержало большинство. Но, я выступил и сказал, что мне предложено работать в райкоме заворгом и, попросил их меня не избирать. Секретарем комитета комсомола был избран Александр Головкин, симпатичный парень, выпускник машиностроительного института, недавно отслуживший в армии. Таким образом, с третьего захода я стал заведующим отделом комсомольских организаций Октябрьского РК ЛКСМБ гор. Могилева. Судьба...

И еще о паре нюансов. Месяца два после перехода в райком комсомола партком треста не снимал меня с партучета, обосновывая, что я должен подготовить и напечатать протоколы заседаний комитета комсомола за последние года полтора, хотя это было обязанностью секретаря и зав. сектором учета комитета комсомола, как я упоминал выше. Я попробовал по телефону договориться с парткомом треста по этому делу по-доброму, но ничего из этого не вышло. Тогда я после разговора с секретарем первичной парторганизации РК КПБ Николаем Трепашко и его внушения, поехал в партком треста, где, как теперь выражаются поговорил «по-крутому». После этого я был снят с партучета в тресте.

Примерно в это же время меня пригласил к себе Н. Трепашко, у него присутствовал и А. Козырь, работавший в это время заворгом райкома партии. Николай Иванович высказал мне претензию в том, что я плачу партийные взносы не с полного заработка. Это делалось им в вежливой форме, он вообще-то был тактичный человек. Однако это грозило мне партийным взысканием или другими неприятностями. А произошло следующее:

После отчетно-выборной комсомольской конференции треста был проведен и неофициальный ужин. Так было принято. Организатором его, как и самой конференции, конечно, был я. Для этого мне, еще 2–3 членам комитета комсомола была выписана премия рублей

по 30. Конференция проходила 30 сентября, а 1 октября я уже вышел на работу в райком комсомола. Потратил я на ужин не только премию, но и своих добавил, как это у нас по молодости бывает. Партийные взносы за сентябрь в тресте я уплатил, а в октябре уже должен был платить в райкоме. И премия эта вряд ли в тресте проходила официально. Если мне память не изменяет, она была оформлена через одно из строительных управлений. Только в парткоме знали о ней, и только оттуда «стуканули» секретарю парторганизации райкома партии. Правда, Н. Трепашко ограничился устным замечанием мне.

Первым секретарем Октябрьского РК ЛКСМБ была избрана секретарь комитета комсомола Могилевского технологического института Женя Шавенько (Дроздова). Доброжелательная, с ясным и чистым взглядом девушка, умевшая выступить и написать толковый доклад или выступление. Вторым секретарем стал завоорг Владимир Рожков, отслуживший в армии, лет пять проработавший на заводе «Красный металлист» и выросший там от рабочего до начальника цеха. Секретарем по школам была избрана Галя Пантюшева, симпатичная молодая женщина, умевшая и знавшая, где, как и кому, что сказать, ладившая не только с начальством, но и с комсомольско-пионерским активом. У нашего райкома комсомола была ощутимая поддержка со стороны райкома партии в лице заворга А. Козыря и инструктора П. Вержбицкого, курировавшего комсомол.

В сельском райкоме комсомола кроме заворга в штате орготдела был и инструктор. В нашем – завоорг был в одном лице. В сельских районах насчитывалось 3–5 тысяч комсомольцев, в нашем районе состояло на учете около 35 тысяч или 1/5 областной комсомольской организации. Поэтому объем работы был нешуточный. Необходимо отметить, что без помощи Евгении Шавенько и Владимира Рожкова я бы не справился со всеми своими обязанностями. Они не только сами трудились с полной отдачей, но и умело поправляли меня при необходимости. А вскоре зав. сектором учета стала Галина Гушляк, до этого работавшая инженером на объединении «Могилевхлебпром», являвшаяся там секретарем комсомольской организации. Таким образом, у нас сложился дружный и сплоченный коллектив, способный справиться с любой поставленной задачей. В то время

шел обмен комсомольских документов. «Благодаря» предшественнице Галины Ивановны, мы по этой важной политической кампании, как тогда говорилось, плелись в хвосте. К нам в райком прибыл первый секретарь ЦК ЛКСМБ К.М. Платонов с группой работников ЦК. Я был вызван в кабинет первого секретаря, где уже находился первый секретарь горкома комсомола Борис Зинкевич. Платонов стал задавать мне вопросы, в основном, по теории комсомольской работы. Получив удовлетворительные ответы, он, распорядился вызвать зав. сектором учета. Галя вошла в кабинет решительно и смело. Константин Михайлович сразу задал ей конкретный вопрос:

– Почему завалили работу по обмену комсомольских документов?

Галя ответила спокойно и правдиво: – Работаю я недавно, всего два месяца и полностью поправить дело не успела. Но...

Платонов, прервав ее, возразил: – Сталин расстреливал некоторых наркомов уже на первом месяце их работы!

Галя нашлась сходу, дав простой и исчерпывающий ответ и, по этой проблеме: – За это ему и культ личности дали!

1-ый секретарь ЦК ЛКСМБ прекратил на этом дискуссию, и оставил в нашем райкоме нескольких работников во главе с зам. зав. орготделом ЦК Анатолием Желтовским. Он по итогам своей работы сделал вывод, что ход обмена документов в последние месяцы улучшился на порядок и мы, через пару месяцев выйдем из прорыва и даже можем превзойти по числу комсомольцев с новыми комсомольскими документами другие районы не только в области, но и республике. Кстати, так и произошло. Где-то весной 1977 г. состоялся пленум ЦК комсомола Беларуси, в докладе на котором стиль и методы работы нашего райкома отмечались как положительные.

Хотелось бы вспомнить добрым словом наш комсомольский актив, «Октябрят», как нас называли. Главным и решающим делом был подбор секретарей комсомольских организаций и, большинство из них выполняли свои нелегкие обязанности на общественных началах. Многие из них были коммунистами. В числе лучших были: Валя Гордиенко, Виктор Зайцев, Лариса Лычковская, Ирина Дембицкая, Нина Заяц (Чаплыгина), Оля Громыко, Надя Скокова, Саша Филианов, Рая Горовцова, Оля Пивоварова, Валера Башаримов, Владимир Кулешов, Леонид Дроздов, Виктор Суханов, Олег Рыд-

В. А. Китун, фото 1975 г.

М. П. Кашпур, фото 1976 г.

*М. Ф. Царев,
фото 1977 г.*

левич, Юра Волобуев, Анатолий Шейко, Александр Горваль. По-доброму вспоминаются коллеги по Октябрьскому райкому комсомола: Валя Филианова, Антонина Осмоловская, Оля Белокрылова (Потапкина), Жанна Абаканович, Таня Маркова.

По моей инициативе неосвобожденный секретарь УМ-81 треста №17 М. Царев был избран освобожденным секретарем комитета комсомола обувной фабрики. И он хорошо справлялся со своими обязанностями. Даже попал в пионерское приветствие, которые, обычно делались на форумах. Там были такие слова «больше дела меньше слов – говорит комсорг Царев».

Надо сказать, что хороших успехов в те годы добился начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Лавсанстрой» Владимир Китун. В тот период времени наша стройка занимала даже первые места среди ударных строек Советского Союза.

Особо следует сказать о Анатолии Шебове, секретаре комитета комсомола одного из автопредприятий. Он был направлен нашим райкомом комсомола на БАМ, в составе Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени 18 съезда ВЛКСМ. Был избран председателем Совета и исполкома поселка Кичера, одного из центров Байкало-Амурской магистрали, ныне он живет в Могилеве.

Хорошие рабочие отношения сложились у меня с непосредственными вышестоящими начальниками. В том числе и

*Е. В. Шаевнько
(Дроздова), фото 1975 г.*

*В. Д. Рожков,
фото 1976 г.*

*М. А. Рыськов,
фото 1975 г.*

Павлом Мельником, заворгом обкома комсомола, когда-то активно возражавшим против моего перевода из ПТУ в трест. Заворгам горкома комсомола в тот период времени работали Олег Евтушенко, а затем Федор Крутов. В начале 1978 года на пленуме РК ЛКМСБ я был избран вторым секретарем райкома комсомола. Хотя и с этим перемещением было не все гладко.

В декабре 1978 г., заворг обкома комсомола Олег Евтушенко перешел на работу в обком партии. Несомненно, не без его участия первый секретарь ОК ЛКСМБ Н. Ф. Гринев вызвал меня и предложил перейти на эту должность.

Моим ближайшим помощником был зав. сектором кадров Сергей К., окончивший Витебский ветеринарный институт. До обкома он около года проработал инструктором сельского райкома комсомола и, естественно не имел нужного опыта работы. Кроме того, был не собран, не всегда грамотно и аккуратно составлял кадровые документы, в дополнение учился заочно на юрфаке ВУЗа. В своей книге воспоминаний он пишет, что при уходе в органы КГБ Н. Гринев и А. Глаз, 1-й и 2-й секретари обкома комсомола, «не хотели его отпускать, но им посоветовали сверху не препятствовать». Это не совсем так, мне нередко указывали на недостатки в его работе, неграмотную и поспешную подготовку документов. Но парень он был дружеский, я считал, что в комсомоле надо содействовать друг другу в карьерном отношении и защищал его. В перестройку Сергей работал начальником УКГБ в Карабахе.

*О. В. Белокрылова
(Потапкина), фото 1975 г.*

*В. М. Кулешов,
фото 1977 г.*

*Т. П. Литвинко (Казакова),
фото 1980 г.*

Хотелось бы вспомнить добрым словом коллег по орготделу Семена Клезовича, Олега Матиевича, Александра Метько.

Говоря о районных, городских организациях, конечно, очень многое зависело от их руководителей – первых секретарей. Наиболее сильными из них были: Наталья Родичева и Валерий Черняк (Бобруйская городская), Владимир Хартанович (Ленинская районная гор. Могилева), Леонид Хромников и Иван Знаткевич (Климовичская районная). Особенно дружной работой отличалась Ленинская районная комсомольская организация в период работы в ней В. Хартановича. Кстати, и сегодня В. Хартанович является лидером среди своих комсомольских товарищей и коллег, несмотря на возраст.

В 1979 году секретарь обкома комсомола по идеологии В. Белозор, отработавший к тому времени в данной должности более 4-х лет, был направлен на работу секретарем Кировского райкома партии. Встал вопрос о замещении этой должности. Несколько предложенных кандидатур не были согласованы по разным причинам. И неожиданно, секретарем ОК ЛКСМБ по пропаганде и военно-патриотической работе был избран я. В мои обязанности входило руководство отделами: пропаганды и агитации, спортивной и оборонно-массовой работы, бюро молодежного туризма «Спутник». Возглавляли эти отделы – Вячеслав Шереметов, а затем Владимир Дуктов, Александр Годлевский, а затем Александр Новожилов, Анатолий Запекин, а затем Владимир Яковлев.

Хочется добром вспомнить своих коллег по обкому комсомола: Татьяну Литвинко (Казакову), Дмитрия Мороза, Любу Моисеенко, Виталия Киреева, Сергея Богайчука, Олю Калиновскую. Но, были в отделе пропаганды и работницы, как нередко бывает, имевшие поддержку у вышестоящих товарищей: работали они не всегда добросовестно, чувством скромности не обладали, своей главной задачей считали оспорить, а не выполнить дело, но амбиции свои старались удовлетворять любой ценой. Особенно отличалась этим бывший первый секретарь Зельвянского РК ЛКСМБ Гродненской области.

Меня очень поразила оторванность идеологической, военно-патриотической работы с молодежью от практики, жизни. В это время началась война в Афганистане. На совещании по подведению итогов призыва, где присутствовали представители обкома партии, военкоматов, я выступил с критикой существовавшей практики подготовки молодежи к призыву в Советскую армию. Пройдя армейскую службу я имел некоторое понимание, как надо готовить ребят к службе. Обычно призывников принимали чохом в комсомол, выдавали удостоверения о присвоении спортивных разрядов, нормы по которым не сдавали, некачественно готовились они и по военно-техническим специальностям в ДОСААФе.

Ежегодно обком комсомола с рядом заинтересованных организаций проводил областной слет участников похода по местам боевой и трудовой славы советского народа. В этот раз мы, посоветовавшись с председателем областного общества охраны памятников культуры, бывшим командиром партизанского отряда А. Ф. Симдянкиным, решили это мероприятие отметить не только патетическими выступлениями, но открыть и увековечить новое имя в славной плеяде комсомольцев, павших в годы Великой Отечественной войны. Установили в Быховском районе погибшего в бою уроженца дер. Никоновичи Дениса Быченкова, уполномоченного по комсомолу, присланного из Москвы в 1942 г. для подъема молодежи на борьбу с оккупантами. Разыскали и побеседовали с его земляками, родной сестрой. Они подтвердили, что он работал после окончания педкурсов учителем. В середине июня 1941 г. уехал в Ленинград, возможно, учиться. Воевал на фронте,

был ранен, а затем, после окончания спецкурсов ЦК ВЛКСМ был заброшен сюда, на оккупированную территорию. Погиб недалеко от родных мест, у деревни Прибор, вместе с группой партизан. Мы нашли гранитную плиту, сделали соответствующую надпись и установили ее у шоссе Ленинград – Одесса, у поворота на деревню Прибор. Стоило это нам немало труда, особенно хочется отметить в этом деле вклад тогда сотрудника отдела пропаганды обкома комсомола Виталия Киреева. Торжественное открытие Могилевского областного слета участников похода по местам боевой и трудовой славы советского народа в 1981 г. было ознаменовано не только словами и призывами, но и открытием обелиска в память погибшего в бою комсомольского работника, партизана и его боевых товарищей. За что я получил замечание от зав. отделом пропаганды и агитации обкома партии Николая Т.

Приближалась отчетно-выборная кампания в комсомоле 1981 г., в ходе которой должны были пройти районные и городские комсомольские конференции. Составлялся график их проведения. По районам, с целью оказания помощи и контроля, примерно за неделю до их проведения, в район выезжала бригада работников обкома. Возглавляли эти бригады секретари обкома, а также заворг, являвшийся членом бюро обкома ЛКСМБ. Неожиданно, из ЦК ВЛКСМ, Москвы позвонили и сообщили, что в Круглом, на райконференции будет присутствовать заведующий сектором отдела комсомольских органов, кажется, его фамилия была Соколов. Надо отметить, что зав. сектором ЦК ВЛКСМ – должность была довольно авторитетная. Корреспондент «Комсомольской правды», незадолго до этого побывавший в Чериковском районе, опубликовал небольшую заметку в газете об упущениях по одному из вопросов в работе тамошнего райкома комсомола. Шуму было ого-го! По предложению заворга обкома комсомола К. Крупенькина, несмотря на то, что по графику, я не должен был проводить конференцию в Круглом, решили направить меня. Первым секретарем обкома комсомола в это время работал Анатолий Глаз.

Соколов оказался высокообразованным молодым человеком, на несколько лет старше меня но, по стажу и опыту комсомольской работы мы с ним оказались близки. По приезду в Круглое, мы объ-

ехали ряд колхозов, школ, познакомились с комсомольскими организациями, секретарями, условиями их работы и жизни. Во многом у нас совпадало мнение по ситуации в стране, мире, вопросам и задачам комсомола, в отдельных моментах мы поспорили. Вернулись в Круглое поздно вечером. Впечатления от этой поездки я использовал и в своем выступлении на конференции. Зав. сектором ЦК ВЛКСМ дал хорошую оценку состоявшейся Круглянской районной комсомольской конференции, а также моему выступлению на ней.

Мне, по инициативе Соколова, где-то через год было выделено место в аспирантуре Высшей комсомольской школе в Москве.

Но, Могилев, не направил меня в аспирантуру ВКШ. В то время я работал уже около года инструктором отдела оргпартиработы обкома партии. Были против и, первый секретарь ОК КПБ Виталий П. и завотделом оргпартиработы Геннадий И.

Проработал я секретарем обкома комсомола всего около двух лет. Планировал оформить и музей истории комсомола Могилевщины, ведь у истоков Всесоюзного комсомола стояли могилевчане. На мое место был назначен тот первый секретарь райкома комсомола из Черикова, которого критиковала за недостатки в работе «Комсомольская правда». К сожалению, он, как и зав. отделом оборонно-массовой работы обкома комсомола также не служил на действительной воинской службе. А в это время разгоралась война в Афганистане, требовавшая постоянно пополнения, но не наспех обученных молодых солдат, а тренированных во всех отношениях воинов, я бы сказал образца 1945 г., способных воевать в тех особых условиях. Мог и должен был свою лепту в это внести и комсомол, как наши старшие товарищи в 1939–45 гг., но не внес.

Часть III. Луполовский мост

(Документальная пьеса в двух действиях и 11 картинах)

Действующие лица:

Романов, генерал-майор, командир 172 СД, 45 лет

Черниченко, полковой комиссар, комиссар 172 СД, 38 лет

Катюшин, майор, нач. оперотделения штаба 172 СД, 43 года

Бакунин, генерал-майор, командир 61 стрелкового корпуса,
45 лет

Кутепов, полковник, командир 388 полка 172 СД, 45 лет

Зобнин, батальонный комиссар, комиссар 388 полка, 35 лет

Пятков, сержант, командир пулеметного расчета 388 полка,
22 года

Первый красноармеец, 35 лет

Второй красноармеец, 20 лет

Ковалев, майор, командир отряда заграждений

Старший лейтенант, сапер, 25 лет

Сержант-сапер, 22 года

Мальчик из пригородной деревни, 12–13 лет

Фефилов, лейтенант госбезопасности, начальник особого отдела 172 СД, 35 лет

Владимиров, лейтенант милиции, командир батальона милиции, 40 лет

Чернов, комиссар батальона милиции, 35 лет

Горбачев, ст. лейтенант милиции, начальник штаба батальона милиции

Никитенко, мл. лейтенант милиции, комроты батальона милиции

Кожев, сержант милиции, командир отделения батальона милиции

Сталин, председатель Совнаркома СССР, 62 года

Шапошников, заместитель наркома обороны СССР, 58 лет

Астров, председатель Могилевского горисполкома, 40 лет

Гельмих, генерал, командир немецкой 23-ой пехотной дивизии,
50 лет

Бранд, обер-лейтенант, ком. роты 23 пехотной дивизии, 23 года

Действие 1. Картина 1.

Утро 28 июня 1941 г. Железнодорожная станция Луполово. Эшелон, дернувшись, остановился. Кто-то, пробегая вдоль вагонов, требует быстрее разгрузиться, маскировать технику в лесу, сосны и ели которого тесно обступают железнодорожные пути. Слышатся звуки команд.

В купе двое: майор Катюшин, начальник оперативного отделения штаба 172 СД и капитан, сотрудник этого отделения. Катюшин, застегивая ремни портупей, пытается рассмотреть происходящее на станции, но еще не рассвело, и через купейное окно угадываются только мелькающие тени.

Катюшин. Николай, давай шевелись, поживее, нам надо найти вышестоящий штаб и получить распоряжение по подготовке линии обороны, где и какими силами ее занимать. Скорее всего, высшее командование находится в городе, а до города 10 км.

Капитан. Василий Александрович, на станции должен бы представитель военной комендатуры, надо к нему обратиться.

Катюшин. Вряд ли он знает, где и какие штабы здесь расположены. Ему никто не будет отчитываться в этой суматохе. Видимо, обстановка на фронте непростая. Давай так договоримся, я добирюсь в город, разыщу старшего командира, а ты останься здесь, собери сведения о прибывших частях нашей дивизии и составь сводку. Учти и эшелон 388 полка, с которым мы прибыли. К прибытию комдива нам необходимо располагать полными сведениями о наличии личного состава, техники и вооружения.

Через несколько минут Катюшин и капитан вышли из вагона и направились к деревянному станционному домику. Но дойти до него не успели. Казалось, прямо из-за верхушек елей выскочила четверка немецких самолета с невыпущенными шасси.

Катюшин. Коля! Давай в лес.

И они оба стремительно нырнули под густые высокие ели. Посыпались бомбы. Вздымались вверх комья земли, куски шпал. Затем самолеты, это были «юнкерсы» сделали еще заход и обстреляли эшелон и пути пулеметным и пушечным огнем. И только после этого из леса ударили две зенитные счетверенные пулеметные установки. Немецкие самолеты сразу на низкой высоте ушли в сторону Днепра.

Катюшин *(отряхиваясь от прилипшей хвои и земли)* Вот и боевое крещение получили, побывали под огнем. Я на третьей войне, а ты на первой. На той, империалистической войне, офицерам уже за это ордена иногда давали. Но нам чувствую не орденов надо ждать, а хорошей нахлобучки. Почти треть частей дивизии здесь, в Могилеве, а самые большие начальники мы с тобой.

Картина 2

Полдень этого же дня. Кабинет в здании облвоенкомата, на стенах уже военные плакаты. За столом – генерал-майор Бакунин, командир 61 стрелкового корпуса, перед ним – навтытяжку стоит майор Катюшин.

Бакунин. Где дивизия, где штаб? Почему не прибыли до сих пор? Где Романов и начштаба, инженер, саперный батальон? На хрена ты мне, начальник оперативного отделения, нужен! Планы наступления на Берлин писать? Надо строить полосу обороны, размещать войска, саперы нужны, понимаешь!?

Катюшин. Товарищ генерал! Дивизия была отмотобилизована в соответствии с приказом и стала грузиться в эшелоны в сроки указанные Генштабом. Два батальона и противотанковый дивизион 388 полка полковника Кутепова уже в Могилеве...

Бакунин. Молчать... под трибунал у меня пойдете и ты, и начштаба Карпинский. Неделю война уже идет, немцы Минск взяли, а вы зады не можете оторвать от насиженных мест. Марш к начальнику оперативного отделения Фурину, получи приказ по занятию линии обороны дивизии и займись вместе с ним размещением прибывающих подразделений на линии обороны. До прибытия дивизионного инженера ты отвечаешь за оборудование рубежей обороны. Зарывайтесь глубже в землю, готовьтесь к отражению танков. Все, выполняй.

Катюшин. Есть, товарищ генерал.

И повернувшись налево кругом, строевым шагом вышел из кабинета.

Картина 3

30 июня 1941 года. Катюшин и Фурин идут вдоль большой группы могилевчан, женщин, парней и девочек школьного, студенческого возраста. Они копают окопы, блиндажи, готовят капониры для техники. Катюшин и Фурин подзывают лейтенанта-сапера, ответственного за подготовку позиции на данном участке и, сверяясь с картой-схемой, дают указания и поправки по земляным работам.

Катюшин. Учтите лейтенант, этот участок должен быть готов завтра к исходу дня, ко времени прибытия противотанковой батареи 340 артиллерийского полка нашей дивизии.

Лейтенант. Не успеем, товарищ майор.

Катюшин. А тебя никто не спрашивает, успеешь ты или не успеешь. Тебе приказано: завтра к 20.00 позиция должна быть готова.

Лейтенант. Товарищ майор, ведь люди гражданские, почти дети, я не могу заставить их работать ночью.

Катюшин. *(Делая ударения по слогам)*. А ты по-про-си их. Ведь они почти все комсомольцы. Надо лейтенант, пойми на-до! И сам ночью будь здесь. Ты понял меня.

Лейтенант. Есть товарищ майор! Все будет сделано.

Картина 4

Вечер 10 июля 1941года. Линия обороны 388 стрелкового полка 172 СД. За-маскированная счетверенная пулеметная установка. Рядом – окоп, в котором сер-жант Пятков и двое красноармейцев из его расчета. Ужинают.

Пятков *(задумчиво, глядя на видневшееся за посадками бобруй-ское шоссе)* Да, завтра, видимо, начнется и у нас... *(кивает на доносящийся шум моторов)* Немцы силы стягивают.

Первый красноармеец *(постарше, лет 35, в новом обмундировании, мобилизованный)*. Когда на продскладе сухой паек получал, слышал, разведчики рассказывали... немцев, в лесу, около той деревни, Салтановкой называется, тьма-тьмушая. И все на танках, бронемашинах.

Второй красноармеец *(с комсомольским значком, в хорошо подогнанном обмундировании, кадровый)* Не дрейфь, землячок, у нас сила большая. За нами артиллеристы, сам видел орудий 20, прямо у железной дороги, в капонирах стоят. Как дадут!

Да и наша, родимая *(кивает на пулеметную установку)* не подведет. Косит, что твоя коса в деревне. Дадим завтра немцам прикурить!

Первый красноармеец *(сворачивает самокрутку и закуривает)* Да, так то оно так, дадим. *(Повышает тон)* Но почему не дали на старой границе, под Минском, где и я еще лет 10 тому назад укрепления строил, во время своей действительной службы? Чего ждут? А глянь, драпают без оружия, без сапог... Говорят, немцы все на машинах, их самолеты по головам ходят.

Второй *(горячась)* Да бегут трусы и паникеры! Воевать не хотят. Вчера нас, актив, комсорг полка собирал. Информировал, одного из ваших, мобилизованных, трибунал к расстрелу приговорил. Ногу себе прострелил, да не догадался, что от выстрела в упор – ожог будет. В санбате его и разоблачили.

Первый Да знаю, слышал. Из моей деревни, Платонов Федор. Жалко, работник был стоящий и двое детей остались. А его старшего брата раскулачили, сослали, до сих пор ни слуху, ни духу. Он женился еще до колхозов, на богатой невесте, отдельно жил. Ну, а Федор, младший, с матерью. Бедно жили. Женился уже года за три до войны, в армии не служил. За что ему было воевать, за колхозы, за власть, погубившую брата и его детей. *(Убавляя тон, как бы про себя)* У нас ни на войне, ни в жизни правды нет...

Пятков *(Тихо, обращаясь к первому красноармейцу)* Ладно, помолчи лучше. *(Громко, командирским тоном)* Отставить разговорчики! *(И обращаясь ко второму красноармейцу)* Ты будешь дежурить первым. *(Повернувшись к первому красноармейцу)* А ты, помой котелки и отбой. Сменишь его в 1.00. Вопросы? Нет вопросов.

Раннее утро 11 июля. Та же позиция у пулеметной установки. За Днепром на небосклоне багрово-оранжевые полосы от встающего солнца. В утренней тишине различимо слышатся заводимые моторы в стане противника. В плащ-палатках, мокрых от росы сапогах и бриджах появляются командир батальона капитан Абрамов и командир пулеметной роты лейтенант Анненков.

Абрамов Как дела, товарищи?

Пятков *(Выпрыгнул из окопа и, приложив руку к пилотке)* Здравия желаю, товарищи командиры! Ночью происшествий не случилось. Расчет готовится к бою.

Абрамов *(миролюбивым тоном)* Вижу, как вы готовитесь. Спите еще. Давай, посылай на кухню за завтраком, и готовьтесь к бою. *(Тонем приказа)* Проверь ленты. Иметь воду в запасе, да побольше. Огонь открывать по красной ракете. Ясно, сержант?

Пятков Так точно, товарищ капитан!

Позавтракать не успели. Неожиданно, на низкой высоте, появились «юнкеры». Заерохотали взрывы. Пятков со своими товарищами вжались в стенки окопа. Самолеты сделали второй и третий заходы, обстреливая защитников мозилевского рубежа из пушек и пулеметов. Затем из леса и прямо на шоссе появились танки с белыми крестами на броне, бронетранспортеры, автомашины, с которых прыгивали и разворачивались в цепь немецкие солдаты.

Пятков *(выпрыгнул из окопа и, махнув рукою),* прокричал: К пулемету.

Отбросив чехол, взялся за рукоятки и направил стволы на бегущих немцев. Пулеметные стволы яростно задрожали, отстрелянные гильзы посыпались на пол грузовика, стенки капонира. Солдаты падали, но, несмотря на огонь, упорно приближались к нашим позициям. Вот они смяли окоп, в котором находилось охранение, вскочили в первую траншею стрелков. Там завязалась рукопашная.

Мелькали приклады, звучали одиночные автоматные очереди и винтовочные выстрелы. Яростный мат, звуки ударов и хруст костей. Танки и бронетранспортеры, стреляя на ходу, медленно надвигались на основные позиции батальона. И здесь ударили наши пушки. Там, где были немецкие танки и бронетранспортеры, все потонуло в пламени и пыли. Через десяток минут бой был окончен, атака отбита. Когда осела пыль, перед нашими позициями стояло около десятка танков и бронетранспортеров. Одни из них были перевернуты вверх гусеницами, многие горели, выбрасывая клубы черного дыма. Немецкие солдаты, подхватывая раненных товарищей, скрывались в леску.

Картина 5

15 июля 1941 года, поздний вечер. Средняя школа №11 г. Могилева. За учительским столом - генерал-майор Романов и комиссар дивизии Черниченко. Напротив, за партами: Карпинский – начальник штаба дивизии, Катюшин, Фефилов, Толмачев, командиры полков, руководители города.

Романов Товарищи! Мы с комиссаром (*живнул на Черниченко*) вчера вызывались в штаб корпуса. Генерал Бакунин передал приказ командующего 13 армией об оставлении Могилева и выходе на восток частей дивизии. Путь отхода указан командиром корпуса на карте и проходит вне населенных пунктов и шоссеиных дорог. Надо будет отступать по лесам и болотам. Естественно, технику и тяжелое вооружение придется бросить. Штабом корпуса приказ получен 11 июля, но генерал Бакунин задержал его на трое суток. Могу добавить: немцы взяли Шклов и Быхов. Нас с комиссаром вчера обстреляли немецкие диверсанты в районе Любужа. Сегодня со штабом корпуса связь прервалась, но командир батальона связи обещает ее восстановить. Прошу высказать свои соображения.

Кутепов В последнее время противник прекратил активные боевые действия. Очевидно, он проводит перегруппировку своих частей, подвозит боеприпасы. Но артобстрелы наших позиций продолжают регулярно, в строго установленное время. Часто высылают на нашу сторону агентов под видом выходящих из окружения. В строю в полку 1135 красноармейцев и командиров. Это менее половины нашей численности на 25 июня. Почти полностью вышел из строя 3-ий батальон, погиб и комбат Абрамов. В наличии боеприпасов чуть более боекомплекта. Если бы приказ на отход поступил 11 июля, то мы, смогли бы, прикрывшись артогнем и арьергардом, отойти. А теперь, когда наши фланги открыты и соседи отошли, нам

лучше всего сражаться на месте. Это придаст решимости колеблющимся и остановит убегающих.

Фефилов Товарищи! Обстановка сложная. Практически дивизия в окружении. Поэтому нам нужна бдительность, бдительность и еще раз бдительность. Так учит нас партия! К сожалению, есть факты и, неединичные, переходов к врагу. Вчера произошло вопиющее чрезвычайное происшествие! Взвод 514 полка сдался без боя, у них, видите ли, патроны закончились, а штык для чего воину?

В настоящее время особый отдел проводит расследование, два непосредственных командира арестованы. Немцы активно используют перебежчиков, засылают их в наш тыл, в Могилев для проведения диверсий, разведки и подачи сигналов самолетам.

Товарищи! Особый отдел и дальше будет бороться со шпионами, паникерами и трусами. Им должен быть один приговор: расстрел на месте.

Считаю, что мы не имеем права оставлять днепровский рубеж.

Черниченко Товарищи, боевые друзья! Товарищ Сталин в выступлении 3 июля призвал воинов Красной армии сражаться до последней капли крови с немецкими захватчиками, объявил о всенародной борьбе против поработителей и нам надо выполнить приказ нашего вождя и учителя. Нет снарядов и патронов, биться штыком и саперной лопатой, душить руками фашистских гадов. Сражаться до последнего, город Могилев мы не имеем права отдавать врагу!

Романов *(Обращаясь к присутствующим руководителям города)* Товарищи! У нас большая просьба: помочь дивизии с продовольствием и пополнением личным составом. Возможно, не все военнороботные призваны и отправлены в свои войсковые части. Сейчас их нет смысла отправлять на восток, могут попасть в руки немцев. *(Обращаясь к облвоенному Воеводу)* Товарищ полковник! Всех, кто подлежит мобилизации направлять на укомплектование частей нашей дивизии.

Воеводин. *(поднялся и, став по стойке «мирно»)* Есть, товарищ генерал!

Астров Положение с продовольствием в городе крайне тяжелое. Имеющиеся резервы отправили на восток, вчера ушел

Действие 2 Картина 6

19 июля, около 10 часов.

Линия обороны батальона милиции лейтенанта милиции К. Владимиров у деревни Гаи. Блиндаж, внутри горит фонарь «Летучая мышь». За столом Владимиров, Горбачев - начальник штаба, Чернов - комиссар. На столе – карта. Перед ними стоит сержант милиции Кожев, командир разведгруппы. Докладывает результаты разведки.

Кожев Товарищ лейтенант милиции, немцы закрепились на опушке леса и окраинах деревни Пашково. В лесу стоят орудия, укрытые срубленными сосенками и елями и минометная батарея. Дальше – две кухни, повара кабанов свежуют, пахнет кофе. Солдат около 400–500 человек, ночевали в палатках, играли на губных гармошках. Ходят по деревне с местными девушками свободно, смеются.

Владимиров Мне твои рассказы как немцы с нашими девками гуляют, не нужны. Почему ты пленного не взял?

Кожев Товарищ комбат, нас заметили. Обстреляли, ели ноги унесли. Охранение у них сильное, с пулеметами. Уже перед самыми Гаями ранен курсант Тимохин.

Горбачев Это из нашей Минской школы милиции?

Кожев Так точно, товарищ старший лейтенант милиции.

Владимиров Хорошо, Кожев. Спасибо. Идите, отдыхайте.

(Повернувшись к Горбачеву и Чернову): Ну, что будем делать товарищи? Довожу до вашего сведения – получен приказ: неожиданно атаковать противника и выбить его из Пашкова, выйти на Минское шоссе и соединиться с 388-м полком Кутепова.

Горбачев Но ведь наша разведка не дошла до Минского шоссе. А если там немцы? Нас всего две сотни, а против нас полтысячи, да с орудиями и минометами. А у нас два пулемета и по две ленты на каждый.

Чернов *(Сосредоточенно чертя на карте карандашом).* Да, положение у нас хуже губернаторского.

Горбачев Жалко ребят, погубим. Вторая рота целиком состоит из курсантов нашей Минской школы милиции. Я у них преподавал на общественно-политическом цикле. Золотой фонд милиции, наше будущее... Может попытаться поговорить со штабом

дивизии, комполка Катюшиным. Попросить помощи, хотя бы пару пушек и по десятку снарядов к ним. *(Вопросительно посмотрел на комбата).*

Владимиров *(раздраженно)* Штаб дивизии, штаб дивизии, где он, ты знаешь? Начштаба, у нас нет права рассуждать, у нас только одно право и святая обязанность – выполнить приказ! И я говорил с Катюшиным, у него всего на полк 2 орудия и 30 снарядов, а прикрывать город надо от Днепра до Минского шоссе. А это километров 15 по фронту. А свой приказ Катюшин требует выполнить, он хочет на нашем, левом фланге соединиться с полком Кутепова. Почувствуем плечо друг друга, легче будет. Да и через Пашково, Карабановку немцы могут прорваться в город, к ж.д вокзалу, разрежут линию обороны. Давайте так, ты комиссар идешь в третью роту, к своим курсантам Гродненской школы милиции, а ты начштаба во вторую роту Минской школы милиции, ну, а я к своим – в первую роту, мгилевским милиционерам и будем готовить людей.

Главное дружно, всем подняться в атаку. Пулеметы на фланги. Увидите, побежит немчура. Атака в 17:00, по двум зеленым ракетам.

Горбачев и Чернов стали собираться. Проверили и наполнили патронами барабаны револьверов, сыпанули по горсти патронов в карманы. Взяли шинели и, откинув плащ-палатку, закрывавшую вход, вышли в траншею, закурили.

Чернов Ну что, коллега: дан приказ ему на запад, ну, а мне в другую сторону. *(И показал рукою на левый фланг батальона)* Мне туда, а тебе – туда, на правый фланг.

Горбачев осторожно шел, пробираясь от окопчика к окопчику, а где и по мелкому кустарнику подошел к блиндажу командира 1-й роты Никитенко. Комроты сидел и хлебал молоко из глиняного кувшина, закусывая хлебом.

Никитенко Товарищ старший лейтенант милиции, давайте и вам налью.

Несколько минут молча пили молоко.

Никитенко Товарищ начальник штаба, вы ведь не случайно пришли ?

Горбачев Да, Иосиф Антонович, не случайно. Через полтора часа атака. Надо взять Пашково.

Никитенко Не сможем мы взять Пашково.

Горбачев Ну, дорогой, сможем, не сможем – не тот разговор. Надо взять! Понял? Слушай приказ: пулемет на правый фланг. Поднимаемся по двум зеленым ракетам. Все ясно?

Никитенко Понял товарищ начштаба, будет выполнено.

Ротный вызвал взводных командиров и отдал необходимые распоряжения.

Солнце уже приближалось к лесу, идущему от деревни к железнодорожному поезду, когда вспыхнули и погасли две зеленые ракеты.

Горбачев Ну, пошли Иосиф Антонович.

(И выдернув из кобуры наган, пошел по склону оврага. Рядом шел ротный.

Неожиданно Никитенко прокричал): В атаку! За родину! Вперед товарищи курсанты!

И побежал, обогнав Горбачева.

Курсанты стремительно рванули и быстро преодолели поле, отделяющее деревню Гаи от леса. Трещали выстрелы, частыми очередями бил "Максим". В ответ раздавалась гулкая дробь немецких автоматов.

Слева гремела «Ура». Виднелись убегающие в сторону Пашкова немцы.

Горбачев (Догоня ротного). Никитенко, это было охранение, а впереди их основные силы. Надо закрепиться

Никитенко Прекратить преследование, Окопаться!

Курсанты стали рыть небольшие ячейки.

Горбачев видел, что Владимиров и Чернов повели свои роты дальше, ближе к Пашково. И здесь прямо, как в кино, из леса и деревни появилась густая цепь автоматчиков, а за ними – 5 или 6 бронетранспортеров. Из турельных пулеметов зло и непрерывно били огоньки. Сплошной огонь и пыль от очередей крупнокалиберных пулеметов накрыли вторую и третью роты батальона милиции. Через 10-15 минут все с ними было закончено. Перед глазами Горбачева мелькнула фигура Кожева. Горбачев подошел к Никитенко.

Никитенко Что делать товарищ старший лейтенант милиции?

Горбачев Давай команду отступить. Ты что, не видишь, что делается?

Картина 7

21 июля, около 23 часов.

По кромке западного берега Днепра со стороны Буйнич, по направлению к днепровскому мосту, медленно продвигается небольшая группа в пятнистых масках. Впереди – двухметрового роста фельдфебель, командир взвода разведывательного батальона 23 Потсдамской пехотной дивизии, и командир дивизии генерал-майор Гельмих. Сзади за ними радист с радиостанцией за плечами. Их прикрывают трое рослых разведчиков, один – с пулеметом. Командир дивизии решил использовать успешные действия роты лейтенанта Бранда, вечером этого дня решительным ударом овладевшей с западной стороны мостом через Днепр, имевшему важное стратегическое значение. То есть сделал то, что не смогла сделать дивизия генерала Моделя, 10 дней тому назад. Кроме того, по сообщениям перебежчиков, он знал, что рядом находится штаб 172-ой дивизии, необычно упорно защищавшей Могилев. Он лично решил скоординировать действия своих частей и

попытаться полностью овладеть мостом, а возможно и городом. Генерал пожелал также объявить Бранду о представлении его к Рыцарскому кресту и вручить ему обер-лейтенантские погоны.

Гельмих *(Задерживая рукою фельдфебеля, тихо спросил):* Ну, что, скоро?

Фельдфебель Минут 15, господин генерал

Через 15 минут они увидели в сумерках пролеты большого деревянного моста. На другой стороне небольшой речки, впадавшей в Днепр, заметили две фигуры. Приблизившись, один из встречающих, представился.

Бранд Господин генерал, командир 10-ой роты 67 полка вверенной Вам 23 Потсдамской пехотной дивизии лейтенант Бранд.

Гельмих Хорошо, хорошо, господин обер-лейтенант. *(И протянул ему руку).* Где ваш КП?

Бранд В метрах 100, рядом с мостом.

Гельмих Пойдемте к вам, в роту.

Сверху, из ратуши неожиданно ударил русский пулемет и все бросились на землю.

Бранд Господин генерал, дальше опасно, лучше остаться здесь.

Гельмих Обер-лейтенант, мы все – солдаты. И на войне нам иногда приходится рисковать жизнью. Но надо выполнять свой долг! Пошли.

Бранд Яволь, герр генерал!

Пройдя метров 100 по речному обрыву, они оказались в блиндаже, врезанном в речной откос. Вход был тщательно укрыт маскировочной сетью. Внутри ярко горел электрический фонарь. В углу жался телефонист и что-то бубнил в телефонную трубку.

Гельмих Господин Бранд, разрешите мне от имени верховного командования поздравить вас с присвоением чина обер-лейтенанта и вручить погоны. Я подписал представление о награждении вас Рыцарским крестом.

Вручает Бранду погоны. Бранд вытянулся и выбросив руку в нацистском приветствии: ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!.

Гельмих Хайль! *(И сев на раскладной стульчик):*

Ну, что, докладывай, обер-лейтенант, обстановку и какие у тебя здесь, на плацдарме, силы?

Бранд Господин генерал, рота понесла наибольшие потери за последние три дня в районе Буйнич. Но, сегодня, вечером,

нам удалось вдоль Днепра, по кромке берега незаметно выйти к мосту и уничтожить русское охранение с этой стороны предмостного укрепления. Русские укрепились на крепостном валу, и зданиях горводоканала на противоположной стороне въезда на мост. Особенно сдерживает нас пулемет на ратуше. Пулеметчик, очевидно, фанатик-большевик, он – в красных штанах. Я принял решение: завтра утром штурмовая группа, в которую включу снайпера, уничтожит пулеметчика и овладеет крепостным валом и ратушей. То есть, мы очистим от русских въезд на мост со стороны города, что позволит нам перекрыть противнику движение по мосту.

В строю в роте – 80 солдат и 4 унтер-офицера, 6 пулеметов и минометный взвод.

Гельмих Хорошо, обер-лейтенант. Я рад, что вы сами верно определили свою дальнейшую задачу на 22 июля. *(Обращается к командиру полка).* – Вам, полковник, необходимо в течение ночи обеспечить боеприпасами роту, а также усилить ее еще одним минометным взводом. Артиллерию мы вдоль берега не подтянем. Русские, несомненно, постараются завтра сбить обер-лейтенанта с этого плацдарма, по крайней мере, заблокировать его роту. Поэтому, мы должны помочь ему с другого, восточного берега. Позовите моего радиста. *(Появляется радист с рацией).* Соедините меня с командиром 9-го полка.

Радист *(после минутного вызова позывного полкового узла связи протягивает микрофон генералу и докладывает):* Герр генерал, командир 9-го полка на связи.

Гельмих Полковник Регенер, как у вас обстановка? *(1–2 минуты слушает доклад, затем говорит:)* – Слушайте боевой приказ. Завтра, 22 июля, к 8 часам по берлинскому времени вы должны подтянуть один из батальонов своего полка из деревни Гребенево, в район улиц Пушкинская, Лагерная и атаковать предмостное укрепление русских с восточной стороны. Необходимо овладеть и контролировать въезд на мост со стороны улицы Пушкина. На западной стороне моста 67-м полком взят плацдарм. Вам необходимо установить связь с обер-лейтенантом Брандом и обеспечить ему артиллерийскую поддержку. Как поняли задачу?

Регенер Господин генерал, вас понял. Поставленную задачу выполним.

Шапошников Да, товарищ Сталин, 172 дивизия генерала Романова сильное и хорошо укомплектованное соединение. Имелись время и возможность для создания в Могилеве укреплений. Население вырыло и противотанковый ров. Все это позволило задержать противника у этого города. Да и Романов, подготовленный командир.

Сталин Берия говорил, что у защитников Могилева на исходе боеприпасы, плохо дело и с продовольствием. Надо помочь. Используйте, если необходимо, дальнюю авиацию.

Шапошников Слушаюсь, товарищ Сталин.

Сталин Так, все же, почему немцы бьют нас, а ?

Шапошников Товарищ Сталин, армия – это люди.

Сталин *(Досадливо махнул рукой с зажатой в ней трубкою)*

Знаю, читал «Войну и мир»... А все же, что вы думаете?

Шапошников *(как бы продолжая)* И мы отстаем в оснащении армии вооружением, техникой. Немецкие самолеты по своим тактико-техническим данным превосходят наши. Пехота имеет отличный пулемет МГ-34, легкий, простой в обращении, с высокой скорострельностью и дальностью огня. Солдаты передвигаются на автомашинах, мотоциклах, бронетранспортерах, что позволяет им с марша вступать в бой, иногда бой и преследование наших частей ведут, не покидая техники. Командиры частей и подразделений имеют устойчивую радиосвязь, в том числе с артиллерией и авиацией. Это позволяет в считанные минуты вызывать помощь и поддержку с воздуха и артиллерийских батарей.

Сталин *(задумчиво)* Да, у них в руках промышленность всей Европы.

Шапошников И еще... *(делает паузу)*

Сталин Ну, что Вы хотели сказать, говорите.

Шапошников Низка устойчивость войск, массовая сдача в плен, дезертирство, самовольное оставление фронта, своих частей. Уходят в свои родные места, особенно населенные пункты, оказавшиеся под немцами.

Сталин Что мы можем, какие меры надо предпринять?

Шапошников В Первую мировую войну царское правительство принимало решение о лишении льгот, пособий, уменьшало

земельные наделы семьям сдавшихся в плен. Но практически эти меры не выполнялись.

Сталин Да, надо будет обсудить этот вопрос на Политбюро. *(После паузы)* Товарищ Шапошников. Мы хотим назначить Вас начальником Генштаба. Как Вы смотрите на это?

Шапошников А Жуков? Куда его?

Сталин Жуков плохой начальник Генерального штаба. Он и Тимошенко не подготовили армию к войне, как это сумел сделать Кузнецов на флоте. Возможно, мы поручим ему конкретное дело на фронте.

Шапошников *(как бы продолжая)* Прошу учесть мой возраст, здоровье.

Сталин Борис Михайлович, мы с вами, почти ровесники. И идет война.

Шапошников Да, война будет тяжелой... Как прикажете товарищ Сталин.

Сталин Вот и хорошо. До свидания.

Шапошников До свидания, товарищ Сталин.

Картина 9

25 июля, около 18 часов. Подвал СШ №11. За столом – Романов, Черниченко. За партами – Кутепов, Мазалов, Фефилов, Фурин, Турбинин, командиры и комиссары частей 172 СД. Слышатся разрывы снарядов, при близких разрывах – стены подвала вздрагивают, сыпется штукатурка.

Романов *(встает)* Товарищи командиры! Нашим охранением захвачен штабной немецкий офицер, у него изъята карта. Из нанесенной на ней обстановки следует: гитлеровцы взяли Смоленск, подошли к Ельне. По радиостанции представителя НКВД, находящегося в Могилеве, получен приказ Генштаба оставить Могилев. Боеприпасы у нас на исходе. Грузы, сброшенные нашей авиацией, в основном, достались врагу. Как будем выходить из окружения? Каким образом будем отрываться от противника? Прошу высказаться. *(Несколько минут царит молчание).*

Мазалов Надо пробиваться к своим – это уже ясно. Но любой ценой надо спасти и вооружение, технику. Война предстоит долгая и тяжелая. Предлагаю прорываться по шоссе, на Бобруйск. В полку шесть исправных орудий и 200 человек личного состава. Уверен мои

артиллеристы не подведут и, мы пробьемся к своим, выведем технику и вооружение или погибнем, как подобает солдатам. Иного нам не дано.

Кутепов Могилевская оборона сыграла свою роль. Дальнейшее удержание Могилева не имеет смысла. Днепровский мост практически под контролем немцев. Наши части, сражавшиеся на Луполово, прекратили сопротивление. Там мы понесли большие потери. Позавчера со своего командного пункта я видел в бинокль, как наши бойцы и командиры массово сдавались в плен в районе аэродрома и колонну в 1–1,5 тысячи человек немцы повели по днепровскому луку в сторону поселка Кирова.

В настоящее время полк насчитывает 530 человек личного состава. Я держу оборону на костеперерабатывающем заводе. Противник сильнее нас, хорошо снабжается боеприпасами и, при его активных действиях, мы долго не сможем удержаться. Выход из окружения – это возможность продолжить борьбу с врагом. Поддерживаю предложение полковника Мазалова по прорыву окружения по бобруйскому шоссе. Затем в лесу в районе Салтановки, повернуть на восток и уйти за Днепр.

Романов Ясно, товарищи. Кто желает еще высказаться? Нет желающих. План прорыва из Могилева следующий:

1. Основные силы дивизии во главе со штабом отходят на юго-запад по бобруйскому шоссе. В районе южнее Салтановки будем форсировать Днепр и двигаться на восток, на Чаусы. В этой колонне будут находиться руководители и сотрудники областных управлений НКВД и НКГБ. Всего около 2-х тысяч человек.

2. Для прорыва полосы немецкой обороны полковнику Кутепову, командиру 388 полка, создать штурмовую роту в количестве 200 бойцов и командиров. Выделить каждому не менее 10 патронов.

Полковнику Кутепову поставить задачу штурмовой роте: к 3.00. 26.07. пробить брешь в обороне немцев и выйти к Салтановке, 388 полку удерживать шоссе до прохода основной колонны дивизии.

3. Сводному полку майора Катюшина прорываться на восток через Луполово, для чего полностью очистить мост от немцев и отходить по Большой Чаусской улице и Чаусскому шоссе. Соединиться с основными силами дивизии в 24.00. 26.07. в районе дер. Щежерь.

4. Отряду заграждения майора Ковалева взорвать днепровский

шоссейный мост и отходить на восток вслед за полком Катюшина.

5. Начало движения основной колонны дивизии в 2.00. 26.07.

6. Для введения в заблуждение противника и прикрытия отхода основной колонны в штабе дивизии оставить отряд легкораненых в 100 человек во главе с политруком Грибановым и лейтенантом Якименко из могилевского горвоенкомата. Отряд должен удерживать здание штаба не менее 2 часов, чтобы штабу дивизии оторваться от противника. Вопросы? Нет вопросов. По местам, товарищи.

Все выходят во двор школы. Кутепов и Зобнин подошли к углу здания и закуривают. Сев в автомашину, и на небольшой скорости едут по переулку в сторону своего КП. Неожиданно из-за угла частного дома вышли трое работников НКВД, с кубарями в петлицах и автоматами ППШ в руках.

ПЕРВЫЙ ЧЕКИСТ (поднял руку и властно потребовал:) – Стой, дальше проезд запрещен. Выходите из машины.

Кутепов Кто вы такие? Предъявите документы.

Первый чекист А вы кто такие? Мы работники Наркомата внутренних дел БССР. Нам поручено задерживать всех военных в этом районе и доставлять на сборный пункт наркомата внутренних дел.

Кутепов и Зобнин поняли, что попали во вражескую засаду. Уже давно наркоматы госбезопасности и внутренних дел БССР были эвакуированы на восток.

Зобнин Командир... немцы!

Кутепов Сам вижу... (приглушенным голосом шоферу) Петя!

Разворачивай машину.

И не закрывая дверцу, опустил руку к кобуре нагана. Но, не успел. Передний «чекист» ударил длинной очередью по стеклу автомашины, а другой бросил одну за другой две гранаты. Немецкие переодетые разведчики из разведывательного батальона 23-ей пехотной дивизии, один из них был поволжский немец, сдавшийся в плен на Березине, подошли и осмотрели тела Кутепова и Зобнина, забрали их документы и оружие. А сами быстро спустились к берегу Днепра, где в одном из частных домов находился командир разведгруппы с рацией.

Картина 10

Луполовский мост

Поздний вечер 25 июля. Подвал костела Св. Станислава. За старым обширным канцелярским столом на ящике сидит майор Ковалев, командир отряда заграждений Наркомата обороны. Напротив стоят саперы – старший лейтенант и сержант с автоматом, запыленные и видимо только из-под огня.

Ковалев Что делать будем отцы-командиры? Мост через Днепр в целостности захвачен немцами. Вы знаете, что нас ждет за невыполнение приказа и сдачу важного государственного и стратегического объекта в Москве? Знаете?

Старший лейтенант Товарищ майор...

Ковалев *(раздраженно)* Что товарищ майор? Я уже два года майор. Но по твоей вине, видно, скоро им не буду.

Старший лейтенант Товарищ майор, взрывные заряды под центральные пролеты заложены. Мост деревянный, поэтому дополнительно установили бочки с бензином.

Ковалев Так в чем дело, старшой? Почему мост стоит целехенький?

Старший лейтенант Мы стреляли по бочкам зажигательными пулями, но они не загорелись. Видимо, немцы поняли их назначение и пробили их. Бензин вытек.

Ковалев Ну, а почему не взорвали?

Старший лейтенант *(опустив виновато голову)* Перебит провод электровзрывной сети. Стрелка на нуле.

Ковалев Посылали восстановить линию, срastить провод?

Старший лейтенант Так точно, посылали. Погиб.

Ковалев Еще надо послать. Мост должен быть взорван любой ценой. Понимаешь ты это! И генерал Романов требует это сделать. Хотя сам не смог удержать его. Но требовать же легче.

Старший лейтенант *(повышая голос)* Да, понимаю я, товарищ майор!

Ковалев *(спокойнее)* Наши еще держаться на ратуше?

Старший лейтенант Да, на валу, около роты ополченцев. Держат под своим огнем въезд на мост со стороны города. Иначе нас бы со станции горводоканала давно бы вышибли. На Луполовской стороне давно уже немцы. Крепко они уцепились и на нашей стороне моста со стороны улицы Челюскинцев. Они-то не дают нам подобраться к мосту.

Ковалев *(надеяая фуражку)* Ладно, пошли, там разберемся, на месте.

Выходят из подвала. Впереди сержант. В вечернем небе вспыхивают ракеты, звучат редкие пулеметные очереди. Пройдя сквер у городского театра, перебежка-

ракет. Они повисли прямо над дорогой, которую перебежал Николай. От первой же очереди он упал. Старший лейтенант ударил кулаком по колену.

Эх, если б у нас патроны были. Мы бы показали гадам!

Все молчали. Вдруг из угла поднялся мальчик.

Мальчик Дзядзі ваенныя! Пусціце мяне, я змагу, я добра плаваю...

Все удивленно посмотрели на мальчика. Ковалев с досадою махнул рукою и закурил. Он понимал, что мальчик, конечно, мельче солдата, но сумеет ли он найти порыв, срastить провода. Но и выхода, видимо, другого не было. Надо рисковать. Мост надо взорвать любой ценой.

Сержант Товарищ майор! За три дня я многому его научил. Он сумеет срastить провод, главное – найти обрыв.

Ковалев Ладно, давайте.

Саперы стали снаряжать мальчика. Дали небольшой кусок провода, положили в карман кусачки, объяснили, что когда он найдет порыв кабеля, ему дадут сигнал – свистнут.

Ковалев Ну, успеха тебе сынок.

Мальчик босиком, только в рубашке и штанах выполз через окно на улицу. Он двинулся не прямо через дорогу к Днепру, а пополз к мосту по заросшему травой берегу. Опустился в воду и тихо, без всплесков поплыл к мосту. Через несколько минут стрелка прибора забегала и замерла, показывая напряжение в сети. Ему свистнули. И здесь немецкое охранение, что-то заподозрив, открыло огонь.

Ковалев (*обращаясь к сержанту*) Взрывай!

Сержант (*с мольбой в голосе*) Нельзя, товарищ майор. Мальчик еще не отплыл от моста. Он погибнет!

Ковалев Взрывай, я тебе сказал! (*Подойдя к машинке резко крутнул ручку*). Над мостом вспыхнула пламя, раздался мощный взрыв. Вверх полетели доски настила, куски бревен опор, камни. В отвесах пламени недалеко от моста мелькнула и исчезла нестриженная голова мальчика. (*Обращаясь к старшему лейтенанту*) Собирай людей, проверь имущество и уходим.

Старший лейтенант Куда, назад в город?

Ковалев Какой город! На восток, за Днепр. Пока не совсем рассвело, нам надо перейти реку и уйти из Могилева. Понял?

Старший лейтенант Так точно.

Авторский текст.

Многое рассказано, написано, показано об обороне Могилева летом 1941 года. Стоят бюсты, мемориальные доски организаторам обороны Могилева, их именами названы улицы. А вот мальчишка из пригородной деревни, взорвавший мост, собственно из-за которого и шли трехнедельные бои, так и остался неизвестным. По некоторым данным – это Матвей Койдо, которому в 1941 году было 13 лет. Но, скорее всего, мальчишка взорвавший Луполовский мост в ночь с 25 на 26

июля 1941 года погиб, как и герой повести В. Быкова «Круглянский мост».

Картина 11

25 июля, около 21.00. Штаб сводного полка 172 СД, подвальное помещение з-да «Возрождение», ныне «Строммашина».

Часовой вводит старшину, запыленного, в порванном обмундировании.

Старшина Товарищ майор, я прибыл по приказу генерала Романова. Он приказал: завтра в 2.00. вашему полку начать атаку и штурмом овладеть днепровским шоссейным мостом. Затем двигаться по улице Большая Чаусская – Чаусскому шоссе. К исходу дня быть у деревни Щежерь и ждать подхода основных сил дивизии. За вами пойдет батальон связи и штаб дивизии.

Катюшин *(после длительного раздумья)* У нас на исходе патроны, снарядов – десяток, не более. Вряд ли мы сможем взять мост. Зря ухлопаем людей. Тем более комдив знает, что полк не кадровый, а собран из – бору, по сосенке.

Старшина Мне товарищ майор, поручено передать приказ. Я передал.

Катюшин Как, ты, старшина, смог пробраться к нам? Ты кажется, из разведбата?

Старшина Да, командир взвода разведывательного батальона нашей дивизии, наш лейтенант погиб еще в начале. А проскочил к вам чудом. Со мной был еще боец из взвода, но его подстрелили прямо у штаба дивизии. Кругом немцы.

Катюшин Ну, а мост, в чьих руках?

Старшина Луполово в руках противника. Позавчера наши самолеты сбрасывали нам боеприпасы и продукты, то все у них оказалось. Наши держаться только на валу у парка и на насосной водоканала. Я пробирался по руслу реки Дубровенка.

Катюшин Ты, думаешь возвращаться в штаб дивизии, так?

Старшина Так точно. Генерал приказал вернуться и доложить о получении приказа.

Катюшин Хорошо. Давай сделаем так. Я дам тебе двух местных ребят, ополченцев. Они тебя проведут до парка Горького и, заодно, узнают обстановку на Первомайской, в чьих руках мост.

Старшина Спасибо, товарищ майор.

Катюшин зовет часового и говорит ему передать приказ командиру ополченного отряда, занявшего оборону прямо в цехах завода, о выделении разведчиков.

Вскоре входят молодой парень и девушка. У него в руках боевая, у нее – малокалиберная винтовка.

Катюшин Ребята, вам задание. Пойдете со старшиной. Вы город знаете, проводите его до парка Горького. Там разведаете обстановку и главное, что делается на мосту, сколько там немцев? Вернуться надо не позже, чем через 3 часа. Ясно задание?

Ополченцы *(вразнобой)* Ясно, товарищ командир.

Катюшин Оружие оставьте здесь, сдайте своему командиру. У вас какие-либо документы есть?

Ополченцы Студенческие и комсомольские билеты.

Катюшин Вот и хорошо. Студенты, значит. Комсомольские билеты также сдайте. А сами, откуда будете?

Ополченцы Из Климовичского района.

Катюшин Земляки, значит. Я с Брянщины. Договоримся так: если вас немцы задержат, скажите, идем домой, в Климовичи.

Ну, с Богом, ребята.

Старшина со студентами уходят. Катюшин через часового вызывает комиссара полка. Входит старший политрук.

Катюшин Комиссар, получен приказ Романова. На рассвете нам надо взять днепровский шоссе́нный мост и уходить на Чусы.

Старший политрук Командир, как мы возьмем мост, если у нас на винтовку по 3–5 патронов. Орудия считай без снарядов. А там пулеметы. Положим людей и сами погибнем. Чем Романов думает?

Катюшин Ты, комиссар, не паникуй. Ты меня, как и вверенный личный состав, должен вдохновлять на ратные подвиги, а ты, понимаешь, сам не веришь в победу.

Старший политрук *(официально и приподнимаясь)* В победу я, товарищ майор, верю. А вот в прорыв через мост не верю.

Катюшин Ладно, ладно. Это я так, для разрядки... *(глядя на наручные часы)* Через два с половиной часа должны явиться ребята-ополченцы. Я послал их в разведку. И тогда давай решать, что нам делать и как нам дальше жить и воевать. Или не жить и, тогда *(развел руки)* уже повоевать не придется. А сейчас надо нам с тобой поспать

хоть пару часиков. Вряд ли нам этой ночью будет другое время для сна. Ложись вон на папки в углу, у тебя, я смотрю, и шинели то нет.

Старший политрук Да, в Минске осталась.

Укладываются и засыпают.

Полночь с 25 на 26. июля 1941 года. Тот же подвал завода.

Часовой *(будит Катюшина)* Товарищ майор, товарищ майор... вставайте... Разведчики пришли.

У входа стоят парень и девушка. Их одежда сильно измазана.

Катюшин *(спросонья говорит)*: Приказ... приказ ... *(но, протерев рукою глаза и, увидев ребят-ополченцев, подхватился и спросил:)* Ну, как, дела ребята, рассказывайте...

Повернулся к старшему политруку, уже вставшему и пытавшему рассмотреть на своих часах время.

Катюшин Комиссар... , давай послушаем, что нам разведка принесла...

Девушка-ополченка Товарищ майор, мы проводили военного до самого Быховского базара и, он пошел дальше один. Сказал, что дальше он хорошо дорогу знает. Но, мы не знаем, как он дойдет до своих – у 11 школы идет бой.

Катюшин *(удивленно)* Как бой? У штаба дивизии бой? Не может быть такого.

Паренек-ополченец *(перебивая свою подругу)* Точно, товарищ командир, у школы стреляли, и на улице Челюскинцев, а на улице Воровского немцы. И еще товарищ командир: мост взорвали.

Катюшин *(с большим интересом)* Как взорвали? Кто взорвал?

Паренек-ополченец *(пожав плечами)* Не знаю, когда мы пробирались по обрыву у парка Горького, над мостом поднялся столб огня, полетели доски и мост осел в воду. Я хорошо видел. В центре города немцев мало. Занимают позиции по западному, высокому берегу Дубровенки.

Катюшин Понял комиссар? Нам уже на мост не стоит лезть.

(Обращаясь к ребятам) Спасибо вам. Молодцы вы, земляки. Вас бы наградить надо. Но, сейчас объявляю вам благодарность за хорошо выполненное задание. *(Пожимает парню и девушке руку).* Идите к своим.

(Разведчики уходят. Катюшин поворачивается к старшему политруку).

Вот видишь – все само собой решилось. Понятно, Романов с

основными силами, ушел по бобруйскому шоссе. Зря он так сделал. Там немцы со середины июля сидят, укрепились, не пропустят они его там. Мы одни остались в городе... Что делать будем комиссар?

Старший политрук Сражаться с врагом...

Катюшин Брось ты свои лозунги. Прибереги их для другого случая. А сейчас надо думать и еще раз думать, как выбраться отсюда. Нас немцы без боеприпасов передушат как цыплят.

Старший политрук Ладно, командир. Это я спросонья. А вообще надо посоветоваться с местными, что они скажут.

Катюшин Вот за это ты, у меня, молодец. Совет в Филях закончен. Сделаем так. Ты, комиссар, среди ополченцев, найдешь коренных жителей, желательно постарше и, кто рыбалкой занимается. Надо разыскать хотя бы несколько лодок. И вечером уходить, сейчас поздно, уже светает. А я организую оборону. Нам надо день сидеть тихо и не высовываться. Удержаться на этих позициях. Немцы за день не смогут прочесать весь город. Их разведгруппы у нас хватит сил уничтожить. А вечером тихо снимемся и уйдем. Не возражаешь?

Старший политрук Никак нет, командир. Я за тобой, как за каменной стеной.

Катюшин (*шутливо*) То-то, видишь, как тебе повезло.

Вечер 26 июля. Смеркается. Человек 400 – это сводный полк майора Катюшина, длинной лентой движется в сторону Днепра по оврагу. Впереди Катюшин и крепкий пожилой мужчина в плаще-дождевике.

В книге «Живые и мертвые» Константина Симонова командир полка, и.о. командира дивизии Серпилин докладывает при выходе из окружения: «Товарищ командующий! Докладывает комбриг Серпилин! Вывел в Ваше распоряжение вверенную мне 176 стрелковую дивизию. Здравствуй, Сергей Филиппович, Серпилин говорит». И только тут, при этих словах, голос его сдал, спазм рыдания перехватил ему горло, и он отвалился на бок вместе с подушками».

Это майор Катюшин, а не мифический комбриг Серпилин вывел в действительности 172 дивизию к своим.

Занавес

Содержание

Часть I. Герои земли Могилевской

Герой-летчик и генерал Евгений Николаенко	3
Летчики Могилевского авиаотряда (дивизиона) по охране Ставки, удостоенные Георгиевских наград	16
Казимир Ванькович – заслуженный учитель БССР и кавалер ордена Возрождения Польши	22
Литературовед Евлалия Казанович	29
Певец Сергей Мигай и его отец – настоятель Могилевского кафедрального собора	31
Отец кинорежиссера Турова - Тимофей Туров был старшим опером по борьбе с бандитизмом в могилевской милиции, а мать – секретарем парторганизации артели им. Крупской	32
Генерал Иван Лазаренко победил генерала Фрица Шлипера в Брестской крепости 22 июня 1941 г.	37
Подводник Иван Шавриков из Черикова	41
Могилевчане, погибшие на линкоре «Новороссийск» – «Джулио Чезаре»	43
Могилевчане – участники спасения Кракова в 1945 г.	46
Герой Советского Союза Федор Никитин председатель колхоза «Красный Маяк» и... сосед известного Кирилла Орловского	54
Эдуард Волосевич	60
Братья Зайцевы – заслуженные работники МВД	62
Часть II. Очерки по истории Могилева	
Пушкинская «Ольга, жрица наслажденья» жила в Могилеве	67
Телеграфная линия Бобруйск-Париж	68
Сергей Есенин в Могилеве	69

Депутат Могилевского городского Совета Георгий Софронов – участник и организатор расстрела семьи Николая 2-го	72
Вольф Мессинг в Могилеве	79
Елена Боос (фон Нидермюллер) – палач могилевского антифашистского подполья	82
Крест Евфросинии Полоцкой	89
О Сталине и быте в сталинское время	92
О некоторых деталях быта писателя К. Симонова и советских артистов в годы войны	99
О комсомоле, о товарищах, о себе (К 100-летию ВЛКСМ)	101
Часть III. Документальная пьеса. Луполовский мост	120

Автор – Михаил Андреевич Рыськов родился в 1951 году в д. Склимин Климовичского района Могилевской области.

Окончил могилевские политехнический техникум и пединститут имени А. А. Кулешова. Служил в армии, работал на комсомольской и партийной работе, в органах МВД, юрисконсультантом, заведующим музеем истории народного образования Могилевской области.

Автор книг: «Воздушные асы Беларуси. Подвиг их бесценен», «Неизвестные страницы истории Могилевщины», «История Могилевского городского Совета депутатов (1917–2014 гг.). К 100-летию со дня образования», «Историческая летопись Могилевского городского совета депутатов» (1917–2017 гг.), а также автор-составитель книг «Под пеплом Чернобыля» и «Могилевская милиция: история и современность. 95 лет белорусской милиции».

Автор концепции и современной экспозиции музея истории народного образования Могилевской области.

Научно-популярное издание

Рыськов Михаил Андреевич

**ГЕРОИ ЗЕМЛИ
МОГИЛЕВСКОЙ**

Ответственный за выпуск *А. Н. Емельянов*

Подписано в печать 20.11.18. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная 80 г/м². Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,6 Уч.-изд. л. 8,68. Тираж 60 экз. Заказ 489.

ЧУП «АмелияПринт».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/339 от 19.12.2014.

Пер. Комиссариатский 10, к. 3, 212030, г. Могилев.

Тел.(0222) 25-87-16; e-mail: ameli.17@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «ПФ «Интермикро».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/125 от 02.05.2014.